

Давид Мотадель

Ислам
в политике
нацистской
Германии
(1939–1945)

ISLAM
und
JUDENTUM

Давид Мотадель

**Ислам в политике нацистской
Германии (1939–1945)**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2014

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

Мотадель Д.

Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) /
Д. Мотадель — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2014

ISBN 978-5-93255-569-9

На решающем этапе Второй мировой войны немецкие войска вели боевые действия в таких далеких друг от друга регионах, как Сахара и Кавказ, на территориях, населенных преимущественно мусульманами. Нацисты считали ислам важной силой, союзником в борьбе с общими врагами: Британской империей, Советским Союзом и евреями. Книга представляет собой первое всестороннее описание попыток Берлина мобилизовать исламский мир. Основываясь на архивных изысканиях, проведенных на трех континентах, историк Давид Мотадель показывает, как немецкие власти пытались представить Третий рейх покровителем ислама. Он рассматривает политику и пропаганду Берлина в зонах боевых действий, населенных мусульманами, и обширную работу, которую вели власти по привлечению и идеологической обработке десятков тысяч добровольцев, сражавшихся в вермахте и СС. В книге показывается, как немецкие войска в Северной Африке, на Балканах и Восточном фронте взаимодействовали с мусульманским населением, включая исламизированных цыган и евреев. Благодаря взвешенной аргументации в сочетании с мастерским знанием деталей эта книга помогает понять, как сильно Вторая мировая война повлияла на мусульман по всему миру. Работа Мотаделя предлагает новый взгляд на религиозную политику во время самого кровопролитного конфликта XX столетия.

УДК 94(100)«1939/45»
ББК 63.3(0)62

© Мотадель Д., 2014

ISBN 978-5-93255-569-9

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2014

Содержание

Слова признательности	7
Введение	9
1	19
2	40
3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Давид Мотадель

Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945)

Слова признательности

Эта книга создавалась почти десятилетие, и всё это время бесчисленное множество людей предлагало мне помощь и направляло мою работу. Я особенно обязан сэру Ричарду Дж. Эвансу, который постоянно меня ободрял и поддерживал советами. Его усилия сыграли ключевую роль в формировании замысла этой книги. Эванс был неиссякаемым источником знаний – не только о нацистском режиме и Второй мировой войне, но и о ремесле историка в целом. Я бесконечно благодарен Хушангу Э. Чехаби, обладателю огромных знаний о странах исламского мира – он прочел рукопись с присущим ему вниманием к деталям и был для меня постоянным источником вдохновения. Также я бы хотел выразить благодарность Джемилю Айдыну, Иво Банацу, Роберту Д. Крюзу, Тиму Харперу, сэру Ноэлу Малькольму, Александру Моррисону, Майклу А. Рейнольдсу и Николасу Штаргардту – все они уделили свое время чтению рукописи книги, целиком или частями, и сделали важные замечания.

Работая над этим трудом, я имел честь быть частью интеллектуального сообщества Кембриджа: сначала в Пемброк-колледже (в годы моего студенчества), а потом, уже как исследователь, в колледже Гонвилл и Киз. Кембридж предоставляет уникальную среду для того, чтобы учиться, думать и читать, и я извлек огромную пользу из разговоров и обмена мыслями с выдающимися учеными, в том числе Дэвидом Абулафией, Кристофером Кларком, Майклом Фришем, Бьянкой Гауденци, Брэдли Хартом, Стефаном Иригом, Хубертусом Яном, Алоисом Мадершпахером, Тоби Матисеном, Марком Миллером, Томом Нойхаузом, Лизой Нимейер, Джейкобом Норрисом, Валентиной Пульяно, Джеймсом Л. В. Рослингтоном, Кристофером Н. Б. Россом, Тоби Симпсоном, Муратом Шивильоглу, Джоном Слайтом, Астрид Свенсон и Мехметом Йерчилем.

За те годы, что я провел за своим исследованием, я побывал во многих местах и всюду встречал людей, предлагавших мне помощь. Впервые я задумался о создании подобной книги во Фрайбургском университете, где мне посчастливилось учиться в студенческие годы под руководством двух выдающихся ученых – Ульриха Херберта и Вилли Оберкромме (я благодарен им обоим за постоянный интерес к моей работе). В Гарварде, где я был приглашенным научным сотрудником, меня поддерживали Дэвид Блэкборн, Нил Фергюсон и Эмма Ротшильд. Мое пребывание в Йеле, где я провел потрясающий год в качестве научного сотрудника, было радостным и продуктивным во многом благодаря Аббасу Аманату, Джону Л. Гэддису и Полу Кеннеди. В Берлине я пользовался гостеприимством и поддержкой Ульрики Фрейтаг и Гудрун Кремер. Наконец, я бы хотел поблагодарить нескольких коллег за советы, которые получал от них на разных этапах своей работы – это Нир Ариэлли, Пол Беттс, Ксавье Бугарель, Мориц Дойчман, Норман Домейер, Детлев Хеллфайер, Бастиан Хербст, Даниэль Ютте, Анна Олейник, Олексий Попов, Дагмар Ридель, Бинг Ронг и Умар Райад. Многие другие ученые также содействовали созданию этой книги и ее улучшению, и я горячо благодарю всех, кого не назвал по имени.

Книга основывается на материалах, созданных на самых разных языках, и я бы не смог написать ее без содействия переводчиков. Я благодарю Розалию Гарипову, Весну Новаковиц, Реву Панидху и Харита бин Рамли за помощь в переводе с татарского, боснийского, албанского и арабского соответственно. Выражаю также свою признательность Филиппу Стиклеру, подготовившему карту.

Мне оказали содействие множество библиотекарей и сотрудников архивов со всего мира. Особенно я признателен Сандре Буркхардт, Суэле Чучи, Дженни Гор, Снежане Грегич, Мартину Крёгеру, Алме Леке, Соне Мартинович, Лутцу Мёзеру, Эрвину Оберлендеру, Фатиме Казихе, Томасу Рипперу, Габриеле Тейхманн, Яну Варсишеку и Элисон Заммер – за помощь в поиске документов, книг и статей. Библиотека Кембриджского университета, библиотека Уай-

денера (Гарвард), Мемориальная библиотека Стерлинга (Йель) и Берлинская государственная библиотека открыли мне доступ к своим сокровищам, и я бы хотел выразить особую благодарность сотрудникам этих учреждений.

Работа над этой книгой стала возможной благодаря щедрым грантам от Кембриджского траста семьи Гейтс, Исследовательского совета по искусствам и гуманитарным наукам (Великобритания), Фонда Смита Ричардсона, Фонда сэра Джона Пламба, Королевского исторического общества, Немецкого исторического общества, Немецкого исторического института в Вашингтоне, Центра истории и экономики (Кембридж и Гарвард), Исторического факультета Кембриджского университета, Пемброк-колледжа, колледжа Гонвилл и Киз.

Я хотел бы горячо поблагодарить сотрудников Издательства Института Гайдара, и особенно издателя Валерия Анашвили, который с самого начала проникся энтузиазмом по поводу этой книги и обеспечил ее быстрый выход в свет. Я также бесконечно благодарен переводчику Артему Космарскому, прекрасному специалисту по современной истории, за великолепно выполненную им работу. Наконец, я признателен Саре Челфент, Джеймсу Пуллену и Эндрю Вайли (литературное агентство Вайли), которые оказали мне огромное содействие при решении организационных вопросов, связанных с переводом книги на русский язык.

Но более всего я обязан своей семье: моя жена Рэйчел Г. Хоффман, блистательный ученый, прочла рукопись много раз и поддерживала меня своим чувством юмора (и заботой) в самые трудные периоды жизни; родители, Сабина и Ирадж Мотадель, своей любовью и бесконечной верой в мое профессиональное призвание сделали для меня больше, чем можно описать словами; бабушка Доротея Дорн всегда поддерживала мой дух своей мудростью и остроумием. Им я посвящаю эту книгу.

Введение

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА затронула значительную часть исламского мира. Около 150 миллионов мусульман от Северной Африки до Юго-Восточной Азии жили под британским и французским владычеством, а более чем 20 миллионами управлял Советский Союз. В разгар войны, когда Япония вторглась на мусульманские земли в Юго-Восточной Азии, а немецкие войска захватывали территории на Балканах, в Северной Африке, в Крыму и на Кавказе и приближались к Ближнему Востоку и Средней Азии, державы Оси, как и их противники, в полной мере оценили политическую и стратегическую важность ислама.

Именно в то время, в 1941–1942 годах, Берлин начал продвигать союз с мусульманским миром против предполагаемых общих врагов Третьего рейха и ислама – в первую очередь, Британской империи, Советского Союза и евреев. Во всех зонах боевых действий, где был распространен ислам, немцы изображали себя друзьями мусульман и защитниками их веры. Тогда же они начали набирать десятки тысяч мусульман в вермахт и СС. Большинство рекрутов поступало из Советского Союза, однако часть солдат завербовали на Балканах и, в небольших количествах, на Ближнем Востоке. Реализуя свою программу, немецкие власти основали несколько исламских учреждений – например, Центральный исламский институт в Берлине (*Islamisches Zentralinstitut*), открытый в 1942 году, – и задействовали множество религиозных лидеров со всего мира. Среди самых известных можно назвать литовского муфтия Якуба Шинкевича, который считал гитлеровский «новый порядок» фундаментом укрепления и возрождения ислама в Восточной Европе и Центральной Азии, боснийца Мухамеда Панджу, лидера улемов (исламских богословов) Сараево и союзника немцев на Балканах, и, наконец, легендарного муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни, призывавшего правоверных от Марокко до Малакки к джихаду против союзников. Активные попытки политизировать ислам и втянуть мусульман в мировую войну на стороне немцев предпринимались на трех континентах сразу.

Для Берлина мусульмане приобрели особую значимость в двух контекстах, причем оба были связаны с переломом в ходе Второй мировой войны, имевшим место в 1941–1942 годах. В плане географии европейский конфликт все больше превращался в глобальный, и районы с мусульманским населением становились зонами боевых действий. В 1942 году немецкие солдаты оккупировали Нормандские острова на западе и немалую часть Кавказа на востоке; они стояли в Скандинавии и в пустыне Сахара. Одновременно рейх столкнулся с большими мусульманскими общностями на Кавказе и в Крыму, в Магрибе и на Балканах. Бесчисленные минареты возвышались на оккупированных Гитлером территориях. Германия контролировала крупные мусульманские города – Тунис, Сараево, Бахчисарай. Почти все из немногих территорий за пределами Европы, оккупированных немцами, были заселены мусульманами, и даже в Европе на Балканах Берлин все более упрочивал контроль над исламскими землями. Не менее важным было то, что гитлеровский режим ожидал присоединения еще более масштабного исламского «пояса», лежащего между азиатскими и европейскими театрами военных действий. Необходимость заручиться поддержкой мусульман на этих землях становилась все более актуальной, поскольку этот «пояс» на некоторое время показался решающим полем битвы.

Со стратегической точки зрения попытки Германии мобилизовать мусульман проистекали не из какого-то долгосрочного плана, но, наоборот, спонтанно диктовались ходом войны – прежде всего, тем обстоятельством, что удача начала изменять державам Оси. Интерес к исламу стоит воспринимать в качестве одного из элементов общего поворота к стратегическому прагматизму и логике тотальной мобилизации¹. Еще в конце 1941 года в Берлине верили в скорую победу, а политика немцев ориентировалась на будущее, наиболее яркое видение

¹ Mark Mazower, *Hitler's Empire: Nazi Rule in Occupied Europe* (London, 2008), особенно 454–460.

которого было представлено в «Генеральном плане Ост»². Эта позиция начала меняться в конце 1941 года, после поражения в битве за Москву и вступления Америки в войну: немцы начали понимать, что стратегия блицкрига потерпела неудачу, а война продолжится еще долго. К концу следующего года фиаско в Сталинграде и под Эль-Аламейном, а также активизация партизан на оккупированных территориях закрепили изменение немецкой стратегии. В политике Берлина теперь преобладали краткосрочные цели и неотложные потребности, обусловленные войной. Различные фракции нацистской верхушки стремились создавать более крупные военные коалиции, демонстрируя откровенный и небывалый прагматизм. Идеологические барьеры стали менее прочными, а расовые нормы неожиданно смягчились. По мере того как росли военные потери и массовый дефицит рабочей силы, вермахт и СС начали привлекать добровольцев со всех оккупированных территорий. Берлин начал формировать европейский союз против большевизма. Даже в странах, которые наиболее пострадали от оккупации, – в частности, в Польше и СССР, – немцы пытались заручиться поддержкой общеевропейской борьбы с большевиками. Еще одной чертой этого прагматичного поворота стала кампания против империализма. Нацисты спонсировали различные антиколониальные группы и их лидеров – например, в Индии, Ираке, Палестине – и пытались поднять антиимпериалистические восстания по всему миру. Все эти инициативы были продиктованы требованиями войны, а не идеологическими соображениями. Усилия Берлина по сплочению исламского мира можно рассматривать как важный аспект этого сдвига к стратегическому прагматизму и тотальной мобилизации.

Причем Германия обхаживала мусульман не только для того, чтобы эффективнее контролировать и стабилизировать прифронтовые территории. Не менее важной для нее задачей было разжигание смуты во вражеском тылу, в первую очередь на неустойчивых мусульманских окраинах Советского Союза, а также в британских (и позже французских) колониях в Африке, на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Наконец, пропагандистские усилия были нацелены и на мобилизацию мусульман в армию рейха. Чтобы завоевать умы и сердца правоверных, власти Германии пытались самыми разнообразными способами использовать ислам. Религиозная политика и пропаганда применялись для усиления социального и политического контроля на оккупированных территориях и в зонах боевых действий, для вербовки мусульман в вермахт и СС, а также для мобилизации последователей ислама на вражеских территориях и в армиях. Немцам помогали исламские учреждения и религиозные авторитеты. Пропаганда рейха основывалась на политизированных религиозных императивах и риторике, священных текстах и исламской символике, которые использовались для того, чтобы обосновать участие мусульман в войне с религиозных позиций. И хотя эта политика, как и многие другие германские мероприятия военного времени, изобилвала импровизациями, в целом она оставалась вполне последовательной.

Курс Берлина в отношении мусульман отражал определенный набор допущений, идей и представлений об исламе, которые разделялись немецкими чиновниками. Они часто сводили мусульман к их вероисповеданию, вне зависимости от того, насколько благочестивыми были те или иные группы или какой была их версия ислама. Термины «ислам» (*Islam* или *Mohammedanertum*) и «мусульмане» (*Muslim*, *Moslem*, *Mohammedaner*, или *Muselmane*) применялись в официальных документах в качестве бюрократических категорий. Хотя власти Германии в принципе признавали разнообразие и сложность мусульманского мира, на практике они часто руководствовались эссенциалистским³ представлением об исламе как о сущности,

² Программа закрепления господства Третьего рейха в Восточной Европе. План предусматривал принудительное выселение с территории Польши и оккупированных областей СССР до 75–85% населения. План был рассчитан на 30 лет. К его реализации предполагалось приступить после победы в войне против СССР. – *Прим. пер.*

³ Эссенциализм – теоретическая установка, характеризующаяся приписыванием некоторой сущности неизменного набора качеств и свойств. – *Прим. пер.*

обладающей четкими и неизменными характеристиками. Важнее всего для немцев были представление об исламе как о политической силе и идея глобального исламского единства: немецкие официальные лица постоянно исходили из того, что в «мусульманском мире» религия и политика тесно переплетены. Ислам рассматривался ими как политическая и даже воинственная сила.

Что еще более важно, в Берлине полагали, что ислам можно использовать как орудие для достижения политических и военных целей самой Германии. В исламе видели понятный и последовательный религиозный кодекс, который пригоден для применения в определенных целях. Предписания веры, которым, как считалось, следуют мусульмане, представлялись идеальной основой для легитимации власти и авторитета. Поэтому использование религии в пропаганде и политике, направленных на мусульман, казалось идеальным способом контроля и мобилизации. Более того, официальные лица в Берлине были склонны представлять мусульманский мир (*Muslimische Welt*, *Moslemische Welt*, *Mohammedanische Welt* или *Weltmuselmanentum*) как единообразное территориальное и политическое целое. Эта концепция непосредственно повлияла на географический охват политики рейха, что ярко проявилось в понятии «мировой ислам» (*Weltislam*, *Weltmuselmanentum* или *All-Islam*), к которому регулярно обращались немецкие функционеры. Неудивительно, что такие идеи и концепции неоднократно «ломались» при столкновении с реалиями практической жизни⁴.

В этой книге рассказывается о том, как власти Германии – прежде всего, вермахт и СС, но также Министерство иностранных дел (*Auswärtiges Amt*), Министерство народного просвещения и пропаганды (*Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda*) и Министерство оккупированных восточных территорий (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*)⁵ – «работали» с исламом, пытаясь выстроить союз с мусульманами на завоеванных территориях и в других странах. В ней исследуется вопрос о том, как ислам практически применялся в зонах боевых действий, а также в процессе призыва и набора добровольцев в армию. Также в ней рассматриваются основные политические трактовки ислама, которыми руководствовались гражданские и военные чиновники рейха как в столице, так и на фронтах.

Повествование не фокусируется на каком-то одном регионе: в нем затрагиваются все земли «исламского пояса», протянувшегося от пустыни Сахара через Балканский полуостров к пограничным территориям Советского Союза и дальше на восток⁶. На деле немецкие чиновники сталкивались с различными проявлениями ислама, включая суфийские движения в Магрибе, ортодоксальные практики городских улемов на Балканах и неортодоксальные формы на южных окраинах СССР. На местах взаимодействие Германии с исламом порой было сложным, затрагивая, например, немецкую политику в отношении цыган-мусульман и обращенных в ислам евреев. Разумеется, основное внимание в этой книге уделяется именно германской политике; данная работа отнюдь не является ни социальной историей мусульманской жизни времен Второй мировой войны, ни отчетом о реакции мусульман на действия нацистов. Но при

⁴ Тут прослеживаются явные параллели с другими религиями, которые также воспринимались как глобальные и политически ангажированные – «мировое иудейство» (*Weltjudentum*) или «мировой католицизм» (*Weltkatholizismus*), каждая из которых несла за собой шлейф специфических смыслов.

⁵ В книге в качестве синонимичного названия этой структуры используется «Восточное министерство». Кроме того, словом «восток» (*Ost*) обычно обозначаются, в соответствии с употреблением этого слова в Третьем рейхе, не восточные страны, а оккупированные восточные территории, то есть районы СССР. – *Прим. пер.*

⁶ Clifford Geertz, *Islam Observed: Religious Development in Morocco and Indonesia* (New Haven, CT, 1968) – известнейшая работа о многообразии культурных форм ислама. О возникновении современных концепций «исламского мира» см.: Cemil Aydin, «Globalizing the Intellectual History of the Idea of the „Muslim World“», in Samuel Moyn and Andrew Sartori (eds.), *Global Intellectual History* (New York, 2013), 159–186. Мое исследование следует очень базовому определению «мусульманского мира», или «исламского мира», как территорий, населенных мусульманами (где они составляют или большинство, или значимое меньшинство), но не подразумевает однородности, единства или каких-либо общих характеристик.

этом в ней, разумеется, затрагиваются судьбы мусульман, которые непосредственно участвовали в реализации политики рейха – и которые обычно преследовали свои собственные цели.

Всестороннее исследование политики Германии в отношении ислама в годы Второй мировой войны еще не написано. Как правило, анализируя отношения нацистской Германии с мусульманским миром, историки сосредотачиваются на географических, национальных и этнических, а не на религиозных, категориях. Многочисленные работы были написаны о политике Третьего рейха в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на Балканах, в Крыму и на Кавказе⁷. Более того, среди исследований о действиях Германии на Ближнем Востоке стоит упомянуть и биографии муфтия Иерусалима⁸. Некоторые работы касаются роли ислама частично: таковы, например, книги об арабском мире и аль-Хусейни⁹. Хотя моя книга опирается на эти региональные и биографические исследования, в ее фокусе – особая роль религии в политике Берлина по отношению к мусульманскому миру. Географические рамки анализа простираются от Северной Африки до Ближнего Востока и от Балкан до окраин СССР. В моей работе впервые представлена всеобъемлющая картина политического курса нацистской Германии в отношении ислама – картина, которую не сможет изобразить никакое исследование отдельных стран или регионов (например, работы о политике рейха на Ближнем Востоке или на Балканах) или отдельной человеческой жизни (например, биографии муфтия Иерусалима). В книге предпринимается попытка вписать ислам в политико-стратегическую карту Второй мировой войны.

Она также вносит вклад в историческое изучение религиозной политики Берлина во Второй мировой войне. Взаимодействию рейха с христианскими группами – католиками, протестантами или православными – посвящено немало исследований; в еще большем числе работ изучается его кровавая политика по отношению к евреям. Однако мусульманами, одной из наиболее многочисленных конфессиональных групп в некоторых зонах военных действий, ученые удивительным образом пренебрегают.

Между тем гитлеровская Германия была не единственной державой, которая стремилась использовать ислам для мобилизации мусульманского мира. Япония и Италия, ее партнеры по Оси, предпринимая аналогичные усилия, к середине войны столкнулись с конкуренцией со стороны не только британцев, но и США и СССР. Все эти страны обещали поддерживать ислам и защищать правоверных. Это явление можно назвать «мусульманским моментом

⁷ Подробные указания на литературу по теме можно найти в соответствующих главах этой книги. Среди наиболее известных исследований Ближнего Востока см.: Bernd Philipp Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg* (Göttingen, 1975); по арабскому миру: Heinz Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg* (East Berlin, 1965); Łukasz Hirsowicz, *The Third Reich and the Arab East* (London, 1966); и Jeffrey Herf, *Nazi Propaganda to the Arab World* (New Haven, CT, 2009). О Балканах см.: Jozo Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: Occupation and Collaboration* (Stanford, CA, 2001); Enver Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War* (New York, 2005); Marko Attila Hoare, *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia: The Partisans and the Chetniks, 1941–1943* (Oxford, 2006); и Marko Attila Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War: A History* (London, 2013). О советском пограничье см.: Patrik von zur Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern: Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg* (Düsseldorf, 1971) и Andrej Angrick, *Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der Südlichen Sowjetunion 1941–1943* (Hamburg, 2003); конкретно по Крыму см.: Michel Luther, «Die Krim unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 3 (1956), 28–98; и Norbert Kunz, *Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944: Germanisierungstypie und Besatzungsrealität* (Darmstadt, 2005); по Кавказу: Joachim Hoffmann, *Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und Orientvölker der Sowjetunion* (Freiburg, 1991); Joachim Hoffmann, *Die Ostlegionen 1941–1943: Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer* (Freiburg, 1976).

⁸ Интерес к сотрудничеству муфтия с национал-социалистами так же стар, как и само это сотрудничество. Среди наиболее важных исследований см.: Joseph B. Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer: The Rise and Fall of Haj Amin el-Husseini* (London, 1965); Jennie Lebel, *The Mufti of Jerusalem: Haj-Amin el-Husseini and National-Socialism* (Belgrade, 2007); и Klaus Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis: The Berlin Years, 1941–1945* (London, 2011).

⁹ Gerhard Höpp, «Der Koran als „Geheime Reichssache“: Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945», in Holger Preißler and Hubert Seiwert (eds.), *Gnosisforschung und Religionsgeschichte: Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag* (Marburg, 1994), 435–446. Эта работа коротко сообщает о разнообразных формах сотрудничества рейха с мусульманами во время войны. См. также более подробное исследование: Volker Koop, *Hitler's Muslims: Die Geschichte einer unheiligen Allianz* (Berlin, 2012).

войны». Еще в 1937 году дуче распорядился, чтобы на торжественной церемонии в Триполи ему преподнесли драгоценный «Меч ислама» (который на самом деле изготовили в Италии): тем самым Муссолини символически продвигал себя в качестве покровителя мусульманского мира¹⁰. Италия, объявил дуче, будет уважать «закон Пророка». «Муссолини ездит по Африке и тем самым оказывает почтение исламу, – писал Геббельс в дневнике. – Очень умный и хитрый ход, Париж и Лондон сразу же заподозрили неладное»¹¹. Использование Италией ислама достигло апогея во время войны, когда пропагандисты по всему мусульманскому миру славляли дуче как «защитника ислама».

Еще более масштабную и целостную попытку превратить исламскую веру в политическое оружие предприняла Япония, стремившаяся поднять азиатских мусульман против Великобритании, Нидерландов, Китая и СССР¹². Хотя, как и в итальянском случае, этот курс зародился еще в конце 1930-х годов – «Исламская лига великой Японии» (*Дай Нунпон Кайкио Киокай*) и Токийская мечеть начали действовать в 1938-м, – особую интенсивность политическая и пропагандистская работа японцев с исламом обрела после вторжения их войск в Голландскую Ост-Индию весной 1942 года. Мусульманские эмиссары на японском жалованье заставляли местных исламских лидеров и общины помогать армии и флоту Страны восходящего солнца. Желая придать исламский характер оккупационному режиму, военные власти пытались кооптировать местных улемов, которые возмущались деспотизмом голландцев. Японские чиновники начали выдавать имамам подготовленные тексты, чтобы те включали их в пятничные проповеди, и побуждали правоверных произносить молитвы за императора и победу Японии в войне. Оккупанты также принудили различные группы вступить в религиозный представительный орган – «Совет индонезийских мусульман» (*Маджлис Шура Муслимин Индонезия*, или *Масджуми*). В начале апреля 1943 года улемы и другие официальные лица с Суматры и из Малайи были вызваны на конференцию в Сингапур, на которой японцы объявили мусульманам Юго-Восточной Азии, что Токио является истинным защитником их веры. Улемы покинули собрание, публично выразив свое удовлетворение тем, как Япония служит делу защиты ислама, и заявив о своей поддержке войны. Вторая подобная конференция была созвана в декабре 1944 года в Куала-Кангаре на Малайском полуострове. В тот же период татарин Абдурашид Ибрагимов (Абд аль-Рашид Ибрагим), имам Токийской мечети и «уважаемый патриарх мусульманского мира», проповедовал джихад меча из японской столицы. «Путь Японии в войне, которая идет в большой Восточной Азии, священен, а ее действия сопоставимы с войной, которую вел против неверных пророк Мухаммад», – заявлял Ибрагимов летом 1942 года¹³.

¹⁰ John L. Wright, «Mussolini, Libya, and the Sword of Islam», in Ruth Ben-Ghizat and Mia Fuller (eds.), *Italian Colonialism* (New York, 2005), 121–130, 123–125; более общая работа по теме: Manuela A. Williams, *Mussolini's Propaganda Abroad: Subversion in the Mediterranean and the Middle East, 1935–1940* (London, 2006), особенно 205; и Nir Arielli, *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40* (New York, 2010), особенно 1 и 97–98.

¹¹ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, ed. Elke Fröhlich et al, часть I (9 томов), часть II (15 томов) и часть III (3 тома) (Munich, 1993–2008), часть I, т. 4, 50–51 (14 March 1937), 50. В этой работе рассматриваются проблемы использования дневников Геббельса в качестве исторического источника: Bernd Sösemann, «Propaganda – Macht – Geschichte: Eine Zwischenbilanz der Dokumentation der Niederschriften und Diktate von Joseph Goebbels», *Das Historische Buch* 50, 2 (2002), 117–125.

¹² Harry J. Benda, *The Crescent and the Rising Sun: Indonesian Islam under the Japanese Occupation, 1942–1945* (The Hague, 1958), об оккупации Голландской Ост-Индии; и Abu Talib Ahmad, *Malay-Muslims, Islam and the Rising Sun 1941–1945* (Selangor, 2003); Abu Talib Ahmad, «Research on Islam and Malay-Muslims during the Japanese Occupation of Malaya, 1942–45», *Asian Research Trends* 9 (1999), 81–119, и Abu Talib Ahmad, «Japanese Policy towards Islam in Malaya during the Occupation: A Reassessment», *Journal of Southeast Asian Studies* 33, 1 (2002), 107–122. Краткий обзор оккупации Малайи см.: в: Yoji Akashi, «Japanese Military Administration in Malaya: Its Formation and Evolution with Reference to the Sultans, the Islamic Religion and Malay-Muslims, 1941–45», *Asian Studies (University of the Philippines)* 7, 1 (1969), 81–110. Yoichi Itagaki and Koichi Kishi, «Japanese Islamic Policy – Sumatra/Malaya», *Intisari* 2, 2 (1966), 11–23. Здесь рассказывается об истоках политики Японии в отношении ислама: Selçuk Esenbel, «Japan's Global Claim to Asia and the World of Islam: Transnational Nationalism and World Power, 1900–1945», *American Historical Review* 109, 4 (2004), 1140–1170.

¹³ Аноним, «Japan Muslims Confident of Nippon Victory: 94-Year-Old Patriarch of Tokyo Mosque Visions Emancipation of Millions from Servitude», *Shanghai Times* (14 June 1942). Об Абдурашиде Ибрагимове см: Komatsu Hisao, «Muslim Intellectuals and Japan: A Pan-Islamist Mediator, Abdurreshid Ibrahim», in Stéphanie A. Dudoignon, Komatsu Hisao, and Kosugi Yasushi (eds.),

Для антифашистской коалиции ислам представлялся и потенциальной угрозой, и мощным инструментом политической борьбы. Уинстон Черчилль, который осознал политическое значение ислама, еще молодым офицером неся службу на северо-западной границе¹⁴ в Индии и сражаясь против мятежников-махдистов¹⁵ в Судане, очень серьезно относился к антиимпериализму правоверных¹⁶. В начале 1942 года он подчеркивал, что Британия «ни в коем случае не должна допустить разрыва с мусульманами», которые представляют мощную силу в империи и важный элемент в британской армии – особенно в Индии¹⁷. Мнение премьер-министра разделяли многие официальные лица страны¹⁸. Вскоре после объявления войны Лондон запустил большую программу по укреплению связей между империей и исламским миром. В 1941 году была открыта мечеть в Ист-Энде, а затем военный кабинет Черчилля принял решение построить в Риджентс-парке центральную мечеть Лондона – чтобы продемонстрировать уважение к исламу¹⁹. Вашингтон в то время тоже начал осознавать значимость ислама. Уже в ноябре 1940 года крупная общенациональная газета с тревогой вопрошала: «Кого поддержат мусульмане во время европейской войны?»²⁰. Как только американские войска прибыли на мусульманские территории, политические и пропагандистские службы начали учитывать религиозный фактор. В 1943 году Управление стратегических служб США²¹ распространяло листовки, призывавшие к джихаду против войск Роммеля в Северной Африке²². Военное министерство США обучало солдат тому, как правильно взаимодействовать с мусульманами, и готовило инструкции, рассказывающие армии об основах ислама. Даже Сталин, который безжалостно подавлял ислам в межвоенные годы, изменил свою линию. В 1942 году в Советском Союзе было учреждено четыре мусульманских совета – духовные управления²³. Строились новые мечети, проводились мусульманские съезды, открыто поддерживались исламские религиозные практики – включая даже хадж в Мекку, запрещенный в довоенный период. Выступая в Уфе от имени Центрального духовного управления мусульман, Габдрахман Расулев, «красный муфтий» Сталина, произнес серию пропагандистских речей, призывая мусульман Советского Союза подняться против нацистских агрессоров и молиться о победе Красной Армии. Это был прямой ответ на кампанию Германии по мобилизации мусульман на южных окраинах Советского Союза. В целом религиозная пропаганда союзников была направлена не только на то, чтобы противостоять

Intellectuals in the Modern Islamic World (London, 2006), 273–288.

¹⁴ Северо-западная пограничная провинция— бывшая провинция Британской Индии, а затем Пакистана. Располагалась на границе с Афганистаном, и англичане нередко умирляли населявших ее пуштунов. Черчилль участвовал в одной из таких кампаний в 1897 году.—*Прим. пер.*

¹⁵ Армия так называемого махдистского государства (Махдийя), просуществовавшего на территории Судана с 1882 по 1898 год теократического и националистического режима. Его первый лидер объявил себя мусульманским мессией, или Махди (отсюда и название государства).— *Прим. пер.*

¹⁶ Winston S. Churchill, *The Story of the Malakand Field Force: An Episode of Frontier War* (London, 1898); and Winston S. Churchill, *The River War: A Historical Account of the Reconquest of the Soudan* (London, 1899).

¹⁷ Winston S. Churchill, *The Second World War*, 6 vols. (London, 1948–1954), vol. 4 (*The Hinge of Fate*), 185–186, где цитируется письмо Черчилля Рузвельту от 4 марта 1942 г.

¹⁸ В главе 3 дается детальное описание британской политики по отношению к исламу во время войны.

¹⁹ Humayun Ansari, *The Infidel Within: Muslims in Britain since 1800* (London, 2004), 134 и 342 (мечеть в Ист-Энде), 134 и 341 (центральная мечеть); о центральной мечети более подробно см.: A. L. Tibawi, «History of the London Central Mosque and the Islamic Cultural Centre 1910–1980», *Die Welt des Islams* 21, 1–4 (1981), 193–208.

²⁰ R. H. Markham, «Islam: Pathway to Mastery of the Middle East», *Christian Science Monitor* (16 November 1940). Спустя несколько месяцев газета (G. H. Archambault, «Moslem Influence Held with Britain: Islam's Opposition to Axis Is Seen as Vital Factor in North African Events», *New York Times* (8 February 1941), убеждала своих читателей в «оппозиционности ислама по отношению к странам Оси».

²¹ Управление стратегических служб (Office of Strategic Services, OSS) – первая объединенная разведывательная служба США, созданная во время Второй мировой войны. На ее основе после войны организовали ЦРУ.— *Прим. пер.*

²² В главе 3 дается подробное описание политики США по отношению к исламу во время войны.

²³ О советской политике рассказывается в главе 4.

попыткам держав Оси спровоцировать беспорядки на подчиненных им мусульманских территориях (и в сопредельных странах), но и на мобилизацию собственных подданных-мусульман.

Исламская политика во время Второй мировой войны может рассматриваться в контексте более широкой истории инициатив западных держав по разыгрыванию исламской карты в политических и военных целях. В имперскую эпоху европейские государства регулярно применяли религиозную политику и пропаганду для подстрекательства мусульманских подданных других колониальных держав. Во время Крымской войны британцы, французы и турки пытались поднять против России мусульман Крымского полуострова и Кавказа²⁴. Одним из наиболее значительных примеров использования ислама в политической и военной стратегии стали попытки Центральных держав посеять в ходе Первой мировой войны революционное возмущение среди правоверных, живущих под властью Антанты²⁵. Осенью 1914 года власти Германии и Османской империи добились от стамбульского шейх-уль-ислама – высшего религиозного авторитета Османской империи – провозглашения панисламского джихада. Его прокламация призывала правоверных к войне против держав Антанты, причем ее распространили по всему миру, переведя на арабский, персидский, урду и татарский. В ходе войны Берлин и Стамбул активно старались, как выразился Вильгельм II, подтолкнуть «весь магометанский мир к дикому бунту» против Британской, Российской и Французской империй²⁶. Германские и османские власти использовали для этого панисламистские лозунги и сети влияния в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в России и в Индии. Британцы, французы и русские отвечали разработкой собственной религиозной политики и развертыванием своей пропаганды²⁷. Ислам воспринимался как мощная политическая сила, которая способна повлиять на ход войны. «Всякий раз за панисламизмом стояла (или реализовывалась параллельно с ним) империалистическая политика какой-то европейской державы, чьи цели и интересы на данный момент, как представлялось, совпадали с устремлениями мусульман в целом или какого-то исламского владыки в частности», – писал американский ученый Дуайт Э. Ли в 1942 году²⁸. За проектами обоих воюющих блоков во Второй мировой войне последовала поддержка, которую Запад оказывал исламским антикоммунистическим движениям в период холодной войны – линия, которая привела к содействию моджахедам в Афганистане, где Вашингтон распространял не только «Стингеры», но и экземпляры Корана²⁹.

Ученые уже проявили определенный интерес к истории взаимоотношений великих держав с исламом. Тем не менее пока наиболее исследованным сюжетом остается германо-османская кампания по мобилизации мусульман во время Первой мировой войны³⁰. Причем она

²⁴ Orlando Figes, *Crimea* (London, 2010), passim. О страхах царского правительства, связанных с исламом, см.: Mara Kozelsky, «Casualties of Conflict: Crimean Tatars during the Crimean War», *Slavic Review* 67, 4 (2008), 862–891.

²⁵ Основные работы, посвященные роли ислама в Первой мировой войне: Herbert Landolin Müller, *Islam, Gihâd («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich: Ein Nachspiel zur wilhelminischen Weltpolitik im Maghreb 1914–1918* (Frankfurt, 1992); Peter Hopkirk, *On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire* (London, 1994); Donald M. McKale, *War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I* (Kent, OH, 1998); Tilman Lüdke, *Jihad Made in Germany: Ottoman and German Propaganda and Intelligence Operations in the First World War* (Münster, 2005); Salvador Oberhaus, «Zum wilden Aufstande entflammen:» *Die deutsche Propagandastrategie für den Orient im Ersten Weltkrieg am Beispiel Ägypten* (Saarbrücken, 2007); и Sean McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express: The Ottoman Empire and Germany's Bid for World Power, 1898–1918* (London, 2010).

²⁶ Цит. по: Fritz Fischer, *Germany's Aims in the First World War* (New York, 1967), 121.

²⁷ William L. Cleveland, «The Role of Islam as Political Ideology in the First World War», in Edward Ingram (ed.), *National and International Politics in the Middle East: Essays in Honour of Elie Kedourie* (London, 1986), 84–101.

²⁸ Dwight E. Lee, «The Origins of Pan-Islamism», *American Historical Review* 47, 2 (1942), 278–287, 286.

²⁹ Matthew F. Jacobs, «The Perils and Promises of Islam: The United States and the Muslim Middle East in the Early Cold War», *Diplomatic History* 30, 4 (2006), 705–739; Matthew F. Jacobs, *Imagining the Middle East: The Building of an American Foreign Policy, 1918–1967* (Chapel Hill, NC, 2011), 55–94; по холодной войне см.: Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* (London, 2004).

³⁰ Наиболее значимые работы перечислены в сноске 25.

не просто признается значимой вехой военными историками³¹ – исламоведы тоже считают ее важнейшим событием в современной политической истории ислама³². Вторая мировая война в указанном отношении привлекла меньше внимания³³. Историки-исламоведы, занимающиеся ею, склонны принижать значение этого конфликта. «В годы Второй мировой войны ислам как таковой вообще не был задействован, хотя отдельные мусульмане и группы мусульман сражались по обе стороны фронта», – писал Яков Ландау, автор влиятельного исследования, посвященного панисламизму³⁴. Однако, как будет видно из нижеследующих глав, в 1941–1945 годах взаимодействие Берлина с исламом было по крайней мере столь же активным и глубоким, как и в 1914–1918 годах. Более того, в отличие от Первой мировой войны, немцы с конца 1941 года набрали в ряды своих армий тысячи правоверных. Фактически мобилизация мусульман во время обеих мировых войн составила важную часть политической истории исламского мира в первой половине XX века.

На более общем уровне настоящее исследование рассматривает взаимосвязь между религией и властью, в частности роль религии как инструмента мировой политики и военного конфликта. Моя работа способствует пониманию тех способов, посредством которых правительства используют религию для упрочения своего политического влияния и ведения войн. Попытки мобилизовать религиозные общности были составной частью политики великих держав на протяжении XIX и XX веков. Подобные общности – популяции, определяемые по религиозной принадлежности – неизменно рассматривались в качестве политической силы, которую можно использовать в своих интересах. Государственные деятели и должностные лица крупных держав часто выступали покровителями конкретных религиозных групп для того, чтобы оказывать на них политическое влияние и по возможности провоцировать беспорядки, конфликты и восстания на территориях, которыми управляют соперники или враги, а также чтобы завоевывать и умиротворять оккупированные территории. Царская Россия называла себя защитницей православных в Европе и на Ближнем Востоке. Франция времен империи утверждала, что она является покровительницей христианства на Ближнем Востоке, Османская держава претендовала на роль патрона мирового ислама, а крупные европейские государства регулярно настаивали на том, что они стремятся защищать еврейские меньшинства или исламское население за пределами их собственных границ. Для завоевания лояльности религиозных групп и сплочения их под политическими знаменами разрабатывались различные религиозные и пропагандистские стратегии, манипулирующие религиозными чувствами. Интересно, что все они опирались на один и тот же набор допущений. Религия обычно рассматривалась как источник власти, который способен узаконить участие в конфликте и даже оправдать насилие. Главным маркером человеческих сообществ определялась именно религиозная идентичность. Предполагалось, что все члены подобных групп благочестивы и руководствуются догматами своей веры. В целом религиозные общности считались объектами, которые можно использовать в геополитических интересах. По сути, религиозная политика становилась политикой международных отношений и конфликтов.

Но ученые уделяли этому явлению меньше внимания, чем можно было бы ожидать. Сейчас, когда в истории международных отношений наблюдается повышенный интерес к него-

³¹ Fischer, *Germany's Aims in the First World War*, 120–131; Hew Strachan, *The First World War* (London, 2003), 95–123; and David Stevenson, *1914–1918: The History of the First World War* (London, 2004), 115 и 125.

³² Jacob M. Landau, *The Politics of Pan-Islam: Ideology and Organization* (Oxford, 1990), 105–142; Martin S. Kramer, *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses* (New York, 1986), 55–68; Rudolph Peters, *Jihad in Classical and Modern Islam* (Princeton, NJ, 2005), 55–57; и Cemil Aydin, *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought* (New York, 2007), 106–111.

³³ Marshall G.S. Hodgson, *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*, 3 vols. (Chicago, 1974), vol. 3, 414–415: эта работа представляет собой поразительное исключение.

³⁴ Landau, *Politics of Pan-Islam*, 248. Хотя мобилизации ислама во время Первой мировой войны Ландау уделяет много страниц (73–142), Вторая мировая освещена куда более скудно (245–247).

сударственным акторам, специалисты все более активно изучают политическое использование обособленных групп в условиях конфликта и войны, а также политические программы и мероприятия, предназначенные для больших сегментов населения³⁵. Однако и сегодня они в основном продолжают писать о группах, определяемых этнической или национальной принадлежностью³⁶. В процессе подобных исследований было продемонстрировано, что иногда целые этнические группы – особенно те, чья верность власти была под вопросом, – считались политически и стратегически значимыми. Также историки обращались к способам воздействия великих держав на эти группы, выясняя, как действия государств создают межэтнические противоречия и конфликты. Гораздо менее изучено использование религиозных групп в условиях соперничества великих держав – за исключением исламской мобилизации во время Первой мировой³⁷. Из-за этого наши знания о фактическом применении религиозной политики и пропаганды по-прежнему скудны. И в этом плане история кампаний, мобилизующих мусульман, особенно исламской стратегии Германии в годы Второй мировой войны, просто идеально подходит для изучения религиозной политики в условиях конфликтов и войн, а также способствует лучшему пониманию религии как фактора международных отношений и военных противостояний.

В нижеследующих главах я рассмотрю механизмы, с помощью которых власти рейха занимались осмыслением и использованием религии в политических и стратегических целях. В книге описываются стратегии и мероприятия, взаимодействие властей с религиозными учреждениями и авторитетами, их отношение к религиозным обычаям, а также религиозная пропаганда с ее установками, риторикой и символикой. Вопрос о роли ислама в германской политике и пропаганде обсуждается в трех частях книги: в части I рассматриваются стратегические и идеологические дебаты общего характера, которые проходили в Берлине; в части II анализируются германская политика и пропаганда в мусульманских областях, в частности на Восточном фронте, на Балканах, в Северной Африке и на Ближнем Востоке; в части III изучается военная мобилизация мусульман на оккупированных территориях.

Книга опирается на источники на немецком, английском, французском, боснийском (сербохорватском), албанском, арабском, персидском и татарском языках из более чем тридцати различных местных и национальных архивов в четырнадцати странах, включая собрания в Берлине, Фрайбурге, Кобленце, Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Кельне, Бонне, Лейпциге, Вене, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Москве, Варшаве, Праге, Риге, Симферополе, Загребе, Сараево, Тиране и Тегеране. Работа по восстановлению истории взаимодействия Германии с исламом часто была мучительной. Это связано не только с тем, что документы по этой теме разбросаны по разным архивам и библиотекам. В различных архивах, где я работал, специальной рубрики «Ислам» обычно не существовало. Соответственно, очень много времени уходило на то, чтобы просмотреть бесчисленные папки, где могла содержаться какая-то информация об исламских сюжетах. Нередко подсказки в отдельных источниках, хранящихся в этих папках, казались случайными и не могли быть оценены без понимания их связи с общей страте-

³⁵ Eric D. Weitz, «From Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions», *American Historical Review* 113, 5 (2008), 1313–1343, особенно 1314–1315.

³⁶ Michael A. Reynolds, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918* (Cambridge, 2011) – это отличное исследование геополитики этнических групп в конфликтах великих держав. Среди других важных работ по теме стоит упомянуть Seppo Zetterberg, *Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918: Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg* (Helsinki, 1978); Reinhard R. Doerries, *Prelude to the Easter Rising: Sir Roger Casement in Imperial Germany* (London, 2000), 1–31; и труды по восстанию арабов против Османской империи, о которых я скажу в главе 1.

³⁷ Среди важных работ на тему еврейского населения в политике великих держав см.: Egmont Zechlin, *Die deutsche Politik und die Juden im Ersten Weltkrieg* (Göttingen, 1969); Isaiah Friedman, *Germany, Turkey, and Zionism 1914–1918* (Oxford, 1977); Carole Fink, *Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938* (Cambridge, 2004); и Abigail Green, «Intervening in the Jewish Question, 1840–1878», in Brendan Simms and D. J. B. Trim (eds.), *Humanitarian Intervention: A History* (Cambridge, 2011), 139–158.

гией Германии. Тем не менее постепенно вырисовывались контуры всей картины: становилось понятно, что Берлин вел серьезную и нередко блистательно скоординированную политику по использованию ислама для достижения победы в войне.

1

Истоки

ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ИЮЛЯ 1940 года, после падения Франции и в начале битвы за Британию, отставной дипломат Макс фон Оппенгейм направил министерству иностранных дел Германии семистраничный меморандум, касающийся подготовки восстаний на исламских территориях противника³⁸. Настало время, пояснял он, для разработки всеобъемлющей стратегии, которая позволила бы мобилизовать мусульманский мир против Британской империи. В сотрудничестве с влиятельными религиозными деятелями, такими как панисламист Шакиб Арслан и муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни, немецким офицерам предстояло спровоцировать беспорядки во всем мусульманском «коридоре» из Египта в Индию. Восьмидесятилетний Оппенгейм знал, о чем говорит. Немногие люди повлияли на политику кайзеровской Германии в отношении ислама столь же основательно, как он.

Юрист по образованию, свободно владеющий несколькими ближневосточными языками, Оппенгейм много путешествовал по Африке и Ближнему Востоку. В 1896 году он был принят на работу в дипломатическое ведомство и двенадцать лет провел в Каире, где следил за политической динамикой мусульманского мира. Во время мятежа Махди в Судане он впервые столкнулся с исламом как политической силой. Оппенгейм обсуждал вопросы ислама с молодым Шакибом Арсланом³⁹ и видными реформаторами веры – такими, как Мухаммад Абдо⁴⁰. С османским султаном Абдул-Хамидом II он обменивался мыслями о панисламизме, который Порты пыталась использовать для укрепления своих позиций как внутри империи, так и за ее пределами. Вильгельм II лично читал политические донесения Оппенгейма о мусульманском мире.

Политика Германской империи по отношению к исламу

С конца XIX века немецкие дипломаты, политики и колониальные чиновники все чаще имели дело с исламом. Кайзеровская Германия управляла значительным мусульманским населением в своих колониях – в Того и, что более важно, в Камеруне и Германской Восточной Африке. В этих владениях немцы с самого начала стремились использовать религию в качестве инструмента управления⁴¹. Если мусульманские лидеры подчинялись колонизаторам, то

³⁸ Оппенгейм, меморандум, 25 июля 1940 г., Берлин, Политический архив министерства иностранных дел Германии (*Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes*), Берлин (PA), Nachlass Hentig, vol. 84; приложение к письму, отправленному Оппенгеймом Хабихту, 25 июля 1940 г., Берлин, PA, Nachlass Hentig, vol. 84. О меморандуме см.: Wolfgang G. Schwanitz, «Max von Oppenheim und der Heilige Krieg: Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940», *Sozial. Geschichte* 19 (2004), 79–102.

³⁹ Шакиб Арслан (1869–1946) – друзкий принц (амир) из Ливана, политик, писатель, поэт и историк. Был одним из наиболее красноречивых и влиятельных сторонников панисламистской политики султана Абдул-Хамида II. Жил в изгнании в Швейцарии после французской оккупации Сирии в 1920-е годы. – *Прим. пер.*

⁴⁰ Мухаммад Абдо (Абду, 1849–1905) – египетский общественный и религиозный деятель, либеральный реформатор, считающийся основателем исламского модернизма. Главный муфтий Египта (1899–1905). Автор работ о реформах шариата, системы образования и т. д. – *Прим. пер.*

⁴¹ Об исламе в германских колониях в Восточной и Западной Африке см.: Holger Weiss, «German Images of Islam in West Africa», *Sudanic Africa* 11 (2000), 53–93; Michael Pesek, «Islam und Politik in Deutsch-Ostafrika», in Albert Wirz, Andreas Eckert, and Katrin Bromber (eds.), *Alles unter Kontrolle: Disziplinierungsverfahren im kolonialen Tanzania (1850–1960)* (Hamburg, 2003), 99–140; Michael Pesek, «Für Kaiser und Allah: Ostafrikas Muslime im Großen Krieg für die Zivilisation, 1914–1919», *Bulletin der Schweizerischen Gesellschaften Mittlerer Osten und Islamische Kulturen* 19 (2005), 9–18; Rebekka Habermas, «Islam Debates around 1900: Colonies in Africa, Muslims in Berlin, and the Role of Missionaries and Orientalists», *Chloe: Beihefte zum Daphnis* 46 (2012), 123–154. Per Hassing, «Islam at the German Colonial Congresses», *Muslim World* 67, 3 (1977), 165–174, обсуждает роль миссионеров в дебатах об исламе в немецких колониях. Holger Weiss, «European Images of Islam in the Northern Hinterlands of

местные исламские структуры оставались в неприкосновенности. Шариатские суды работали, вакуфам⁴² не мешали, медресе были открыты, а религиозные праздники признавались нерабочими днями.

Немецкие официальные лица управляли при помощи мусульманских посредников и сановников, которые, в свою очередь, придавали легитимность колониальному режиму. В глазах немецких колониальных чиновников, часто малочисленных, изолированных, всеми силами стремящихся обеспечить порядок и предотвратить восстания, эта политика непрямого управления казалась весьма эффективной. Только с конца 1900-х годов они кое-где начали ужесточать контроль над исламскими территориями и жестко противодействовать религиозным лидерам, не желающим сотрудничать с ними. Немецкие войска сражались с махдистами на севере Камеруна в 1907 году и подавляли беспорядки, вызванные так называемыми мекканскими посланиями, в Того в 1906-м и в Германской Восточной Африке в 1908-м⁴³. Однако в целом эти конфликты не изменили политику Германии, которая продолжала использовать ислам для усиления колониального контроля над подвластными народами (фото 1.1).

Вовлеченность Германии в дела мусульманского мира все чаще заставляла государственных чиновников и экспертов обсуждать ислам в политическом ключе⁴⁴. Принципы политики в отношении ислама, или *Islampolitik*, широко дебатировались в колониальных и правительственных кругах. В повестке колониальных конгрессов вопросы, касающиеся ислама и отношения к мусульманам на захваченных европейцами территориях, регулярно оказывались среди первоочередных. Важную роль в этих дискуссиях играли эксперты-востоковеды. Если раньше они интересовались в основном классическим исламом, то теперь их занимали исследование современного мусульманского мира и обсуждение имперской стратегии в отношении ислама.

the Gold Coast through the Early Colonial Period», *Sudanic Africa*, 12 (2001), 83–110, сравнивает восприятие ислама германскими, британскими и французскими колонизаторами.

⁴² Вакуф (вакф) – в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество. Возникновение этого института объясняется в том числе стремлением собственников оградить имущество от захватов, конфискации и произвола властей.– *Прим. пер.*

⁴³ О сопротивлении мусульман в немецких колониях см.: В. G. Martin, «Muslim Politics and Resistance to Colonial Rule: Shaykh Uways B. Muhammed Al-Barawi and the Qadiriya Brotherhood in East Africa», *Journal of African History* 10, 3 (1969), 471–486; Thea Büttner, «Die Mahdi-Erhebungen 1907 in Nordkamerun im Vergleich mit anticolonialen islamischen Bewegungen in anderen Regionen West- und Zentralafrikas», in Peter Heine and Ulrich van der Heyden (eds.), *Studien zur Geschichte des deutschen Kolonialismus in Afrika* (Pfaffenweiler, 1995), 147–159; и в целом указанную в сноске 3 литературу.

⁴⁴ Ludmilla Hanisch, *Die Nachfolger der Exegeten: Deutschsprachige Erforschung des Vorderen Orients in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts* (Wiesbaden, 2003), 1–85; Sabine Mangold, *Eine «weltbürgerliche Wissenschaft»: Die deutsche Orientalistik im 19. Jahrhundert* (Stuttgart, 2004); Suzanne L. Marchand, *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship* (Cambridge, 2009); Ursula Wokoeck, *German Orientalism: The Study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945* (London, 2009), 1–184. Эти работы показывают общую картину немецкого востоковедения в эпоху Второго рейха.

ФОТО 1.1. Полицейские-мусульмане в фесках.

Немецкая колония Камерун, 1891 (источник: Bildarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, ВРК)

Такие ученые, как Карл Генрих Беккер, который преподавал в недавно созданном Колониальном институте (*Deutsches Kolonialinstitut*) в Гамбурге, Мартин Хартман и Дидрих Вестерман, преподававшие в Берлине, поставили свои знания на службу империи. После 1900 года Имперский департамент по делам колоний (*Reichskolonialamt*) поддерживал их исследования,

посвященные исламу в колониях. Ученые должны были накапливать знания как о распространении и влиянии этой религии, так и о потенциальной угрозе, которую она может представлять для немецкой власти – а также о связях мусульман, находящихся в германском подданстве, с другими частями исламского мира. Три крупнейших исследования были начаты Беккером в 1908 году⁴⁵, Хартманом в 1911 году⁴⁶ и Вестерманом в 1913 году⁴⁷, хотя только Вестерман опубликовал свои результаты. Важным форумом для профессиональных дискуссий об исламе и колониальной политике стало Германское общество изучения ислама (*Deutsche Gesellschaft für Islamkunde*) с его периодическим изданием *Die Welt des Islams* («Мир ислама»), основанным в 1912 году. За два года до этого в Колониальном институте в Гамбурге был учрежден журнал *Der Islam* («Ислам»), ставший еще одной площадкой для обсуждения современного ислама и политики.

Большинство экспертов поддерживали использование религиозных структур немецкими колониальными чиновниками. В отличие от туземных анимистических религий, которые считались дикими, ислам рассматривали как цивилизованное вероисповедание, управляемое определенным набором правил, норм и догм, которые можно изучать и использовать. Самым известным сторонником активной эксплуатации ислама в колониальной политике считался Беккер⁴⁸. Эта религия, по его словам, не угрожала власти колонизаторов, но могла и должна была применяться для укрепления господства цивилизованных империй, а также для обеспечения мира, стабильности и порядка.

Беккер полагал, что «исламская опасность» исчезнет после внедрения правильной колониальной политики. Мусульманские учреждения, странствующие проповедники и паломники должны находиться под строгим контролем, в то время как исламу праву, медресе и вакуфам нужно обеспечить официальное признание. Беккер сильно повлиял на выработку стратегии в Берлине. Его взгляды поддерживали другие ученые, в том числе Дидрих Вестерман⁴⁹. Лишь меньшинство экспертов, и особенно Мартин Хартман, выступало против любого взаимодействия с исламом в колониях⁵⁰. Хартман считал мусульманскую религию угрозой, кото-

⁴⁵ Беккер так и не опубликовал результаты своего исследования, но некоторые предварительные выводы можно найти в С. Н. Becker, «Vorbericht über die islamkundlichen Ergebnisse der Innerafrika-Expedition des Herzogs Adolf Friedrich zu Mecklenburg», *Der Islam* 3, 3 (1912), 258–272; и перепечатка в С. Н. Becker, *Islamstudien: Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt*, vol. 2 (Leipzig, 1932), 127–148. Исправленный вариант опросника (1910) представлен в приложении к изданию 1932 г. См.: *ibid.*, 143–148. Первая, менее подробная, версия опросника (1908) опубликована в: Weiss, «German Images of Islam in West Africa», 92–93.

⁴⁶ Хартман также не опубликовал свои результаты, однако его опросник был напечатан в: Martin Hartmann, «Zur Islamausbreitung in Afrika: Mit einem Frageblatt», *Mitteilungen des Seminar für orientalische Sprachen* 14 (1911), 159–162; предварительный отчет о ходе работы представлен в: Martin Hartmann, «Fragebogen über den Islam in Afrika», *Die Welt des Islams* 1, 1 (1913), 42–44.

⁴⁷ Опросник Вестермана был опубликован в: Diedrich Westermann, «Fragebogen», 44–47; результаты исследования в: Diedrich Westermann, «Die Verbreitung des Islam in Togo und Kamerun: Ergebnisse einer Umfrage», *Die Welt des Islams* 2, 2/4 (1914), 188–276.

⁴⁸ Беккер был крайне плодовитым автором. Он напечатал множество статей, посвященных исламу и колониальной империи Германии. См., например, С. Н. Becker, «Ist der Islam eine Gefahr für unsere Kolonien?», *Koloniale Rundschau* 1, 5 (1909), 266–293; С. Н. Becker, «Der Islam und die Kolonisierung Afrikas», *Internationale Wochenschrift* 4 (1910), 227–252; С. Н. Becker, «Materialien zur Kenntnis des Islam in Deutsch-Ostafrika», *Der Islam* 2, 1 (1911), 1–48; и С. Н. Becker, «Islamisches und modernes Recht in der kolonialen Praxis», *Der Islam* 4, 1/2 (1913), 169–172. Спор Беккера с антиисламски настроенными миссионерами на немецком Колониальном конгрессе в 1910 году стал достаточно известным событием. См.: С. Н. Becker, «Staat und Mission in der Islampolitik», *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910* (Berlin, 1910), 638–651; и С. Н. Becker, «Die Islamfrage auf dem Kolonialkongreß 1910», *Der Islam* 1, 1 (1910), 390–391. Наконец, Беккер написал посвященную исламу статью в немецкий «Колониальный словарь»: С. Н. Becker, «Islam», in Heinrich Schnee (ed.), *Deutsches Kolonial-Lexikon*, 3 vols. (Leipzig, 1920), vol. 2, 106–114. Большинство его работ по исламу и колониализму было перепечатано в: С. Н. Becker, *Islamstudien*, vol. 2.

⁴⁹ Diedrich Westermann, «Die Edinburger Weltmissionskonferenz in ihrer Bedeutung für die Mission in den deutschen Kolonien», in Karl Schneider (ed.), *Jahrbuch über die deutschen Kolonien* 4 (Essen, 1911), 130–131; о его взглядах на ислам в колониальной Африке см. также: Diedrich Westermann, «Der Islam in West- und Zentral-Sudan», *Die Welt des Islams* 1, 2 (1913), 85–108.

⁵⁰ Мартин Хартман был одним из немногочисленных экспертов, утверждавших никчемность ислама с точки зрения культуры, морали и политики. См.: Martin Hartmann, *Islam, Mission, Politik* (Leipzig, 1912); он критически отзывался о проислам-

рую нужно контролировать. Указывая на воинственность, религиозный фанатизм, махдизм и опасность священной войны, он предостерегал колониальных чиновников от опоры на институты и авторитеты ислама. Однако, как правило, критика немецкой колониальной политики в отношении ислама не выходила за пределы церковных кругов. Христианские миссионеры видели в исламе угрозу своему делу (и колониальному режиму), регулярно обвиняя немецких администраторов в том, что те потворствуют мусульманской экспансии и потакают мусульманам⁵¹. Впрочем, на практике миссионерский активизм не имел особых последствий.

В отличие от своих британских, французских или российских коллег, немецкие колониальные чиновники не рассматривали исламский антиимпериализм и панисламизм как угрозу⁵². В Берлине ислам в основном считали источником новых возможностей, а не опасностей – в контексте не только колониальной, но и глобальной политики (*Weltpolitik*) Вильгельма II. Это стало очевидным во время ближневосточного турне кайзера осенью 1898 года, когда он, посетив усыпальницу Саладина в Дамаске, в пламенной речи объявил себя «другом» «300 миллионов магометан» мира⁵³.

Среди вдохновителей этого проекта был и Оппенгейм, который к тому времени стал одним из самых неутомимых пропагандистов политического потенциала панисламизма. Немецкие официальные лица хорошо понимали, что призрак мусульманского восстания и всеисламской мобилизации бродит по правительственным коридорам Лондона, Парижа и Санкт-Петербурга⁵⁴. Действительно, во многих антиколониальных движениях ислам играл

ской речи кайзера в 1898 году. См.: Martin Hartmann, «Deutschland und der Islam», *Der Islam* 1, 1 (1910), 72–92, 74. Однако потом Хартман изменил свою точку зрения и поддержал германско-османскую кампанию за джихад во время Первой мировой войны. См. ниже литературу, перечисленную в сноске 20.

⁵¹ О взглядах миссионеров на ислам в немецких колониях и их критике колониальной политики Германии см., например, труды первого Колониального конгресса 1902 года: P. W. Schmidt, «Die Behandlung der Polygamie in unseren Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1902* (Berlin, 1903), 467–479; а также материалы второго конгресса 1905 года: Julius Richter, «Der Islam eine Gefahr für unsere afrikanischen Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1905* (Berlin, 1906), 510–527; Jos. Froberger, «Welches ist der Kulturwert des Islam für koloniale Entwicklung?», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1905*, 527–538; труды третьего конгресса 1910 года: Hubert Hansen, «Welche Aufgaben stellt die Ausbreitung des Islam den Missionen und Ansiedlern in den deutschen Kolonien?», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 652–673; Josef Froberger, «Die Polygamie und deren kulturelle Schäden», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 717–732; Karl Axenfeld, «Die Ausbreitung des Islam in Afrika und ihre Bedeutung für die deutschen Kolonien», in *Verhandlungen des deutschen Kolonialkongresses 1910*, 629–638; а также Karl Axenfeld, «Geistige Kämpfe in der Eingeborenenbevölkerung an der Küste Ostafrikas», *Koloniale Rundschau* 4, 11 (1913), 647–673; Pater Amandus Acker, «Der Islam und die Kolonisierung Afrikas», *Jahrbuch der deutschen Kolonien* 4 (1911), 113–127; F. O. Karstedt, «Zur Beurteilung des Islam in Deutsch-Ostafrika», *Koloniale Rundschau* 4, 4 (1913), 728–736; Carl Mirbt, *Mission und Kolonialpolitik in den deutschen Schutzgebieten* (Tübingen, 1910); Martin Klamroth, *Der Islam in Deutsch-Ostafrika* (Berlin, 1912); Erich Schultze, *Soll Deutsch-Ostafrika christlich oder mohammedanisch werden?* (Berlin, 1913).

⁵² О немецких дискуссиях по поводу панисламизма можно составить себе представление по J. T. von Eckardt, «Panislamismus und die islamitische Mission», *Deutsche Rundschau* 25, 4 (1899), 61–81; C. H. Becker, «Panislamismus», *Archiv für Religionswissenschaft* 7 (1904), 169–192, перепечатано в C. H. Becker, *Islamstudien*, vol. 2, 231–251; и ответ: K. Vollers, «Ueber Panislamismus», *Preußische Jahrbücher* 117 (1904), 18–40; in A. Tavilet, «Über den Panislamismus», *Das freie Wort: Frankfurter Halbmonatsschrift für Fortschritt auf allen Gebieten des geistigen Lebens* 11, 6 (1911), 218–221; Martin Hartmann, «Das Ultimatum des Panislamismus», *Das freie Wort: Frankfurter Halbmonatsschrift für Fortschritt auf allen Gebieten des geistigen Lebens* 11 (1911), 605–610.

⁵³ Об османском вояже Вильгельма II в 1898 году см.: Jan Stefan Richter, *Die Orientreise Kaiser Wilhelms II. 1898: Eine Studie zur deutschen Außenpolitik an der Wende zum 20. Jahrhundert* (Hamburg, 1997); см. также статьи, напечатанные в: Klaus Jaschinski and Julius Waldschmidt (eds.), *Des Kaisers Reise in den Orient 1898* (Berlin, 2002); особенно Günter Wirth, «Protestantischer Pilger und Protektor von Weltreligionen: Zu Zielen und Folgen der Orient-Reise von Kaiser Wilhelm II. in kirchengeschichtlicher Perspektive», in Jaschinski and Waldschmidt (eds.), *Des Kaisers Reise*, 133–153; Friedrich Scherer, *Adler und Halbmond: Bismarck und der Orient, 1878–1890* (Paderborn, 2001), 319–332. Речь кайзера опубликована в: Johannes Penzler (ed.), *Die Reden Kaiser Wilhelms II.*, vol. 2 (1896–1900) (Leipzig, б.д.), 126–127; и в Michael A. Obst (ed.), *Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II.* (Paderborn, 2011), 179. Анализ речи и того, как она была воспринята, дается в работе: Michael A. Obst, «Einer nur ist Herr im Reiche»: *Kaiser Wilhelm II. als politischer Redner* (Paderborn, 2010), 216–223.

⁵⁴ О панисламизме см.: Jacob Landau, *The Politics of Pan-Islam*; Nikki R. Keddie, «Pan-Islam as Proto-Nationalism», *Journal of Modern History* 41, 1 (1969), 17–28; Naimur Rahman Farooqi, «Pan-Islamism in the Nineteenth Century», *Islamic Culture* 57, 4 (1983), 283–296; Adeb Khalid, «Pan-Islamism in Practice: The Rhetoric of Muslim Unity and Its Uses», in Elisabeth Özdalga (ed.), *Late Ottoman Society: The Intellectual Legacy* (Abingdon, 2005), 201–224. Об «угрозе» панисламизма для европейских империй

важную роль в организации сопротивления захватнической политике европейцев, его легитимации и обосновании необходимой для него сплоченности⁵⁵. «Заигрывание» немцев с исламом достигло кульминации в попытках Берлина мобилизовать мусульман во время Первой мировой войны.

Мобилизация мусульман во время Первой мировой войны

11 ноября 1914 года османский шейх-уль-ислам Ургюплю Хайри выпустил пять фетв (религиозных постановлений), призывающих мусульман по всему миру начать священную войну против держав Антанты и обещающих статус мучеников тем, кто погибнет за веру⁵⁶. Три дня спустя аналогичный документ был зачитан от имени султана Мехмеда V, «повелителя правоверных» (*амир аль-муминин*), толпе, собравшейся у мечети Фатих в Стамбуле. Позже на официально организованном шествии множество людей с флагами и транспарантами двинулись по улицам османской столицы, приветствуя объявление джихада. Тексты фетв были составлены традиционным для этого богословско-правового жанра образом: каждый документ включал гипотетический вопрос шейх-уль-исламу и его ответ. Прокламация была адресована не только подданным султана, но и мусульманам, проживающим под властью Антанты – ее перевели на арабский, персидский, урду и татарский. В течение последующих месяцев другие османские улемы, в том числе влиятельные шиитские муджтахиды (богословы) Наджафа и Кербелы, также издали постановления, агитирующие за священную войну⁵⁷. Имамы по всей империи говорили о джихаде в своих пятничных проповедях.

Фетвы шейх-уль-ислама опирались на необычную концепцию джихада. На протяжении исламской истории значение этого термина всегда было крайне разнообразным, простираясь от интеллектуальной рефлексии до военного конфликта с неверными⁵⁸. Существовала влиятельная традиция, разделяющая «малый джихад» (*аль-джихад аль-асгар*) – борьбу с оружием в руках против неверных, и «великий джихад» (*аль-джихад аль-акбар*) – борьбу верующего с самим собой, со своими пороками. Что любопытно, стамбульские фетвы не следовали этой интерпретации, объявив войны с врагами султана «великим джихадом».

и их политике относительно данного движения см.: Azmi Özcan, *Pan-Islamism: Indian Muslims, the Ottomans and Britain (1877–1924)* (Leiden, 1997); John Darwin, *The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System 1830–1970* (Cambridge, 2009), 295–297.

⁵⁵ Обзор различных исламских антиколониальных движений дается в: Rudolph Peters, *Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History* (The Hague, 1979), 39–104; Nikki R. Keddie, «The Revolt of Islam, 1700 to 1993: Comparative Considerations and Relations to Imperialism», *Comparative Studies in Society and History* 36, 3 (1994), 463–487, особенно 481–485.

⁵⁶ Османский текст фетв и немецкий перевод см. в: «Die Fetwas des Scheich-ül-Islâm über die Erklärung des Heiligen Krieges, nach dem Tanîn, Nummer 2119 vom 15. November 1914», *Der Islam* 5, 4 (1914), 391–393. Другой перевод был чуть позже опубликован в: Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 2–23, 2–3. О провозглашении фетв в других регионах Османской империи см.: Martin Hartmann, «Verlesung der heiligen Fetwas in den Provinzen», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 31–65, 36.

⁵⁷ Заявления уважаемых османских улемов на тему джихада были опубликованы (в переводе на немецкий) в Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 2–23, 10–18. Декларация улемов, адресованная арабским солдатам в армии султана, представлена в: Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 121–133, 121–125. Фетвы шиитских улемов Наджафа и Кербелы опубликованы в: Martin Hartmann, «Auszüge aus der Zeitschrift „Châwer“», *Die Welt des Islams* 3, 1 (1915), 48–56, 51–56; Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 121–133, 131–133; Martin Hartmann, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 3, 3–4 (1916), 205–213; Helmut Ritter, «Kriegsurkunden», *Die Welt des Islams* 4, 3/4 (1917), 217–225. Анализ шиитских фетв см. в: Werner Ende, «Iraq in World War I: The Turks, the Germans, and the Shi'ite Mujtahids' Call for Jihad», in Rudolph Peters (ed.), *Proceedings of the Ninth Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants* (Leiden, 1981), 57–71; Nasrollah Salehi, «Les fatwas des ulémas persans de Najaf et Kerbala», in Oliver Bast (ed.), *La Perse et la Grande Guerre* (Tehran, 2002), 157–176.

⁵⁸ О понятии «джихад» см. например: Peters, *Jihad in Classical and Modern Islam*; David Cook, *Understanding Jihad* (Berkeley, CA, 2005); David Cook, *Martyrdom in Islam* (Cambridge, 2007); Richard Bonney, *Jihād: From Qu'rān to Bin Laden* (New York, 2007); Michael Bonner, *Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice* (Princeton, NJ, 2008).

Более того, по сравнению с прежними объявлениями священной войны, султанский указ был теологически нетрадиционным (хотя и не беспрецедентным), поскольку он призывал к избирательному джихаду, направленному только против британцев, французов, черногорцев, сербов и русских, но не против христианских союзников Османской империи – Германии и Австро-Венгрии. Таким образом, это не была религиозная война в классическом смысле, противопоставляющая «правовверных» и «неверных». Поскольку только Великобритания, Франция, Россия, Сербия и Черногория вступили в противостояние с исламским халифатом, именно их предлагалось считать врагами ислама. В фетвах заявлялось, что долг всех мусульман, остающихся подданными этих держав, требует вести джихад против своих господ – а участие в боевых действиях против союзников халифа (османского султана), напротив, объявлялось великим грехом.

Хотя провозглашение священной войны можно считать элементом османской политики панисламизма, которую Порта вела со времен Абдул-Хамида II ради поддержания единства своей разнородной империи и завоевания поддержки за рубежом, немецкие офицеры и исламоведы были непосредственно вовлечены в разработку плана джихада⁵⁹. Фактически именно немцы подтолкнули османов провозгласить священную войну в 1914 году⁶⁰. В Берлине эта схема обсуждалась довольно давно. Еще в разгар июльского кризиса, предшествовавшего объявлению войны, Вильгельм II произнес свою знаменитую реплику о «воспламенении» исламского мира. Гельмут фон Мольтке, начальник Генерального штаба, формально подтвердил идею в своем августовском меморандуме, приказав «пробудить исламский фанатизм» на мусульманских территориях противников Германии.

В октябре 1914 года, когда турки еще не вступили в войну, Макс фон Оппенгейм разработал 136-страничный стратегический документ под названием «Меморандум о революционизировании исламских территорий наших врагов» (*Denkschrift betreffend die Revolutionierung der islamischen Gebiete unserer Feinde*). После того как будет заключен военный союз между немцами и османами, говорилось в документе, в мусульманских районах колоний и окраинных территорий враждебных держав нужно будет спровоцировать беспорядки⁶¹. Внутренние районы противников надлежит дестабилизировать – чтобы оттянуть на подавление беспорядков войска с фронта. «Призыв к священной войне» должен прозвучать незамедлительно после того, как Турция вступит в войну, – настаивал Оппенгейм. Ученый называл ислам «важнейшим оружием», которое может стать «решающим для успеха в войне». Кроме того, Оппенгейм сделал ряд конкретных предложений. Религиозное восстание следует спровоцировать в Индии, подкрепив его контрабандным немецким вооружением; Кавказ нужно сделать очагом мусульманского бунта; Египет необходимо завоевать; военнопленных-мусульман из колониальных частей Антанты надо обхаживать и мобилизовать на войну против бывших господ. Время для «восстания ислама» назрело, – утверждал ученый.

Как и до войны, немецкие ученые и эксперты сыграли значительную роль в инструментализации ислама. Эрнст Йекк, молодой немецкий политолог, интересующийся Турцией (в 1948 году он станет одним из основателей Института Ближнего Востока при Колумбийском уни-

⁵⁹ О поддержке панисламизма со стороны Османской империи см.: Hasan Kayali, *Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918* (Berkeley, CA, 1997); Kemal H. Karpat, *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State* (Oxford, 2001); и более общую работу Frederick F. Anscombe, «Islam and the Age of Ottoman Reform», *Past and Present* 208, 1 (2010), 159–189.

⁶⁰ Fischer, *Germany's Aims in the First World War*, 120–131, заявление Вильгельма II: с. 121; позиция Мольтке: с. 126. Подробно об исламской стратегии кайзеровской Германии во время Первой мировой войны рассказывается в: Müller, *Islam, Gihâd («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich*; Hopkirk, *On Secret Service East of Constantinople*; McKale, *War by Revolution*; Lüdke, *Jihad Made in Germany*; Oberhaus, «Zum wilden Aufstande entflammen»; McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express*.

⁶¹ Оппенгейм, меморандум («Denkschrift betreffend die Revolutionierung der islamischen Gebiete unserer Feinde»), 1914, Берлин, PA, R20938. Сам меморандум и комментарий к нему был также опубликован в: Tim Epkenhans, «Geld darf keine Rolle spielen», *Archivum Ottomanicum* 18 (2000), 247–250; 19 (2001), 121–163.

верситете), уже в августе 1914 года изложил сценарий, в котором объявление джихада османами мобилизует силы «панислама» – как ожидалось, они с «разрушительной ненавистью» обратятся против британского и французского владычества «от Индии до Марокко»⁶². Хартман тоже писал аналогичные тексты во время войны, агитируя за использование ислама в стратегических целях⁶³. Осенью 1914 года, после начала конфликта, но до того, как Османская империя вступила в войну, Карл Генрих Беккер, тогда профессор в Бонне, опубликовал брошюру *Deutschland und der Islam* («Германия и ислам»)⁶⁴. Ислам – это ахиллесова пята России, Англии и Франции, объяснял Беккер. В течение многих десятилетий Берлин считал эту религию «фактором международной политики». Благодаря своим довоенным усилиям кайзеровская Германия стала другом ислама, и теперь Берлин должен воспользоваться этим статусом. Союз с Константинополем невозможен без ислама, который в ходе войны может стать «обстоятельством наибольшего значения»⁶⁵. Хотя использование религиозных чувств в политических целях не предрешит исход конфликта, оно будет в значительной мере способствовать военным усилиям. Известнейший голландский исламовед Христиан Снук-Хюргронье, негодуя, обвинил своих немецких коллег, в первую очередь Беккера и Хартмана, в раздувании религиозной ненависти⁶⁶. В статье, опубликованной в 1915 году, он утверждал, что именно немцы продвигали идею «зарядить» войну религией. Снук-Хюргронье ссылаясь на бесчисленные заявления немецких ученых о политическом значении ислама и критиковал их за то, что они позорят свою профессию. Однако на Беккера это не произвело особого впечатления. Религия есть легитимный инструмент глобальной политики, – утверждал он в одной из статей⁶⁷. В начальные годы Первой мировой Германию накрыла настоящая исламомания. Пресса изобиловала заметками о священной войне; исламоведы читали публичные лекции о союзе с мусульманским миром; выходили многочисленные книги и брошюры на тему джихада⁶⁸.

Центром исламской кампании стало так называемое Бюро информации по Востоку (*Nachrichtenstelle für den Orient*), разведывательная структура, работавшая под эгидой мини-

⁶² Эти замечания были сделаны в исправленном издании (1916 год) работы Ernst Jäckh, *Der aufsteigende Halbmond: Auf dem Weg zum deutsch-türkischen Bündnis* (Stuttgart, 1916 [1909]), 237.

⁶³ Martin Hartmann, «Islampolitik», *Koloniale Rundschau* 5, 11–12 (1914), 580–603; Martin Hartmann, «Deutschland und der Heilige Krieg», *Das neue Deutschland* (29 May 1915), 268–273; Martin Hartmann, «Die weltwirtschaftlichen Wirkungen des Heiligen Krieges», *Weltwirtschaft* (January–February 1915), 255.

⁶⁴ C. H. Becker, *Deutschland und der Islam* (Stuttgart, 1914).

⁶⁵ *Ibid.*, 6.

⁶⁶ C. Snouck Hurgronje, «Heilige Oorlog Made in Germany», *De Gids* 79, 1 (1915), 1–33.

⁶⁷ C. H. Becker, «Deutschland und der Heilige Krieg», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 7 (1915), 631–662; и ответ Снука-Хюргронье: C. Snouck Hurgronje, «Deutschland und der Heilige Krieg: Erwiderung», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 10 (1915), 1025–1034; и новый ответ Беккера: C. H. Becker, «Deutschland und der Heilige Krieg: Schlußwort», *Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik* 9, 10 (1915), 1033–1042. О дискуссии в целом см.: Peter Heine, «C. Snouck Hurgronje versus C. H. Becker: Ein Beitrag zur Geschichte der Angewandten Orientalistik», *Die Welt des Islams* 23/24 (1984), 378–387. Другие публикации Беккера на тему ислама и военной политики: C. H. Becker, «England und der Islam», *Das größere Deutschland: Wochenschrift für deutsche Welt- und Kolonialpolitik* 28 (1914), 841–848; C. H. Becker, «Die Türkei», in Otto Hintze, Friedrich Meinecke, Hermann Oncken, and Hermann Schumacher (eds.), *Deutschland und der Weltkrieg* (Leipzig, 1915), 285–309; C. H. Becker, «Islampolitik», *Die Welt des Islams* 3, 2 (1915), 101–120; C. H. Becker, «Die Senussi», *Deutsche Kolonialzeitung* 32, 2 (1915), 25–26. За исключением статьи о сенуситах, все эти тексты были перепечатаны в: C. H. Becker, *Islamstudien*, vol. 2.

⁶⁸ Gottfried Simon, *Die Welt des Islam und die neue Zeit* (Wernigerode, 1925), 12: эта работа рисует яркую картину исламомании в Германии; см. также раздел «Zeitungsschau» в номерах *Die Welt des Islams* военного времени. Вот характерные примеры брошюр: Hubert Grimme, *Islam und Weltkrieg* (Münster, 1914); Hugo Grothe, *Deutschland, die Türkei und der Islam: Ein Beitrag zu den Grundlinien der deutschen Weltpolitik im islamischen Orient* (Leipzig, 1914); Eugen Mittwoch, *Deutschland, die Türkei und der Heilige Krieg* (Berlin, 1914); Rudolf Tschudi, *Der Islam und der Krieg* (Hamburg, 1914); Joseph Froberger, *Weltkrieg und Islam* (München Gladbach, 1915); Gottfried Galli, *Dschihad: Der Heilige Krieg des Islams und seine Bedeutung im Weltkriege unter besonderer Berücksichtigung der Interessen Deutschlands* (Freiburg, 1915); Richard Schäfer, *Islam und Weltkrieg* (Leipzig, 1915); Kurt L. Walter van der Bleek (ed.), *Die Vernichtung der englischen Weltmacht und des russischen Zarismus durch den Dreibund und den Islam* (Berlin, 1915). В работе Marchand, *German Orientalism in the Age of Empire*, 436–454 рассказывается о роли немецких писателей и востоковедов во время кампании джихада.

стерства иностранных дел и Верховного командования. Сначала его возглавил Макс фон Оппенгейм, после его перевода в Стамбул – дипломат Карл Шабингер фон Шовинген, а затем востоковед Ойген Миттвох⁶⁹. Там работало множество ученых, дипломатов, офицеров и мусульман-коллаборационистов – среди последних известный туниисский муфтий Салих аль-Шариф ат-Туниси, египетский проповедник Абдулазиз Шавиш и именитый татарский панисламист Абдурашид Ибрагимов. Все они организовывали и координировали нацеленные на мусульманские территории от Северной Африки до Британской Индии пропагандистские кампании. Ключевым элементом этой пропаганды выступала религия, а главными темами – священная война и мученичество за веру. Бюро также отвечало за мусульманских военнопленных, которых надо было уговаривать перейти на сторону Центральных держав.

Зимой 1914–1915 годов немцы организовали в Вюнсдорфе и Цоссене, к югу от Берлина, специальные лагеря для военнопленных-мусульман⁷⁰. Там содержалось несколько тысяч солдат из Африки, Индии и Российской империи. С самого начала немцы стремились завоевать расположение пленных. Чтобы продемонстрировать свое уважение к исламу, они предоставили мусульманам различные уступки и особые религиозные права. Верующим разрешалось выполнять ежедневные молитвы, отмечать религиозные праздники, осуществлять ритуальный забой животных и погребать усопших в соответствии с исламскими обрядами. В лагере Вюнсдорф немцы даже построили мечеть, спроектированную по образу иерусалимской мечети Омара – это был первый исламский молельный дом в Германии. Большое внимание уделялось пропаганде и политической индоктринации. *Nachrichtenstelle für den Orient* распространяло среди заключенных несколько пропагандистских изданий, прежде всего, «Аль-Джихад»: этот листок издавался на арабском, русском и татарском языках. Грамотные пленные должны были зачитывать его своим неграмотным товарищам⁷¹. Также в лагерях работали имамы, которые отправляли культ и вели политическую пропаганду. Самым известным среди них был татарин Алимджан Идрис (или Идриси)⁷². Он изучал богословие и философию в Бухаре, Стамбуле, Лозанне и Льеже; до поступления на немецкую службу в 1916 году он работал на османское военное министерство. В Вюнсдорфе и Цоссене Идрис быстро прославился благодаря своим пламенным речам и проповедям. Даже осенью 1918 года, перед самым концом войны, обращаясь к военнопленным по случаю праздника Курбан-байрам, он говорил, что «самые священные» части мусульманского мира страдают «под английским и французским игом». Идрис называл войну «громким сигналом, который должен пробудить» правоверных⁷³. Несколько сот военнопленных из этих лагерей отправились в Стамбул и вступили в османскую армию; впрочем, их оказалось гораздо меньше, чем ожидали немецкие власти.

По всему миру посольства и консульства Германии распространяли панисламистскую пропаганду. Агитаторы на жалованьи рассказывали об объявлении джихада в мечетях и на базарах. Берлин также организовывал специальные миссии для подстрекательства к восста-

⁶⁹ Maren Bragulla, *Die Nachrichtenstelle für den Orient: Fallstudie einer Propagandainstitution im Ersten Weltkrieg* (Saarbrücken, 2007).

⁷⁰ Gerhard Höpp, *Muslimen in der Mark: Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924* (Berlin, 1997); краткий обзор можно найти в: Gerhard Höpp, «Muslimen in Märkischer Heide: Die Wünsdorfer Moschee, 1915 bis 1924», *Moslemische Revue* 1 (1989), 21–28; Gerhard Höpp, «Die Wünsdorfer Moschee: Eine Episode islamischen Lebens in Deutschland, 1915–1930», *Die Welt des Islams* 36, 2 (1996), 204–218; Gerhard Höpp, «Die Privilegien der Verlierer: Über Status und Schicksal muslimischer Kriegsgefangener und Deserteure in Deutschland während des Ersten Weltkrieges und der Zwischenkriegszeit», in Gerhard Höpp (ed.), *Fremde Erfahrungen: Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Österreich und in der Schweiz bis 1945* (Berlin, 1996), 185–210; Margot Kahleiss, «Muslimische Kriegsgefangene in Deutschland im Ersten Weltkrieg: Ansichten und Absichten», in Gerhard Höpp and Brigitte Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze: Afrikaner und Asiaten in Europäischen Kriegen 1914–1945* (Berlin, 2000), 79–117.

⁷¹ Peter Heine, «Al-Ġihād: Eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg», *Die Welt des Islams* 20, 3–4 (1980), 197–199.

⁷² Идрис, Curriculum Vitae, б. д. (после 1933 г.), б. м. (Берлин), PA, R60740.

⁷³ Armin T. Wegner, «Beiram der Verbannten», *Der Neue Orient* 4, 1 (1918), 41–43, 42.

ниям в мусульманском тылу империй Антанты⁷⁴. В первые месяцы войны на Аравийский полуостров был отправлен ряд немецких экспедиций – с целью завоевать поддержку бедуинов и вести пропаганду среди паломников. Отмечались также попытки агитировать против англо-египетского правления в Судане⁷⁵. Дипломат Курт Прюфер, который до войны служил в германском консульстве в Каире и стал протеже Оппенгейма, пытался из Леванта собирать разведданные и готовить восстание в Британском Египте⁷⁶. В Киренаике немецкие эмиссары стремились убедить воинов суфийского ордена Сену-сия напасть на Египет⁷⁷. Сенуситы организовали мощное сопротивление западным колонизаторам в предыдущее десятилетие, призывая к джихаду против французских войск в Южной Сахаре и сражаясь с итальянцами, вторгшимися в Триполитанию в 1911 году. После длительных переговоров с шейхом Ахмадом Шарифом ас-Сенуси, получившим щедрые подарки, орден наконец взялся за оружие и атаковал западные районы Египта – однако после первых успехов его продвижение было остановлено британской армией.

Попытки вооружать и подстрекать мусульман во Французской Северной Африке, а также в Британской и Французской Западной Африке имели определенный успех, но в целом не представляли серьезной угрозы для империй Антанты⁷⁸. В начале 1915 года миссия под руководством майора Фридриха Клейна отправилась на юг Ирака, чтобы встретиться с шиитскими муджтахидами из священных городов Кербела и Наджаф⁷⁹. Хотя ведущие шиитские богословы уже поддержали османские фетвы в конце 1914 года, после долгих переговоров и щедрых подношений немцы убедили пятерых улемов написать еще один призыв к священной войне. За ними также последовали некоторые иранские богословы⁸⁰.

Группы немецких агентов, самую известную из которых возглавлял консул Вильгельм Вассмус, действовали и в Иране. Они пытались настроить персов против военного присутствия России и Великобритании в стране⁸¹. Однако наиболее важные немецкие миссии в исламском мире стремились раздуть пламя восстания в Афганистане – чтобы оно перекинулось потом на мусульманское пограничье Британской Индии, на так называемую северо-западную границу. Этот проект вели Оскар Риттер фон Нидермайер, баварский офицер-артиллерист, географ и востоковед, до войны путешествовавший по Ирану и Индии, а также Вернер Отто фон Хен-

⁷⁴ О немецких миссиях в целом см.: Müller, *Islam, Gihâd («Heiliger Krieg») und Deutsches Reich*; Hopkirk, *On Secret Service East of Constantinople*; McKale, *War by Revolution*; Lüdke, *Jihad Made in Germany*; Oberhaus, «Zum wilden Aufstande entflammen,» and McMeekin, *The Berlin-Baghdad Express*. Потрясающую подборку пропагандистских материалов, которые немцы и османы распространяли в исламском мире, можно найти в: Gottfried Hagen, *Die Türkei im Ersten Weltkrieg: Flugblätter und Flugschriften in arabischen, persischer und osmanisch-türkischer Sprache aus einer Sammlung der Universitätsbibliothek Heidelberg eingeleitet, übersetzt und kommentiert* (Frankfurt, 1990). Абзац выше опирается на данную работу. В тех случаях, когда доступны исследования по конкретным регионам, они упоминаются отдельно.

⁷⁵ Peter Heine, «Leo Frobenius als politischer Agent: Ein Beitrag zu seiner Biographie», *Paideuma* 26 (1980), 1–5.

⁷⁶ Donald M. McKale, *Curt Prüfer: German Diplomat from the Kaiser to Hitler* (Kent, OH, 1987), 25–56; и Hans Werner Neulen, *Feldgrau in Jerusalem: Das Levantekorps des kaiserlichen Deutschland* (Munich, 1991).

⁷⁷ Russell McGuirk *The Sanusi's Little War: The Amazing Story of a Forgotten Conflict in the Western Desert, 1915–1917* (London, 2007).

⁷⁸ Edmund Burke, «Moroccan Resistance, Pan-Islam and German War Strategy, 1914–1918», *Francia* 3 (1975) 434–464; Jide Osuntokun, «Nigeria's Colonial Government and the Islamic Insurgency in French West Africa, 1914–1918», *Cahiers d'Études Africaines* 15, 57 (1975), 85–93; и более общий обзор ситуации в африканских колониях Британии и Франции: William Deakin, «Imperial Germany and the 'Holy War' in Africa, 1914–1918», *University of Leeds Review* 28 (1985), 75–95.

⁷⁹ Ende, «Iraq in World War I».

⁸⁰ Firoozeh Kashani-Sabet, *Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1840–1946* (Princeton, NJ, 1999), 145–148; сборник иранских фетв в поддержку войны против Антанты – Мохаммад Хассан Каввуси и Насролла Салеги (ред.), *Джихадийе: Фатваи джихадийе 'олама ва марадже'-и 'езам дар джанг-и джихани-и аввал* («Джихадийе: фетвы священной войны великих улемов и муджтахидов Первой мировой войны»), Тегеран, 1375/1996.

⁸¹ Christopher Sykes, *Wassmuss: The German Lawrence* (London, 1936); Dagobert von Mikusch, *Wassmuss, der deutsche Lawrence* (Leipzig, 1937); Ulrich Gehrke, *Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges*, 2 vols. (Stuttgart, 1960); и Oliver Bast, *Les Allemands en Perse pendant la Première Guerre mondiale* (Paris, 1997).

тиг, дипломат, ранее служивший в Пекине, Константинополе и Тегеране⁸². Хотя Нидермайер и фон Хентиг возглавляли конкурирующие миссии, они объединились в Тегеране и сообща выдвинулись в Афганистан – поднимать афганцев и индийцев против британского владычества. Ближе к концу войны, когда германские войска заняли южные окраины развалившейся Российской империи, чиновники и пропагандисты начали работать с мусульманами Кавказа и Крыма⁸³. Это оказалась конечной точкой дорогостоящей кампании по продвижению кайзеровской Германии в качестве покровителя ислама⁸⁴.

В целом попытки немцев и турок использовать ислам в военных целях провалились. Тем не менее в Лондоне, Париже и Санкт-Петербурге власти были встревожены. В мусульманских колониях им приходилось держать крупные гарнизоны, войска которых могли бы сражаться в окопах европейских фронтов. И все же Берлин и Константинополь в конечном итоге не сумели спровоцировать в исламском мире масштабные бунты. Предположение о том, что «ислам» может помочь в организации крупного восстания, оказалось ошибочным. Влияние панисламизма подверглось преувеличению: мусульманский мир оказался слишком неоднородным. Что еще более важно, немецко-османская кампания не вызывала доверия к себе: было слишком очевидно, что мусульман поднимают ради стратегических целей центральных держав, а не по настоящему зову веры. Наконец, правящему в Османской империи младотурецкому триумvirату не хватало религиозной легитимности. Власть халифа, османского султана, теоретически считавшегося лидером всех суннитов мира, оказалась ограниченной – вопреки надеждам берлинских чиновников, далеко не все правоверные подчинились его авторитету.

Более того, державы Антанты эффективно организовали религиозную контркампанию. Например, французы распространяли фетвы верных им улемов, в которых отрицалось право османского султана призывать к джихаду и объявлять поддержку Тройственного союза священным долгом мусульманина⁸⁵. Одновременно Париж выпускал различные исламские памфлеты, трактаты и журналы, продвигающие образ Франции как «мусульманской державы» (*puissance musulmane*). Религиозные лидеры активно участвовали в мобилизации правоверных для борьбы на европейских фронтах. Британцы тоже ответили на призыв Константинополя к джихаду своей собственной религиозной пропагандой⁸⁶. Исламские богословы по всей Британской империи призывали мусульман поддержать Антанту. Влиятельные панисламисты, такие как Рашид Рида, осудили джихад как беспринципное и эгоистичное предприятие, обвинив младотурок в святотатстве. Под влиянием колониальной администрации некоторые улемы Британской Индии выпустили фетвы против султанской декларации священной войны⁸⁷. Даже лидер суданских махдистов Абдурахман аль-Махди, сын легендарного бунтаря

⁸² Renate Vogel, *Die Persien- und Afghanistanexpeditionen von Oskar Ritter v. Niedermayers, 1915/1916* (Osnabrück, 1976); Hans-Ulrich Seidt, *Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik* (Munich, 2002), 43–119; and Thomas L. Hughes, «The German Mission to Afghanistan, 1915–1916», *German Studies Review* 25, 3 (2002), 447–476.

⁸³ Winfried Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges* (Munich, 1966), 151–155 (Крым) и 174–207 (Кавказ); Wolfdieter Bihl, *Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte*, 2 vols. (Vienna, 1975–1992); и Hans-Ulrich Seidt, «From Palestine to the Caucasus: Oskar Niedermayer and Germany's Middle Eastern Strategy in 1918», *German Studies Review* 24, 1 (2001), 1–18.

⁸⁴ Миссии немецких агентов дали обильную пищу фантазиям и страхам британцев относительно джихада, что отразилось в ряде книг и романов. Наиболее известным стал классический John Buchan, *Greenmantle* (London, 1916); и менее известная книга E. F. Benson, *Deutschland über Allah?* (London, 1917).

⁸⁵ Jacques Frémeaux, *La France et l'Islam depuis 1789* (Paris, 1991), 139–157; Pascal Le Pautremat, *La politique musulmane de la France au XXe siècle: De l'hexagone aux terres d'Islam* (Paris, 2003), 75–87; Sadek Sellam, *La France et ses Musulmans: Un siècle de politique musulmane (1895–2005)* (Paris, 2006), 171–184; Belkacem Recham, «Les Musulmans dans l'armée française, 1900–1945», in Mohammed Arkoun (ed.), *Histoire de l'Islam et des Musulmans en France du Moyen Âge à nos jours* (Paris, 2006), 742–761, 744–747; и, с упором на Алжир, Charles-Robert Ageron, *Les Algériens musulmans et la France (1871–1919)*, 2 vols. (Paris, 1968), vol. 2, 1139–1227.

⁸⁶ Cleveland, «The Role of Islam as Political Ideology in the First World War».

⁸⁷ Eliezer Tauber, «Rashīd Riḍā's Political Attitudes during World War I», *Muslim World* 85, 1/2 (1995), 107–121; об индийских улемах: Özcan, *Pan-Islamism*, 179–183.

1880-х годов, сотрудничал с англичанами и призывал верующих сражаться против османов⁸⁸. Власти Российской империи также подключили религиозных деятелей к тому, чтобы те осудили германо-османскую кампанию джихада⁸⁹. Вскоре после обнародования османских фетв один из высших богословов, муфтий Оренбурга, призвал правоверных на борьбу с врагами своей империи. Отправившись в путешествие по стране после начала войны в 1914 году, царь посетил ряд мечетей, показывая себя истинным защитником ислама. В итоге многие мусульмане сохранили верность державам Антанты, а сотни тысяч солдат-мусульман сражались в их колониальных армиях.

Более того, успех антитурецкого Арабского восстания позволил Лондону добиться того, в чем центральные державы потерпели неудачу: поднять успешный бунт в тылу врага. Британцы не только вели агитацию, но и обещали арабам независимое государство⁹⁰. Когда шариф Мекки Хусейн и его сыновья Фейсал и Абдалла перешли на сторону англичан в 1916 году, осадили турецкие гарнизоны и захватили порты на Аравийском полуострове, стало очевидно, что немецко-османская пропаганда потерпела поражение. Кроме того, измена хранителей Каабы еще более ослабила религиозный авторитет Османского халифата. Само Арабское восстание изначально носило религиозный характер. Идеологи шарифа оправдывали бунт против Стамбула, обвиняя османов в порче ислама и предательстве правоверных – об этом, например, писала спонсировавшаяся британцами газета Хусейна «Аль-Кибла». В глазах восставших младотурки были «безбожными предателями веры и общечеловеческого долга», «предателями духа времени и высших интересов ислама», выражаясь словами Т. Э. Лоуренса⁹¹. Британцы подумывали даже о провозглашении Арабского халифата со столицей в Мекке – в отличие от османского халифа, шариф Хусейн мог считать себя прямым потомком пророка Мухаммада, поскольку происходил из племени курейшитов. Становилось очевидно, что исламская пропаганда может быть обращена и против центральных держав.

После окончания войны, как полагали многие, исламу было суждено утратить свое политическое значение. Мобилизационные планы панисламистов провалились. В 1924 году халифат был формально упразднен. В некоторых странах, прежде всего, в Турции при Кемале Ататюрке, Персии при Реза-шахе Пехлеви и Албании при премьер-министре (а затем короле) Зогу, новые политические элиты стремились реализовать светские модернизационные проекты. Однако все эти тенденции не стоит переоценивать. На деле межвоенные годы вполне можно считать периодом глобального исламского возрождения. За упразднением халифата в новой Турции последовали беспорядки по всему миру. Британскую Индию сотрясло движение за возрождение халифата⁹². Когда поддержанный Лондоном Хусейн попытался объявить себя халифом в 1924 году, его разгромили фанатичные ваххабиты эмира Ибн Сауда⁹³. Светские пра-

⁸⁸ John Fisher, «British Responses to Mahdist and Other Unrest in North and West Africa, 1919–1930», *Australian Journal of Politics and History* 52, 3 (2006), 347–361, 351.

⁸⁹ Robert D. Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, MA, 2006), 351–352.

⁹⁰ Об Арабском восстании написано множество книг. См., например: Eliezer Tauber, *The Arab Movements in World War I* (London, 1993); Joshua Teitelbaum, *The Rise and Fall of the Hashimite Kingdom of Arabia* (London, 2001); James Barr, *Setting the Desert on Fire: T. E. Lawrence and Britain's Secret War in Arabia, 1916–1918* (New York, 2008); и более обзорный труд David Fromkin, *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East* (New York, 1989). О роли ислама в Арабском восстании и проблеме халифата см.: Cleveland, «Role of Islam as Political Ideology in the First World War»; Elie Kedourie, «Egypt and the Caliphate, 1915–52», in Elie Kedourie (ed.), *Chatham House Version and Other Middle Eastern Studies* (London, 1970), 177–207, 179–182.

⁹¹ T. E. Lawrence, *Seven Pillars of Wisdom* (Hertfordshire, 1997 [Oxford, 1922]), 35.

⁹² Albert Christiaan Niemeijer, *The Khilafat Movement in India, 1919–1924* (The Hague, 1972); Gail Minault, *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilisation in India* (New York, 1982); Özcan, *Pan-Islamism*, 184–204; M. Naeem Qureshi, *Pan-Islam in British Indian Politics: A Study of the Khilafat Movement, 1918–1924* (Leiden, 1999).

⁹³ Gary Troeller, *The Birth of Saudi Arabia: Britain and the Rise of the House of Sa'ud* (London, 1976), 216–235; Haifa Alangari, *The Struggle for Power in Arabia: Ibn Saud, Hussein, and Great Britain, 1914–1924* (Reading, 1998), 191–246; и Timothy J. Paris, *Britain, the Hashemites, and Arab Rule, 1920–1925: The Sherifian Solution* (London, 2003), 341–362.

вители Анкары, Тегерана и Тираны столкнулись с ожесточенным сопротивлением своей политике со стороны благочестивых подданных⁹⁴. Король Аманулла, модернизатор Афганистана, все 1920-е годы сражался с исламской оппозицией, что в итоге стоило ему трона⁹⁵. Во многих частях мусульманского мира ислам стал идейной основой новых политических массовых организаций. В Египте движение «Братьев-мусульман», основанное школьным учителем Хасаном аль-Банной в 1928 году, в течение нескольких лет стало массовым, послужив примером для политических групп от Западной Африки до Юго-Восточной Азии⁹⁶. Всеисламские конгрессы были проведены в Мекке и Каире (оба в 1926 году), Иерусалиме (1931) и Женеве (1935) – там формировался исламский интернационал ученых, интеллектуалов и политических лидеров⁹⁷. По мере того как становилось ясно, что великие державы не собираются предоставлять мусульманам на Ближнем Востоке, в Африке и Азии право на самоопределение, возрождался исламский антиимпериализм, развивавшийся наряду со светскими антиколониальными движениями⁹⁸.

В течение 1920–1930-х годов британские, французские, голландские, итальянские и советские власти сталкивались с местными группами сопротивления в своих мусульманских владениях – те призывали к джихаду против ига иностранцев⁹⁹. Призрак исламского мятежа на северо-западной границе Индии отразился даже в знаменитых голливудских фильмах, например в «Жизни бенгальского улана» (1935), с впечатляющими сценами молящихся и сражающихся масс мусульман. Это был, по-видимому, любимый фильм Гитлера – фюрер и его свита не раз просматривали его в личном кинотеатре в Бергхофе¹⁰⁰.

Межвоенные дискуссии и геополитика ислама

На протяжении межвоенного периода ислам оставался в повестке дня немецкого чиновничества¹⁰¹. В то время, особенно в 1930-е годы, эксперты публиковали множество статей и книг о роли ислама в международной политике и мировом порядке, тем самым создавая дискурс, который работал и в годы Второй мировой войны. По-видимому, самым важным центром таких дискуссий стал Институт геополитики, основанный в Мюнхене Карлом Эрнстом

⁹⁴ Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey* (London, 1961), 395–436; Ali M. Ansari, *Modern Iran since 1921: The Pahlavis and After* (London, 2003), 46–47; и Bernd J. Fischer, *King Zog and the Struggle for Stability in Albania* (Boulder, CO, 1984), 170 and 247–250.

⁹⁵ Leon V. Poullada, *Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929: King Amanullah's Failure to Modernize a Tribal Society* (Ithaca, NY, 1973).

⁹⁶ Richard P. Mitchell, *The Society of the Muslim Brothers* (London, 1969); Brynjar Lia, *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942* (Reading, UK, 1998); Abd Al-Fattah Muhammad El-Awaisi, *The Muslim Brothers and the Palestine Question 1928–1947* (London, 1998); конкретно об аль-Банне см.: Gudrun Krämer, *Hasan al-Banna* (New York, 2010).

⁹⁷ Kramer, *Islam Assembled*.

⁹⁸ Erez Manela, *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism* (New York, 2007).

⁹⁹ Martin Thomas, *Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914* (Berkeley, CA, 2008), особенно 73–90 (в этой работе дается очерк проблем с исламом, который европейские империи испытывали в межвоенный период).

¹⁰⁰ Johannes H. Voigt, «Hitler und Indien», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 19 (1971), 33–63, 50; Milan Hauner, «Das Nationalsozialistische Deutschland und Indien», in Manfred Funke (ed.), *Hitler, Deutschland und die Mächte: Materialien zur Außenpolitik des dritten Reiches* (Düsseldorf, 1976), 430–453, 436; и Milan Hauner, *India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981), 33. Фильм был снят по мотивам романа, написанного Френсисом Йейтсом-Брауном, британским офицером индийской армии: Yeats-Brown, *Lives of a Bengal Lancer* (London, 1930).

¹⁰¹ В межвоенный период германское министерство иностранных дел внимательно следило за положением дел на исламских территориях и за исламскими движениями: см.: документы в PA, R78240 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1924–1928*); PA, R78241 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1928–1931*); PA, R78242 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1932–1936*); PA, R104801 (*Religions- und Kirchenwesen: Islam, 1936–1939*).

Хаусхофером, где ученые обсуждали роль ислама в грядущем мироустройстве¹⁰². В журнале института (*Zeitschrift für Geopolitik*) часто печатались статьи о значении халифата, политике европейских империй в отношении ислама и возрождении панисламизма. Эксперты института всерьез считали религию мощной силой в международных делах и писали о «геополитике религии» (*Religions-Geopolitik*)¹⁰³. Сам Хаусхофер живо интересовался исламским миром, испытывая слабость к явлениям с приставкой «пан-» – паназиатским, панъевропейским, панисламским¹⁰⁴.

В этих дискуссиях постоянно повторялась тема отсутствия в исламе политического и религиозного центра после упразднения халифата. В ноябре 1938 года писавший для *Zeitschrift für Geopolitik* Ханс Рабль ставил вопрос об институте халифата в геополитической перспективе¹⁰⁵. Даже лишившись после Первой мировой войны своего центра, значение которого было переоценено, ислам, как заявлял этот автор, сумел сберечь свою «энергетику» и политический потенциал. Обсуждая последствия этого факта для европейских держав, Рабль уверял читателей в сохранении политического антагонизма между исламом и колониальными империями англичан и французов. Одновременно он позитивно отзывался о «необычайно разумном и внимательном отношении к мусульманской вере», которое демонстрировал Муссолини, поясняя, что благодаря этому в «широких кругах мусульман» дуче считается «покровителем ислама»¹⁰⁶.

Спустя два месяца после начала Второй мировой войны политолог Ганс Линдеман дал исчерпывающий обзор геополитики ислама¹⁰⁷. В своей статье «Ислам восстает и атакует» он утверждал, что эта религия обеспечивает тесную связь между странами и континентами, а это делает ее важным игроком мировой политики¹⁰⁸. Линдеман рассмотрел исламские движения по всему миру и их влияние на стратегию европейских держав¹⁰⁹. Он упомянул политику дружбы с исламом Японии и Италии, в которой видел эффективный инструмент для подрыва Французской и Британской империй¹¹⁰. Два года спустя, в 1941 году, Линдеман подробно изложил те же идеи в своей книге «Ислам восстает, обороняется и атакует» (*Der Islam im Aufbruch, in Abwehr und Angriff*)¹¹¹. Ислам, уверял эксперт, – ахиллесова пята союзников. Германии и Италии, напротив, нечего бояться этой религии. Однако даже для них выбор правильного курса по отношению к мусульманам и умение не задевать их религиозные чувства остаются предметами первостепенной важности¹¹². Эти аргументы были весьма популярны в экспертном сообществе.

В марте-апреле 1942 года, когда немецкие танки шли к Каиру и приближались к южным окраинам Советского Союза, журнал опубликовал статью в двух частях под названием «Бри-

¹⁰² О геополитике см.: Frank Ebeling, *Geopolitik: Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft, 1919–1945* (Berlin, 1994); конкретно о Хаусхофере: Hans-Adolf Jacobsen, *Karl Haushofer: Leben und Werk*, 2 vols. (Boppard, 1979); Bruno Hipler, *Hitlers Lehrmeister: Karl Haushofer als Vater der NS-Ideologie* (St. Ottilien, 1996).

¹⁰³ Karl Haushofer, «Historische Belege zur Religionsgeopolitik», *Zeitschrift für Geopolitik* 20, 8 (1943), 278–280. В том же номере Генрих Фрик опубликовал свои «георелигиозные соображения по поводу связи между почвой и религией». См.: Heinrich Frick, «Regionale Religionskunde», *Zeitschrift für Geopolitik* 20, 8 (1943), 281–290.

¹⁰⁴ Главным трудом Хаусхофера о «панидеях» является Karl Haushofer, *Geopolitik der Pan-Ideen* (Berlin, 1931); отсылки к исламу можно найти на страницах 8, 11, 15, 23, 37–39, 47, 63, и 81. В панисламе Хаусхофер видел идею и движение, которое может сдерживать остальные движения, простираясь по «пан-Азии, пан-Европе и пан-Африке» (*ibid.*, 39, и 81).

¹⁰⁵ Hans Rabl, «Über das Kalifat», *Zeitschrift für Geopolitik* 15, 11 (1938), 848–857. Ранее Рабль выдвигал некоторые из этих идей о халифате в: Hans Rabl, «Der Nahe Osten auf dem Weg zur Einigung», *Zeitschrift für Geopolitik* 13, 5 (1936), 293–302; Hans Rabl, «Nah-Ost Nachtrag», *Zeitschrift für Geopolitik* 13, 6 (1936), 402–404.

¹⁰⁶ *Ibid.*, 849.

¹⁰⁷ Hans Lindemann, «Der Islam im Aufbruch und Angriff», *Zeitschrift für Geopolitik* 16, 11 (1939), 784–789.

¹⁰⁸ *Ibid.*, 786.

¹⁰⁹ *Ibid.*, 787.

¹¹⁰ *Ibid.*, 785.

¹¹¹ Hans Lindemann, *Der Islam im Aufbruch, in Abwehr und Angriff* (Leipzig, 1941).

¹¹² *Ibid.*, 84.

танская политика в отношении ислама», в которой обсуждалась ситуация в Индии, на Ближнем Востоке и, конспективно, в Африке¹¹³. Автор опирался на идею панисламской солидарности и представлял ислам в качестве политической силы¹¹⁴. По его словам, мобилизация мусульман во время Первой мировой войны потерпела неудачу только потому, что правящая верхушка Османской империи сама давно отвернулась от ислама¹¹⁵. Мусульманский мир, утверждал автор, остается противником Британской империи, поскольку политика Лондона в отношении мусульман, особенно в Палестине, укрепила «антианглийские настроения»¹¹⁶. Отношения Британской империи и ислама в разных регионах мира нередко обсуждались в статьях военного времени. Некоторые материалы касались британской политики «разделяй и властвуй» в отношении индусов и мусульман в Индии¹¹⁷. Другие рассказывали об антибританском исламском мятеже на северо-западной границе¹¹⁸. В 1940 году эксперт по геополитике Вальтер Лейфер опубликовал обзор политики Великобритании в арабском мире, в очередной раз назвав ислам влиятельной политической силой¹¹⁹. По его мнению, османская мобилизация мусульман во время Первой мировой войны потерпела неудачу только из-за политического соперничества между турками и арабами за «лидерство в исламе»¹²⁰.

До войны статьи в *Zeitschrift für Geopolitik*, посвященные роли великих держав в разных частях мусульманского мира, уже подчеркивали политическое значение этой религии, а также панисламизма, и обращали внимание на неразрешимость антагонизма между исламом и европейскими империями. В статье, посвященной взаимодействию французов с исламом, говорилось: «Важнейшая проблема колониальной политики – это отношения между Францией и исламом»¹²¹. Аналогичным образом в следующем году автор материала об империализме в Голландской Ост-Индии утверждал, что «взаимоотношения с исламом» относятся к «наиболее важным проблемам голландской колониальной политики»¹²². Тогда же вновь обсуждался курс Великобритании на «закрепление разграничения между индусами и мусульманами» в Индии¹²³. В 1936 году Генрих Эк, эксперт по восточноевропейским делам, называл «религиозный вопрос» «ключом к пониманию» отношений народов Центральной Азии с советской властью¹²⁴. «Осознавая, что открытый конфликт с исламом вызовет жесткое противодействие азиатов, советское правительство применяет более тонкие инструменты», – утверждал Эк. Однако тут же он отмечал, что попытки Москвы контролировать ислам провалились: «Ключевой фактор, который определит судьбу не только Центральной Азии, но и всего Востока, – панисламизм»¹²⁵.

¹¹³ Аноним, «Die britische Islampolitik I», *Zeitschrift für Geopolitik* 19, 3 (1942), 133–143; Аноним, «Die britische Islampolitik II», *Zeitschrift für Geopolitik* 19, 4 (1942), 187–196.

¹¹⁴ Аноним, «Die britische Islampolitik I», 133.

¹¹⁵ Ibid., 143.

¹¹⁶ Аноним, «Die britische Islampolitik II», 191.

¹¹⁷ Pandit K. A. Bhatta, «Innenpolitische Probleme Indiens», *Zeitschrift für Geopolitik* 16, 12 (1939), 837–850, особенно 837–838, 843; Pandit K. A. Bhatta, «Britische Wehrpolitik in Indien», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 4 (1940), 172–181.

¹¹⁸ Herbert Hörhager, «Die Haltung der indo-afghanischen Grenzstämmе zur indischen Krise», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 3 (1940), 119–124; и Habibur Rahman, «Die Stellung Afghanistans in Zentralasien», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 4 (1940), 182–184.

¹¹⁹ Walter Leifer, «Der Freiheitskampf der Araber», *Zeitschrift für Geopolitik* 17, 2 (1940), 65–70.

¹²⁰ Ibid., 65.

¹²¹ Rudolf Friedmann, «Frankreich und der Islam», *Zeitschrift für Geopolitik* 4, 1 (1927), 58–68, 58.

¹²² Djamal Udin, «Zur Kulturpolitik Indonesiens II», *Zeitschrift für Geopolitik* 5, 3 (1928), 258–264; and Djamal Udin, «Zur Kulturpolitik Indonesiens II», *Zeitschrift für Geopolitik* 5, 4 (1928), 317–325, цитата на с. 320.

¹²³ Willmar Freischütz, «Die indisch-englische Auseinandersetzung», *Zeitschrift für Geopolitik* 7, 4 (1930), 308–318, 309.

¹²⁴ Heinrich Eck, «Russisch-Asien am Scheidewege», *Zeitschrift für Geopolitik*, 13, 2 (1936), 76–86, 85. Говоря о «русской Азии», автор включает в это понятие также Крым и Кавказ.

¹²⁵ Ibid., 85; и, о роли панислама, с. 85–86.

Опубликованные в *Zeitschrift für Geopolitik* статьи представляли собой часть более обширной дискуссии об исламе и мировой политике. Ганс Линдеман особенно рекомендовал две книги – «Всеислам! Глобальная сила завтрашнего дня?» (*All-Islam! Weltmacht von morgen?*) Пауля Шмица (1937) и «Ислам у ворот» (*Der Islam vor den Toren*) Томаса Райхардта (1939). В последнем труде, опубликованном всего за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, утверждалось, что ислам снова превратился в политическую силу глобального масштаба¹²⁶. Отвергая распространенное мнение о том, что национализм в конечном итоге заменит религию, Райхардт писал: «Религия как элемент частной жизни – декадентская идея Запада, которую Восток никогда не постигнет и тем более не примет!»¹²⁷. Райхардт всесторонне исследовал политическую стратегию великих держав относительно ислама и исламского антиимпериализма¹²⁸. Он обсудил действия Нидерландов в Индонезии, политику США на Филиппинах и поведение французов в Африке. Британия, утверждал он, начала подавлять мусульманскую веру¹²⁹. «Таким образом, отношение англичан к исламу в конце концов приведет к тому же результату, к какому пришли французы: к ненависти, раздорам и восстанию в их мусульманских владениях»¹³⁰. Религиозная политика либеральных империй вызывает отторжение среди мусульман: «Когда ислам смотрит на Запад, он видит в демократии, парламентаризме, капитализме, индивидуализме, безудержной механизации и слепой вере в прогресс все, что им отвергается»¹³¹. Райхардт также писал о подавлении религиозных учреждений, разрушении мечетей и преследовании верующих в СССР, заключив, что «ислам видит в большевизме своего главного врага»¹³². Напротив, Япония и Италия мудро включали уважение к исламу в свою стратегию¹³³. По мнению эксперта, Германии, как и другим «авторитарным и тотальным государствам», «не надо опасаться исламского подъема»¹³⁴. Об отношениях между Германией и этой религией подробно рассказывалось в заключительной главе, в написании которой принял участие египетский врач и панисламист Заки Али¹³⁵. Именно он вновь напоминал о политике Второго рейха в отношении ислама, дамаской речи Вильгельма II и колониальном проекте Германии¹³⁶. «Уважение к исламу, его религиозной культуре, институтам и святыням было для нас основным ориентиром», – утверждал этот автор, переходя к обсуждению идеологической близости между нацизмом и исламом¹³⁷.

Шмиц, как и Райхардт, подчеркивал в своей книге глобальную значимость ислама¹³⁸. Пользуясь для описания будущего геополитической терминологией, Шмиц предпочитал гово-

¹²⁶ Thomas Reichardt, *Der Islam vor den Toren* (Leipzig, 1939).

¹²⁷ Ibid., 241–244, цитата на с. 241.

¹²⁸ Ibid., 245–317.

¹²⁹ Ibid., 297–298.

¹³⁰ Ibid., 299.

¹³¹ Ibid., 326.

¹³² Ibid., 277. О идее подлинной антибольшевистской сущности ислама см.: с. 9 и сл.

¹³³ Об использовании Японией ислама в борьбе за гегемонию в Азии см.: *ibid.*, 272–276; о политике Италии и претензиях Муссолини на роль защитника ислама см.: *ibid.*, 300–308.

¹³⁴ Ibid., 328.

¹³⁵ Zaki Ali, «Großdeutschland und der Islam», in Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 329–340. Годом ранее Заки Али уже опубликовал панисламистский трактат: Zaki Ali, *Islam in the World* (Lahore, 1938)

¹³⁶ Ali, «Großdeutschland und der Islam», 331–332.

¹³⁷ Ibid., 330.

¹³⁸ Paul Schmitz, *All-Islam! Weltmacht von morgen?* (Leipzig, 1937). Это книга также привлекла внимание в других странах, см.: Robert Gale Woolbert, «Recent Books on International Relations», *Foreign Affairs* 16, 4 (1938), 728–744, 729. Ее перевели на японский: Paul Schmitz, *Kaikyō no Zembō: Ashita no Sekai Seiryoku* (Токио, 1938). Шмиц работал корреспондентом *Völkischer Beobachter* в Каире, пока в 1939 году власти Египта не выгнали его под давлением англичан: Шмиц – Боле (иностранная организация НСДАП), 21 мая 1939 г., Оберурсель, РА, R29533; Боле – Вайцеккеру (МИД), 26 мая 1939 г., Берлин, РА, R29533; и Мильденштейн (МИД), отчет, б. д. (1939), б. м. (Берлин), Федеральный архив Германии (*Bundesarchiv*), Берлин-Лихтерфельде (BAW), R58/783.

речь не об общеисламском едином государстве, а, скорее, о блоке мусульманских наций¹³⁹. Скрепляемая религией, такая коалиция стала бы «мировой силой завтрашнего дня»¹⁴⁰. Хотя Шмиц был не ученым, а журналистом, работавшим в различных мусульманских странах (на момент выхода книги он был египетским корреспондентом *Völkischer Beobachter*, официального печатного органа НСДАП), «Всеислам» позитивно оценили в академических кругах. На книгу ссылались не только эксперты-геополитики, но и исламоведы. В 1942 году, когда Германия начала взаимодействовать с исламом на фронтах войны, *Der Islam* опубликовал хвалебную рецензию на труд Шмица¹⁴¹. Учитывая «неоспоримое значение» исламских стран и «безусловно растущий интерес» к этой религии «среди широких кругов в Германии», книга представляется весьма актуальной, – писал рецензент Рихард Хартман¹⁴². Позже этот берлинский профессор исламоведения, к концу войны консультировавший СС, поддержал идею Шмица о сосуществовании ислама и национализма в своей монографии «Исламская религия» (*Die Religion des Islam*) 1944 года¹⁴³.

В 1930–1940-е годы мусульманскими сюжетами интересовалось множество чиновников и экспертов за пределами круга любителей геополитики. Знаменитый *Zeitschrift für Politik*, который издавала Высшая немецкая политическая школа в Берлине, также был важным форумом по вопросам ислама¹⁴⁴. В начале 1938 года, еще до того, как исламом заинтересовались в *Zeitschrift für Geopolitik*, в *Zeitschrift für Politik* уже обратили внимание на новый «полюс ислама», который обнаружили в Мекке, покоренной Ибн Саудом¹⁴⁵. После Первой мировой войны ислам вырос во «влиятельную политическую силу», – сообщалось в журнале¹⁴⁶. В течение всего межвоенного периода *Zeitschrift für Politik* также занимался проблемой исламского антиколониализма в европейских империях, публикуя статьи о сопротивлении мусульман французам, голландцам и англичанам¹⁴⁷. В некоторых статьях рассматривался джихад Первой мировой войны, причем там разбирались не только попытки Германии поднять мусульман на восстания, но и контрмеры, принятые Антантой¹⁴⁸. В 1941 году, когда немцы перенесли войну в Магриб, *Zeitschrift für Politik* подробно проанализировал джихад 1914 года: авторы даже утверждали, что он не был полностью провальным начинанием, но, напротив, вполне мог достичь успеха¹⁴⁹. В годы войны журнал также опубликовал ряд работ, посвященных мусуль-

¹³⁹ Он пользовался выражениями «Lebensraum», «Raumbedeutung», или «Islamische Schicksalsgemeinschaft», см.: Schmitz, *All-Islam!*, passim.

¹⁴⁰ Ibid., 131.

¹⁴¹ Richard Hartmann, «Paul Schmitz, All-Islam: Neubau der Arabischen Welt» (Review), *Der Islam* 26 (1942), 67–71.

¹⁴² Ibid., 67–68.

¹⁴³ Richard Hartmann, *Die Religion des Islam: Eine Einführung* (Berlin, 1944); и Richard Hartmann, «Nationalismus und Islam: Ein Vortrag von Prof. Dr. Hartmann», *Deutsche Zeitung in den Niederlanden* (29 July 1942).

¹⁴⁴ Thomas Duve, «Die Gründung der Zeitschrift für Politik: Symbol und Symptom für die Entstehung einer Politikwissenschaft um 1900?», *Zeitschrift für Politik* 45 (1998), 405–426.

¹⁴⁵ Erich Müller, «Mekka: Der Kraftpol des Nahen Orients», *Zeitschrift für Politik* (Mai 1938), 312–315, 313.

¹⁴⁶ Ibid., 312.

¹⁴⁷ Walter Hagemann, «Das französische Kolonialreich in Afrika», *Zeitschrift für Politik* 17, 7 (1928), 612–633; Edgar Pröbster, «Die kolonialpolitische Literatur Frankreichs (Seit 1922)», *Zeitschrift für Politik* 17, 1 (1927), 64–76; Edgar Pröbster, «Die kolonialen Probleme Frankreichs auf Grund der neuesten kolonialpolitischen Literatur», *Zeitschrift für Politik* 18, 1 (1928), 52–57; Edgar Pröbster, «Die Entwicklung von Frankreichs Islampolitik 1830–1930», *Zeitschrift für Politik* 20, 7/8 (1930), 477–486; Edgar Pröbster, «Die Entislamisierung der marokkanischen Berbern und ihre Folgen», *Zeitschrift für Politik* 23, 3 (1933), 201–204; A. Grabowsky, «Niederländisch-Indien im weltpolitischen Rahmen: Vorbemerkung», *Zeitschrift für Politik* 23, 5 (1933), 307–309; Karl Helbig, «Niederländisch-Indien gestern, heute und morgen», *Zeitschrift für Politik* 23, 5 (1933), 309–320; Habibur Rahman, «'Dschihadistan': Die friedlose Nordwestgrenze Indiens», *Zeitschrift für Politik* 28, 2 (1938), 121–125.

¹⁴⁸ Sophie Freifrau v. Wangenheim, «Auf verlorenem Posten», *Zeitschrift für Politik* 26, 8/9 (1936), 498–508; и Sophie Freifrau v. Wangenheim, «Oberst Lawrence und der Auf-stand der Araber im Weltkrieg (Auf Grund der 'Seven Pillars of Wisdom')», *Zeitschrift für Politik* 27, 7/8 (1937), 417–437.

¹⁴⁹ I. Jorda, «Die Westmächte und die Araber», *Zeitschrift für Politik* 31, 5 (1941), 294–302.

манам на немецкой службе, прежде всего муфтию Иерусалима¹⁵⁰. Даже журналы военной тематики проявляли интерес к исламским вопросам. Например, в 1942 году *Militärwissenschaftliche Rundschau* заверяло своих читателей в том, что ислам «необычайно важен», «находится на подъеме» и далек от «окаменения и распада»; через «чувство мусульманской солидарности» он образует крепкие, глобальные политические связи¹⁵¹.

Важной темой дискуссии стала роль ислама в мусульманских регионах СССР. Главным сторонником идеи о том, что ислам является самым сильным противовесом советской власти, оказался молодой эксперт, тюрколог и исламовед Йоханнес Бенцинг, позже ставший одним из самых влиятельных востоковедов послевоенной Германии. Он впервые выдвинул эту идею в 1937 году в статье о большевизме, тюркских народах Советского Союза и исламе, опубликованной в журнале *Osteuropa*¹⁵². Бенцинг подробно рассказал о подавлении Кремлем религиозных учреждений в мусульманских регионах и о нападках на «улемов, мечети, обычаи и ритуалы»¹⁵³. Он утверждал, что борьба советской власти с исламом была более жестокой, чем подавление православного христианства, поскольку ислам «намного опаснее» для нее¹⁵⁴. Мусульманское сопротивление политике Москвы мотивировано религией, а «основным проводником» этого сопротивления выступает «духовенство (муллы)»¹⁵⁵. Бенцинг продвигал свои идеи и во время войны, в конечном счете став консультантом СС по вопросам мобилизации советских мусульман¹⁵⁶. Взгляды этого ученого разделял его старший коллега и соперник Герхард фон Менде, тюрколог из Риги, который читал лекции о восточнотюркских народах в Берлине, а в годы войны работал в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий. В книге «Национальная борьба тюркских народов России» (*Der nationale Kampf der Russlandtürken*), опубликованной в 1936 году, Менде описывал рост национализма среди тюркского населения России, которых в немецкой традиции с конца XIX века называли восточными тюрками (*Osttürken*). Исследователь подробно рассказывал о роли ислама в сопротивлении тюрков государственному аппарату¹⁵⁷.

Хотя Менде считал, что в XX веке ислам ослабел в политическом плане, религия, по его мнению, остается неотъемлемой частью формирующегося национального самосознания восточных тюрков; более того, по его словам, с недавних пор мусульманство сделалось помехой для советского режима. Известный исламовед Готхард Йешке, рецензировавший книгу Менде на страницах журнала *Die Welt des Islams*, был в полном восторге от нее: он подчеркивал «исключительное значение ислама в борьбе за выживание народа»¹⁵⁸. Религия, резюмировал

¹⁵⁰ Richard Hartmann, «Der Mufti Amīn el-Ḥusainī», *Zeitschrift für Politik* 31, 7 (1941), 430–439; Ernst Klingmüller, «Hadj Emin el-Huseini: Großmufti von Jerusalem», *Zeitschrift für Politik* 33, 8/9 (1943), 413–417; довоенный материал, посвященный аль-Хусейни: Walther Björkman, «Der Mufti von Jerusalem», *Zeitschrift für Politik* 28, 5 (1938), 306–311. Еще одним коллаборационистом-мусульманином, удостоившимся статьи в *Zeitschrift für Politik*, стал сирийский повстанец Фавзи аль-Кавукджи, см.: I. Jorda, «Fauzi el-Kawukschi— der Held der Wüste: Das Leben eines arabischen Freiheitskämpfers», *Zeitschrift für Politik* 32, 4 (1942), 261–265.

¹⁵¹ Paschasius: «Europa und die islamische Welt des Nahen Ostens», *Militärwissenschaftliche Rundschau* 7, 2 (1942), 192–204, 197.

¹⁵² Johannes Benzing, «Bolschewismus, Turkvölker und Islam: Ein Beitrag zur Nationalitätenpolitik des Bolschewismus», *Osteuropa* 13, 3 (1937), 187–194. Бенцинг также писал о важности ислама и «священной войны» в сопротивлении мусульманских народов российскому господству еще во времена царизма, в статье Johannes Benzing, «Das turkestanische Volk im Kampf um seine Selbstständigkeit», *Die Welt des Islams* 19 (1937), 94–137, особенно 101–102, 105.

¹⁵³ Benzing, «Bolschewismus, Turkvölker und Islam», 194.

¹⁵⁴ *Ibid.*, 194.

¹⁵⁵ *Ibid.*, 193.

¹⁵⁶ Johannes Benzing, *Turkestan* (Berlin, 1943); и Johannes Benzing, «Die Türkvölker der Sowjetunion», in Hans Heinrich Schaeder (ed.), *Der Orient in deutscher Forschung* (Leipzig, 1944), 18–26.

¹⁵⁷ Gerhard von Mende, *Der nationale Kampf der Russlandtürken: Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion* (Berlin, 1936), о исламе и национализме в СССР см.: 180–182. Через три года Менде снова высказал эти идеи в работе: Gerhard von Mende, *Die Völker der Sowjetunion* (Reichenau, 1939).

¹⁵⁸ G. J., «Gerhard von Mende, Der nationale Kampf der Russlandtürken» (Review), *Die Welt des Islams* 18 (1936), 146–147.

он, предлагает тюркским народам надежный бастион против «большевистской политики дезинтеграции»¹⁵⁹. Два года спустя Йешке, берлинский профессор, в годы Первой мировой работавший в Бюро информации по Востоку, а затем находившийся на дипломатической службе в Турции и на Кавказе, представил публике свои собственные мысли о коммунизме и исламе – на страницах *Die Welt des Islam*¹⁶⁰. «Любой, кто знаком, хотя бы поверхностно, с религией пророка Мухаммада и учением еврея Карла Маркса, нашедшим свое омерзительное воплощение в трудах Ленина и Сталина, знает, какая доктринальная пропасть разделяет эти явления», – провозгласил Йешке.

И снова более всего широкому распространению этих идей способствовал Пауль Шмиц. В 1938 году в печально известной серии «Большевизм» (*Bolschewismus*) центрального издательства НСДАП «Франц Эйер Ферлаг» вышла его книга «Москва и исламский мир» (*Moskau und die islamische Welt*)¹⁶¹. Она подробно рассказывала о подавлении ислама советской властью и обвиняла Москву в «политическом и религиозном изнасиловании» мусульманского населения¹⁶². Заявляя о «неэффективности» советского давления, Шмиц настаивал на том, что религия остается не только «жизненным фундаментом» для большинства мусульман, но и наиболее сильным средством антисоветского сопротивления¹⁶³. В заключительной части книги Шмиц касался политических последствий этой ситуации для Германии: «Под руководством Адольфа Гитлера мы, немцы, поняли роль большевизма и разоблачили его перед всем человечеством. Мы также знаем о значимости исламского мира в борьбе с Коминтерном. Именно отсюда проистекают узы дружбы, которые связывают нас с исламскими народами»¹⁶⁴. Йоханнес Бенцинг, который написал рецензию на эту книгу в *Die Welt des Islams*, рекомендовал ее как «хорошее введение в тему»¹⁶⁵. Дискуссия продолжалась и в военные годы. Сразу после вторжения в Советский Союз летом 1941 года Карл Крюгер, берлинский профессор и эксперт по восточным вопросам, опубликовал статью о мусульманах СССР в «Издании немецкого союза Востока» (*Organ des deutschen Orient Vereins*). Он утверждал, что ислам в Центральной Азии способен сыграть значительную роль в войне и даже дал конкретные идеи для пропагандистских лозунгов¹⁶⁶.

Наконец, стоит отметить, что в дискуссиях об исламской политике приняли участие и эксперты по Юго-Восточной Европе. Это произошло после того, как немецкие войска вошли на мусульманские территории Балкан. Среди таких специалистов стоит назвать Франца Роннебергера, главу «ведомства Роннебергера» в Вене – разведывательно-аналитического центра министерства иностранных дел, занимавшегося Юго-Восточной Европой. Осенью 1942 года Роннебергер опубликовал на первой полосе *Völkischer Beobachter* большую статью о значении ислама в регионе¹⁶⁷. По сравнению с миллионами мусульман за пределами Европы два миллиона балканских мусульман, конечно, кажутся незначительной величиной. «Однако оценивать роль европейских мусульман лишь по их численности означало бы упустить самое главное», – писал автор. – Дело в том, что все происходящее с мусульманами на Балканах тщательно фиксируется и оценивается в остальных частях магометанского мира [*Mohammedanertum*]. Столь

¹⁵⁹ Ibid., 146.

¹⁶⁰ Gotthardt Jäschke, «Kommunismus und Islam im Türkischen Befreiungskriege», *Die Welt des Islam* 20 (1938), 110–117.

¹⁶¹ Paul Schmitz, *Moskau und die islamische Welt* (Munich, 1938), quotation on 15.

¹⁶² Ibid., 21.

¹⁶³ Ibid., 22.

¹⁶⁴ Ibid., 58.

¹⁶⁵ J. Benzinger, «Paul Schmitz, *Moskau und die islamische Welt*» (Review), *Die Welt des Islams* 20 (1938), 151–152, 152.

¹⁶⁶ Karl Krüger, «Der Islam als Wirtschaftsfaktor in Mittelasien», *Organ des Deutschen Orient Vereins* 2, 8 (1941), 48–53. Ранние размышления Крюгера о «душе» «исламского человека» см. в: Karl Krüger, «Der neue Wirtschaftsgeist im Islamischen Orient», *Zeitschrift für Politik* (1923), 248–263.

¹⁶⁷ Franz Ronneberger, «Der Islam im Antlitz Europas», *Völkischer Beobachter* (19 October 1942).

же верно и обратное: европейские мусульмане проявляют огромный интерес к судьбе своих братьев по вере, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке». Далее Роннебергер заявлял, что политику Германии по отношению к балканскому исламу нужно выстраивать, имея в виду отношения рейха с исламским миром в целом. Не только мусульмане Советского Союза, ведущие «отчаянную борьбу против большевизма», но и «весь мусульманский мир» готов подняться и сражаться на стороне держав Оси, – уверял читателей эксперт. Летом 1943 года исследовательский журнал *Volkstum im Südosten*, освещавший балканскую тематику и выходивший под редакцией Роннебергера и его коллег, опубликовал статью под названием «О проблеме магометан в Боснии и Герцеговине», в которой более подробно рассматривалась исламская политика в регионе, а мусульманское население называлось союзником нацистской Германии¹⁶⁸.

При всей своей сложности и текучести немецкий дискурс об исламе и политике характеризовался некоторыми повторяющимися нарративами и позициями. «Ислам» понимался в нем эссенциалистски, как онтологическая сущность – причем политическая по своей природе. Более того, в дискуссиях отразилось территориальное понимание «ислама», где религия и география сливались, а «ислам», точнее, «исламский мир», виделся как географическая единица, простирающаяся от Северной Африки до Восточной Азии. Накануне Второй мировой войны немецкие эксперты в основном принимали как политическую значимость ислама, так и его глобальный охват, что зачастую фиксировалось в терминах «мировой ислам» (*Weltislam*) или «панислам» (*All-Islam* или *Pan-Islam*) – притом что в своих оценках политического веса панисламизма специалисты могли расходиться. Одной из наиболее обсуждаемых тем была неудачная мобилизация мусульман в Первую мировую войну. Примечательно, что почти ни один эксперт не усматривал в этом доказательства политической слабости ислама. Ученые предпочитали писать об отсутствии подлинной легитимности у младотурок с их светской идеологией и об очевидно нерелигиозных причинах объявления джихада. Эксперты также проявляли интерес к упразднению халифата и проблеме отсутствия центра в исламе, обсуждали вопросы глобальной религиозной власти и политического влияния. Некоторые искали новые центры, на роль которых предлагались Каир или Мекка; другие же считали, что халифат вообще не имеет отношения к политическому могуществу ислама. Часто всплывала тема о якобы неразрешимом противоречии между религиозной и национальной идентичностью, причем большинство авторов не верили в такую несовместимость¹⁶⁹. Наконец, все авторы затрагивали политику великих держав по отношению к исламу, соглашаясь с тем, что религиозные чувства мусульман угнетаются Британской, Французской, Нидерландской и Советской империями; подход Италии и Японии к исламу, напротив, считался разумным. Причем, что бы авторы ни писали о самой Германии, в исламе они видели важный для нее политический шанс. Лишь немногие эксперты считали ислам «слабым» и «сонным», а еще меньше было тех, кто видел в нем угрозу¹⁷⁰.

Иностранцы наблюдатели были убеждены в практических последствиях всех этих исследовательских изысканий. Анализируя военные и пропагандистские мероприятия Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке, Роберт Бейкер, британский эксперт по внешней

¹⁶⁸ Аноним, «Zum Mohammedanerproblem in Bosnien und der Herzegowina», *Volkstum im Südosten* 7 (1943), 103–112.

¹⁶⁹ Что любопытно, авторы считали кемалистскую Турцию (и ее светский режим) исключением в исламском мире – или же утверждали, что ислам все еще играет важную роль в стране. Для Линдемана турецкая ситуация была исключительной, см.: Lindemann, «Der Islam im Aufbruch und Angriff», 788. Райхардт дошел даже до того, что заявил, что светской политике кемализма большинство мусульман противостоят как еретической, см.: Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 321–322. Его позицию разделял Шмиц. По мнению последнего, внимательное изучение Турции показывает, что религию нельзя полностью упразднить: Schmitz, *All-Islam!*, 106. Во время войны *Militärwissenschaftliche Rundschau* также объясняло, что кемалистская Турция «все равно» осталась мусульманской, см.: W. Paschasius, «Europa und die islamische Welt», 197.

¹⁷⁰ Наверное, лучшим примером может служить работа Rolf Beckh, *Der Islam und die überstaatlichen Mächte* (Munich, 1937). Ее автор описывает ислам как отсталую, антинационалистическую и «семитскую» религию и сравнивает ее с коммунизмом; однако и Бек признавал факт исламского возрождения.

политике, обращал внимание на влияние «генерала и доктора Карла Рудольфа фон Хаусхофера», последователи которого «постарались применить его геополитические формулы на Ближнем Востоке»¹⁷¹.

Бейкер подробно представил своим англосаксонским читателям отдельные статьи об исламе, опубликованные в *Zeitschrift für Geopolitik*, включая статью Рабля «О халифате», текст Линдемана «Ислам на марше» и материалы ежемесячной рубрики «Индия и Ближний Восток», которую на протяжении многих лет вел сам Хаусхофер¹⁷². Немцы, по его словам, приступили к «очевидному поиску расового или религиозного движения, которое может быть использовано для уничтожения британской власти на Ближнем Востоке»¹⁷³. Исламу же, утверждал Бейкер, суждено сыграть ключевую роль в этом начинании:

Война привела к изменению геополитического отношения к пан-исламу. И снова здесь сыграли свою роль требования нацистской пропаганды – из-за надежды побудить мусульманский мир к джихаду, священной войне против Великобритании и Франции. До войны панислам рассматривался геополитиками лишь как интересная фантазия, которую нельзя было воплотить в жизнь из-за расовых, языковых и идеологических различий, а также потому, что [панисламистское] движение было политически вялым и не имело опоры в виде государства¹⁷⁴.

Труды экспертов, по мнению Бейкера, были непосредственно связаны с усилиями германской политики: «Эти тексты, как и немецкая радиопропаганда на арабском языке, поощряли оспаривание исламом британской „тирании“ <...> Геополитики выкопали эффективный материал, пригодный для обработки арабов и мусульман посредством радиопропаганды доктора Геббельса на арабском и других языках»¹⁷⁵. Тем не менее Бейкер указывал и на то, что конкретных уступок исламу нацисты и их союзники предпочитают не делать: «Все три державы Оси проявили большой интерес к панисламу как к оружию против англичан, но, насколько нам известно, они дают фанатикам лишь туманные обещания»¹⁷⁶. В некотором смысле такая критика немецких экспертов по исламу напоминает обвинения со стороны Снука-Хюргронье, прозвучавшие в годы Первой мировой войны.

О воздействии геополитики, в частности теории «жизненного пространства на востоке», на нацистских стратегов и лично Гитлера хорошо известно¹⁷⁷. Исследования на тему ислама внимательно изучались в берлинских министерствах и ведомствах, в военное время имевших отношение к мусульманскому миру¹⁷⁸. Оказывали ли эти тексты какое-либо влияние, как на том настаивал Бейкер, – трудно сказать. Тем не менее понятия, выраженные в этих академических дискуссиях, были в значительной степени отражены в решениях, принятых нацистским режимом, – когда мусульманский мир попал в поле его внимания.

¹⁷¹ Robert L. Baker, *Oil, Blood and Sand* (New York, 1942), 39. Во Франции также отслеживали политику Германии относительно исламского мира. Наиболее значимая работа: Bernard Vernier, *La politique islamique de l'Allemagne* (Paris, 1939).

¹⁷² Baker, *Oil, Blood and Sand*, 42–44.

¹⁷³ Ibid., 42.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Ibid., 45.

¹⁷⁶ Ibid., 44.

¹⁷⁷ Ebeling, *Geopolitik*; о Хаусхофере и его влиянии на Гитлера см.: Jacobsen, *Karl Haushofer*; и Hipler, *Hitlers Lehrmeister*. Хотя Якобсен аргументированно утверждает, что влияние Хаусхофера не следует преувеличивать, Хиплер доказывает обратное.

¹⁷⁸ О том, какие работы по исламу читали в СС, см.: документы в ВАВ, NS31/29 и NS31/30; в вермахте, см. документы в федеральных военных архивах ФРГ (*Bundesarchiv, Militärarchiv*), Фрайбург (ВА–МА), RH 2/1764; в Министерстве оккупированных восточных территорий, см. документы в ВАВ, R6/510, R6/512 и R6/555.

2

В Берлине пробил «час ислама»

МЕМОРАНДУМ Макса фон Оппенгейма 1940 года, во многом представлявший собой адаптированный вариант его плана 1914 года, не вызвал особой реакции в министерстве иностранных дел¹⁷⁹. Статс-секретарь Теодор Август Хабихт сообщил Оппенгейму, что поднятые им вопросы «уже внимательно рассматриваются в министерстве»¹⁸⁰. На самом же деле до того момента немецкие чиновники проявляли мало интереса к Ближнему Востоку и еще меньше к остальным регионам мусульманского мира. Ни внешнеполитические проекты Гитлера, которые он разработал до 1933 года, ни стратегии 1930-х годов не требовали обращения к исламской проблеме. Планы Гитлера были нацелены на Восточную Европу. За европейскими границами, в том числе на мусульманских территориях, Берлин признавал имперские интересы Италии, Испании и Великобритании – ведь эти страны Гитлер хотел видеть союзниками Германии.

С началом войны и, что более важно, после военных неудач Италии в Северной Африке и на Балканах в начале 1941 года, эта позиция изменилась. Когда в 1940 году немцы столкнулись с мусульманскими частями французской армии, официальные лица вермахта и министерства иностранных дел предприняли первые попытки использовать ислам в пропагандистских целях, но эти усилия были относительно бессистемными и случайными. Только в 1941 году, когда немецкие войска вступили в сражения в Северной Африке, продвигаясь к Ближнему Востоку, берлинские политики начали более системно рассматривать стратегическую роль ислама. Сотрудники Восточного департамента политического отдела министерства иностранных дел первыми стали принимать во внимание религию при разработке политического курса в отношении мусульманских регионов.

Министерство иностранных дел и выработка исламской политики Германии

Летом и осенью 1941 года сотрудники МИДа обсуждали политическое значение мусульманского мира и использование ислама для достижения победы в войне. Об инструментализации ислама в интересах рейха впервые было заявлено дипломатом Эберхардом фон Шторером в меморандуме от 18 ноября 1941 года¹⁸¹. Утверждая, что ход войны скоро повысит значимость мусульманского мира, он предложил разработать «обширную исламскую программу», фиксирующую «общее отношение Третьего рейха к исламу». Шторер рекомендовал создать комитет экспертов-исламоведов для разработки такой программы. Будучи убежденным в том, что национал-социалистическая идеология согласуется со «многими исламскими принципами», дипломат писал: «В исламе фюрер уже занимает видную позицию благодаря своей борьбе с иудаизмом». В конце концов, эта религия «близка национал-социализму» тем, что она отвергает идею «духовенства». Имамы играют «роль учителей и судей, но не священников», – объяснял меморандум. Шторер прекрасно понимал, что предлагаемая им программа сможет опереться на традиционную «политику дружбы с исламом которая проводилась до и во время Первой мировой войны». Соответственно, он выдвинул кандидатуру Вернера Отто фон Хентига (который не только активно подстрекал пуштунов к бунту против англичан в 1915–1917

¹⁷⁹ Оппенгейм, меморандум, 25 июля 1940 г., Берлин, PA, Nachlass Hentig, vol. 84.

¹⁸⁰ Хабихт – Оппенгейму, 27 июля 1940 г., Берлин, PA, Nachlass Hentig, vol. 84.

¹⁸¹ Шторер, записка, 18 ноября 1941 г., Берлин, PA, R29533.

годах, но и руководил Восточной секцией до 1939 года), чтобы тот организовал комитет экспертов. Момент настал, утверждал Шторер. По его словам, после поражения Франции Германия добилась «господствующей позиции» в Северной Африке и завоевала симпатии мусульман региона благодаря тому, что сражается с Великобританией, «угнетателем обширных исламских территорий»¹⁸².

Сам Шторер долгое время находился на дипломатической службе в Каире, а с 1941 года возглавил немецкое посольство в Мадриде. Меморандум он написал, находясь в отпуске в Берлине, где обсуждал этот круг вопросов с друзьями – например, с Пьером Шруммпф-Пьерроном, офицером абвера (военной разведки и контрразведки), который ранее работал в Каире в качестве агента¹⁸³. В мае 1941 года Шруммпф-Пьеррон также направил в министерство иностранных дел меморандум об использовании религии в Северной Африке и на Ближнем Востоке¹⁸⁴. Рейх, полагал агент, должен быть готов перестроить регион и убедить мусульманское население в том, что не отдаст его презренным итальянцам. Чтобы завоевать поддержку мусульман, меморандум рекомендовал при организации немецкой пропаганды и выработке политической линии активнее опираться на исламскую веру. Такой курс был бы особенно полезным на арабских территориях, поскольку «араб-мусульманин» остается «де-факто фанатиком». Шруммпф-Пьеррон также намекал на предполагаемую близость между нацизмом и исламом, на основе которой можно было бы выстроить союз. «Структура ислама, между прочим, имеет много общего с национал-социализмом: наверху авторитет, внизу „демократия“», – утверждал агент. Кроме того, добавлял он, Гитлером восхищаются во всем мусульманском мире. «Он победил Францию и к настоящему времени неявно уже проводит происламскую и антиеврейскую политику в Северной Африке», – писал Шруммпф-Пьеррон. К остальным территориям Ближнего Востока, по его словам, следовало бы относиться точно так же.

Сначала на Вильгельмштрассе¹⁸⁵ не могли прийти к единому мнению о том, что станет лучшей основой для стратегического союза с мусульманским миром – религия или национализм (арабский, туранский, тюркский, берберский или иранский). В конце концов, дипломаты все еще помнили о провальных попытках использовать ислам во время Первой мировой войны. Подобно академическим обсуждениям, дискуссии между дипломатами часто вращались вокруг предполагаемой дихотомии «нации» и «религии». Уже в марте 1941 года глава политического отдела министерства иностранных дел Эрнст Верман отметил в своем меморандуме, посвященном арабскому миру, что «исламская идея („священная война“») в нынешней ситуации кажется «неприменимой»¹⁸⁶. «Арабскость и ислам не пересекаются», – пояснял он. Арабы Северной Африки и Ближнего Востока, которых предстоит сделать союзниками Оси, будут сражаться «не за религиозные, а за политические цели». Однако даже Верман не мог полностью отрицать роль религии. По его словам, «исламский вопрос требует тактичности». Хотя в последовавшие несколько месяцев спор так и не был разрешен, Верман постепенно перестал возражать против пропаганды с опорой на ислам.

В начале 1942 года сотрудники политического отдела собрались вместе, чтобы детально обсудить, следует ли в мусульманском мире помимо «национальной» (например, арабской или индийской) пропаганды распространять еще и «общеисламскую» пропаганду¹⁸⁷. Хотя руководящие принципы, выработанные в ходе этих дебатов, гласили, что следует избегать «обще-

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ О Шруммпф-Пьерроне см.: André-Paul Weber, *Conseiller du grand mufti: L'odyssée du Docteur Pierre Schrumppf-Pierron 1882–1952* (Paris, 2005).

¹⁸⁴ Шруммпф-Пьеррон, меморандум, 12 мая 1941 г., Каир, ВА–МА, RH 2/1765.

¹⁸⁵ Правительственная улица в Берлине, где, помимо других министерств и ведомств Третьего рейха, располагался МИД.–
Прим. пер.

¹⁸⁶ Верман, записка («Aufzeichnung zur arabischen Frage»), 7 марта 1941 года, Берлин, PA, R261123.

¹⁸⁷ Верман, записка, 23 января 1942 г., Берлин, PA, R27501.

исламской пропаганды религиозного толка» и «лозунгов типа „священной войны“», в них подчеркивалось, что религия не должна оставаться неиспользованной. «Желательным представляется взвешенное обращение к исламской идее в пропагандистских посланиях, адресованных арабским странам и мусульманам Советского Союза»¹⁸⁸. Дискуссии по этому вопросу продолжались в течение нескольких месяцев, и опасения постепенно рассеивались. Весной 1942 года Верман доложил своему начальнику, статс-секретарю Эрнсту фон Вайцзеккеру, о том, что «исламский вопрос» теперь «тщательно изучен» в политическом отделе «как с политической, так и с пропагандистской стороны». «Таким образом, религиозные принципы ислама используются активнее, особенно в пропаганде среди мусульман Советского Союза и арабских стран»¹⁸⁹. Только в Индии «исламская пропаганда на данный момент не признается полезной», продолжал Верман, поскольку немецкие официальные лица пытаются избежать выбора одной из сторон в конфликте между мусульманами и индусами¹⁹⁰. Действительно, на практике сотрудники министерства иностранных дел все чаще обращали внимание на ислам, разрабатывая политику в отношении мусульманского мира. Вильгельмштрассе организовала мощную кампанию печатной и радиопропаганды в Северной Африке и на Ближнем Востоке – а через какое-то время и в Индии. Эта кампания опиралась не только на националистическую, но и на религиозную риторику, призывая к союзу между Германией и мусульманами (см. часть II).

Кампанию в основном координировала Восточная секция политического отдела¹⁹¹. Именно она отвечала за Северную Африку, Ближний Восток и Индию, а руководил ею кадровый дипломат Вильгельм Мельхерс, ранее занимавший посты в Аддис-Абебе, Тегеране и Хайфе. Одной из самых заметных фигур Восточной секции был Фриц Гробба, востоковед, который во время Первой мировой войны перевез батальон добровольцев-мусульман, завербованных в лагерях Вюнсдорф и Цоссен, на территорию Османской империи, а затем сам сражался в Палестине. «Хитроумный и элегантный доктор Гробба», как выразился автор журнала *Foreign Affairs*, служил послом Германии в Ираке в межвоенный период, а затем стал отвечать в МИДе за арабские страны (в том числе и за пропаганду)¹⁹². Еще одним сотрудником на этом фронте был престарелый Курт Прюфер, помогавший османам вести разведку в Сирии, Палестине и Египте во время Первой мировой войны¹⁹³. Между летом 1941-го и концом 1942 года министерство иностранных дел запустило отдельную исламскую программу, включавшую работу с религиозными деятелями и учреждение Центрального исламского института в Берлине.

¹⁸⁸ Верман, записка, 11 февраля 1942 г., Берлин, PA, R27501 (также в: PA, R60670).

¹⁸⁹ Верман – Вайцзеккеру, 3 марта 1942 г., Берлин, PA, R30005.

¹⁹⁰ В этих дискуссиях индийские мусульмане считались особым случаем, так как Германия пыталась избежать поддержки мусульманского сепаратизма в этой британской колонии. Основные меморандумы на темы ислама и политики в Британской Индии: Альсдорф (МИД), записка («Die indischen Mohammedaner, der Pakistan-Plan und die deutsche Orientpolitik»), б. д. (1941), Берлин, PA, R27501; Кепплер, записка («Propagandistische Erfassung der indischen Moslems»), 8 марта 1943 г., Берлин, PA, R67660; а также Кепплер, записка («Sprachregelung über das Problem der Moslem-Liga»), 3 апреля 1943 г., Берлин, PA, R60677.

¹⁹¹ О политике германского МИДа в Северной Африке и на Ближнем Востоке см.: Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im Zweiten Weltkrieg*; Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*; и Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg*.

¹⁹² О Гроббе см.: Francis R. Nicosia, «Fritz Grobba and the Middle East Policy of the Third Reich», in Edward Ingram (ed.), *National and International Politics in the Middle East: Essays in Honour of Elie Kedourie* (London, 1986), 206–228; Edgar Flacker, «Fritz Grobba and Nazi Germany's Middle Eastern Policy, 1933–1942» (PhD diss., University of London, 1998); и Wolfgang G. Schwanitz, «The Jinnee and the Magic Bottle: Fritz Grobba and the German Middle Eastern Policy 1900–1945», in Wolfgang G. Schwanitz (ed.), *Germany and the Middle East 1871–1945* (Princeton, NJ, 2004), 86–117; его мемуары: Fritz Grobba, *Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatische Tätigkeit im Orient* (Göttingen, 1967). Цитата из журнала: Albert Viton, «Britain and the Axis in the Near East», *Foreign Affairs* 2 (January 1941), 370–384, 380.

¹⁹³ О Прюфере см.: Paul Kahle, «Curt Prüfer», *Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 111 (1961), 1–3; McKale, *Curt Prüfer*; военные дневники Прюфера (исходная и исправленная версия): Donald M. McKale (ed.), *Rewriting History: The Original and Revised World War II Diaries of Curt Prüfer, Nazi Diplomat* (Kent, OH, 1988).

Самым видным религиозным деятелем из тех, что работали с МИДом, был Амин аль-Хусейни, франтоватый муфтий Иерусалима. Он происходил из аристократического рода, родился на рубеже веков и успел недолгое время поучиться в университете аль-Азхар и школе мусульманского реформатора Рашида Риды, прежде чем поступить на службу офицером в османскую армию в начале Первой мировой войны¹⁹⁴. В подмандатной Палестине аль-Хусейни быстро поднимался по ступеням власти, причем несмотря на то, что у него было много врагов – прежде всего, из влиятельного рода аль-Нашашиби, долгое время соперничавшего с родом аль-Хусейни. В 1921 году британцы назначили его муфтием Иерусалима, наградив специально изобретенным титулом «великий муфтий» (*аль-муфти аль-акбар*). Через год его сделали еще и президентом Верховного мусульманского совета Палестины и Генерального комитета по вакуфам. Однако англичане не предполагали, что аль-Хусейни, яростный антисемит, вскоре станет «мотором» антибританской оппозиции в Палестине и противником еврейской иммиграции¹⁹⁵. Осенью 1937 года муфтия наконец заставили уехать в Ливан, оттуда он попал в Ирак, а затем, после провала прогерманского переворота в этой стране, в Тегеран. Осенью 1941 года, когда союзники оккупировали Иран, аль-Хусейни сбежал через территорию Турции в Италию. 6 ноября 1941 года немецкий самолет доставил его в Берлин¹⁹⁶. 28 ноября, в присутствии Риббентропа, Гроб-бы и двух немецких переводчиков, в новой рейхсканцелярии состоялась встреча аль-Хусейни с Гитлером (фото 2.1)¹⁹⁷. В своих воспоминаниях муфтий, желая показать себя великим государственным деятелем, подробно описывает роскошь церемонии:

Я не думал, что мой прием в знаменитой рейхсканцелярии станет официальным, ожидая лишь личной встречи с фюрером. Но не успел я выйти на широкую площадь перед входом в это величественное здание, как меня поразили звуки военного оркестра и вид почетного караула из двухсот немецких солдат, выстроившихся на площади. Сопровождающие из министерства иностранных дел пригласили меня осмотреть почетный караул, что я и сделал. Затем мы вошли в канцелярию и проследовали через ее длинные колоннады и впечатляющие порталы, пока не добрались до большого зала приемов. Там меня приветствовал глава протокольной службы, через некоторое время прошедший вместе со мной в кабинет фюрера. Гитлер тепло поприветствовал меня. У него было веселое лицо, выразительные глаза и радостный вид¹⁹⁸.

¹⁹⁴ Ian Pappé, *The Rise and Fall of a Palestinian Dynasty: The Husaynis 1700–1948* (London, 2010).

¹⁹⁵ Uri M. Kupferschmidt, *The Supreme Muslim Council: Islam under the British Mandate for Palestine* (Leiden, 1987), особенно 19–28.

¹⁹⁶ О пребывании Амина аль-Хусейни в Берлине см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*; сборник документов о действиях муфтия в Германии: Gerhard Höpp (ed.), *Mufti-Papiere: Briefe, Memoranden, Reden und Aufrufe Amin al-Husainis aus dem Exil, 1940–1945* (Berlin, 2002). Обзор историографии можно найти в: Höpp, «Der Gefangene im Dreieck».

¹⁹⁷ О встрече Гитлера с аль-Хусейни см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 122–124; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 110–116; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 66–69. «Немецкое еженедельное обозрение» (пропагандистский киножурнал) показало прием, и, по данным СС, эта хроника была воспринята немцами «с большим интересом». См.: Heinz Boberach (ed.), *Meldungen aus dem Reich, 1938–1945: Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS*, vol. 9 (Berlin, 1984), 3101–3119 (18 декабря 1941 г.), 3106.

¹⁹⁸ *Музакират аль-Хаджс Мухаммад Амин аль-Хусейни* («Воспоминания Хадж Мухаммада Амина аль-Хусейни»), под ред. Абдалькарима аль-Умара (Дамаск, 1999), 108. Воспоминания частично опираются на дневник аль-Хусейни и ярко отражают страстное желание муфтия показать себя великим государственным деятелем.

ФОТО 2.1. Амин аль-Хусейни и Гитлер в новой рейхсканцелярии.

Берлин, 28 ноября 1941 года (источник: Федеральный архив Германии в Кобленце, изображение 146–1987–004–09А, Hoffmann)

Беседа муфтия и фюрера ограничилась обменом любезностями и выражением уверенности в том, что они сражаются с одними и теми же врагами – англичанами, евреями и большевиками¹⁹⁹. Когда аль-Хусейни попросил Гитлера дать письменные гарантии независимости арабских территорий и особенно Палестины, диктатор уклонился от этой проблемы. После повторной просьбы аль-Хусейни Гитлер ответил ему, что на нынешней стадии боевых действий решать такие вопросы было бы преждевременно, но заверил муфтия в своей готовности вести «бескомпромиссную борьбу с евреями», в том числе и проживающими на арабских землях. Еще в одной просьбе о встрече с Гитлером (в 1943 году) аль-Хусейни было отказано²⁰⁰.

Муфтий поселился в Берлине и несколько лет пытался влиять на политику Германии в отношении мусульманского мира. Вскоре он получил печальную известность из-за своих интриг против соперников, прежде всего против бывшего премьер-министра Ирака Рашида

¹⁹⁹ Пауль Шмидт, официальный переводчик Гроббы и Гитлера, написал для министерства иностранных дел ряд отчетов о встрече, где подробно рассказал о содержании разговора. См.: Шмидт, записка «Aufzeichnung über die Unterredung zwischen dem Führer und dem Grossmufti von Jerusalem in Anwesenheit des Reichsaussenministers u. des Gesandten Grobba in Berlin am 28. November 1941», 30 ноября 1941 г., Берлин, PA, R35475; Grobba, записка «Empfang des Großmufti durch den Führer», 1 декабря 1941 г., Берлин, PA, R261123. Еще один рассказ о встрече, якобы опирающийся на послевоенные воспоминания Йоханнеса Эпплера, который также переводил на приеме, см. в: Leonard Mosley, *The Cat and the Mice* (London, 1958), 26–29. Заявления Мосли о скованности Гитлера при встрече с аль-Хусейни (фюрер якобы даже отказался обменяться с муфтием рукопожатием) однозначно опровергаются в мемуарах Эпплера, см.: John Eppler, *Operation Condor: Rommel's Spy* (London, 1977), 193–197 (о Мосли – р. 241–243); в немецкое издание мемуаров рассказ об этой встрече не вошел: John W. Eppler, «Rommel ruft Kairo»: *Aus dem Tagebuch eines Spions* (Gütersloh, 1959); John W. Eppler, *Geheimagent im Zweiten Weltkrieg: Zwischen Berlin, Kabul und Kairo* (Preußisch Oldendorf, 1974).

²⁰⁰ Эгтель (МИД), записка, 16 апреля 1943 г., Берлин, PA, R27322.

Али аль-Гайлани, который также перебрался в Берлин после поражения стран Оси в Ираке²⁰¹. Гроб-ба, отвечавший за арабских коллаборационистов, поддерживал аль-Гайлани. Чтобы положить конец конфликту, курировать аль-Хусейни в итоге было поручено дипломату и бригаденфюреру СС Эрвину Эттелю, бывшему послу в Тегеране²⁰². В последующие месяцы Эттель и муфтий (при поддержке Прюфера) успешно интриговали против Гроббы и аль-Гайлани. В конце 1942 года Гроббу заставили уйти из МИДа, а иракский политик потерял свое влияние.

Деятельность аль-Хусейни в Берлине широко освещена в научной литературе, прежде всего в биографиях, написанных Иосифом Шехтманом, Клаусом Генсике и Дженни Лебель²⁰³. Тем не менее биографические работы, как правило, переоценивают влияние муфтия в Германии. На самом деле оно было крайне ограниченным. Его план добиться конкретных уступок и обеспечить гарантии независимости арабам и палестинцам – главная задача! – реализован не был²⁰⁴. Его предложения были успешными лишь в той мере, в какой они совпадали с интересами рейха. Самым ярким примером можно назвать его попытки помешать выезду евреев из стран-сателлитов Германии в Юго-Восточной Европе в Палестину²⁰⁵. Вместо того чтобы сделать муфтия в центр повествования, более разумным представляется рассматривать его лишь в качестве одного из элементов общей политики Германии, направленной на исламский мир. Немецкие чиновники использовали аль-Хусейни как пропагандистскую фигуру, когда обстоятельства того требовали. В конце концов, его услуги хорошо оплачивались. Муфтий получал ежемесячное жалованье не менее 90 тысяч рейхсмарок. Кроме того, ему и его свите было предоставлено несколько резиденций²⁰⁶.

Министерство иностранных дел использовало муфтия в основном для ведения пропаганды в арабском и мусульманском мире. Хотя аль-Хусейни изначально позиционировал себя как арабский националист, а не как исламский лидер, Берлин все больше интересовался его ролью религиозного деятеля²⁰⁷. В октябре 1942 года, накануне своего увольнения, Гробба отметил, что муфтий «до сих пор пользовался особым доверием немецких политиков и военных из-за религиозных одеяний, которые он носил»²⁰⁸. В то же время Эттель заверял Риббентропа, что муфтия можно привлекать к немецкой пропаганде не только в Северной Африке и на Ближнем Востоке, «но и за пределами этих регионов, среди всех исламских народов, вплоть до Индо-

²⁰¹ Этот конфликт подробно задокументирован, о чем свидетельствуют архивы министерства иностранных дел: PA, R27322–27328. О соперничестве аль-Хусейни и аль-Гайлани см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, passim; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*. После войны Вильгельм Мельхерс дал неплохой отчет о конфликте: Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса, («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, Archives of the Center for Advanced Holocaust Studies, Washington, DC (USHMA), RG 71, Box 248.

²⁰² Об Эттеле см.: Frank Bajohr, “‘Im übrigen handle ich so, wie mein Gewissen es mir als Nationalsozialist vorschreibt’: Erwin Ettl – vom SS-Brigadeführer zum außenpolitischen Redakteur der ZEIT, in Jürgen Matthäus and Klaus-Michael Mallmann (eds.), *Deutsche, Juden, Völkermord: Der Holocaust als Geschichte und Gegenwart* (Darmstadt, 2006), 241–255.

²⁰³ Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*; и Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*.

²⁰⁴ Общий обзор можно найти в трех книгах, указанных выше, а также в: Gerhard Höpp, «„Nicht ‘Alī zuliebe, sondern aus Hass gegen Mu‘āwīya“: Zum Ringen um die „Arabien-Erklärung“ der Achsenmächte 1940–1942», *Asien, Afrika, Lateinamerika* 27 (1999), 569–587.

²⁰⁵ Об этих его действиях см.: Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews* (London, 1961), 504–505; Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 154–159; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 246–255; и Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 117–129.

²⁰⁶ О жалованье аль-Хусейни см.: Schechtman, *The Mufti and the Fuehrer*, 142–144; Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 136–138; Gensicke, *The Mufti of Jerusalem and the Nazis*, 161–167.

²⁰⁷ Попытки муфтия представить себя арабским националистом сразу после прибытия в Берлин, в 1941–1942 гг., прослеживаются по всем его письмам в МИД. См. документы в: PA, R27322–27328. В июне 1942 г. он даже заявил Эттелю, что получил плохое богословское образование и было ошибкой воспринимать его просто как религиозного деятеля. Хотя там же муфтий подчеркнул, что в норме мусульмане не разделяют политику и религию. См.: Эттель, записка, 26 июня 1942 г., Берлин, PA, R27324.

²⁰⁸ Гробба – Верману, 19 октября 1942 г., Берлин, PA, R27322.

незийского архипелага»²⁰⁹. Такая позиция, конечно же, чрезвычайно переоценивала реальный религиозный и политический авторитет аль-Хусейни.

Среди менее известных, хотя и столь же интересных, мусульманских деятелей, работавших в министерстве иностранных дел, можно назвать имама Алимджана Идриса²¹⁰. Он работал в лагерях военнопленных-мусульман в Вюнсдорфе и Цоссене во время Первой мировой войны, а затем прусское военное министерство до 1921 года держало его для присмотра за бывшими мусульманскими заключенными. Через год Идриса направили в Советский Союз с тем, чтобы он агитировал студентов из Центральной Азии учиться в Германии – но вскоре его арестовали мнительные советские спецслужбы. Спустя несколько месяцев он был освобожден с помощью немцев и вернулся в Берлин. В 1933 году Восточная секция политического отдела министерства иностранных дел наняла Идриса в качестве советника. У него, кажется, не было особых идеологических возражений против работы на нацистский режим.

В 1933 году «Аль-Манар», панисламистский журнал Рашида Риды, опубликовал письмо Идриса, в котором имам поносил евреев как продажный, презренный и отвратительный народ, а также спрашивал мнения Риды о противоречивых аятах Корана, посвященных евреям²¹¹. После начала войны в 1939 году Идрис работал в Восточной секции отдела радиопропаганды на иностранных территориях, которым руководили одновременно министерство иностранных дел и геббельсовское министерство пропаганды. Идрис участвовал в работе секции до конца войны, сначала на арабоязычных программах, а потом в вещании на тюркских языках. Вермахт и СС также заинтересовались его услугами (об этом см. ниже). Идрис, родившийся в Средней Азии, говорил на нескольких тюркских языках, в том числе на турецком, узбекском и киргизском, а также на русском, персидском, арабском, французском и немецком. Министерство иностранных дел даже поручило ему подготовить персидский перевод «Майн кампф». Для обеспечения своей пропагандистской работы министерство иностранных дел использовало и других мусульманских добровольцев. Среди них можно упомянуть арабов Абдальхалима аль-Наггара и Мухаммеда Сафти, которые также руководили «исламским» учреждением МИДа – Центральным исламским институтом, который стал центром немецкой пропаганды среди мусульман.

Центральный исламский институт был торжественно открыт 18 декабря 1942 года в здании церемоний люфтваффе (*Haus der Flieger*), по адресу Принц-Альбрехтштрассе, 5, в самом сердце Берлина²¹². Дата была выбрана в соответствии с религиозным календарем: мусульманский мир праздновал Курбан-байрам. Было приглашено 200 гостей²¹³. Опираясь на религиозный контекст, немцы использовали торжественное открытие для продвижения своей политической программы и пропаганды дружбы с исламом. Инаугурационную речь произнес аль-Хусейни, облекший свое политическое послание в оболочку религиозной риторики: «Во имя Аллаха Всевышнего я открываю этот исламский институт», – начал он, после чего последовало богословское, хотя и весьма политизированное, размышление о значении Курбан-байрама,

²⁰⁹ Эттель – Риббентропу, 22 сентября 1942 г., Берлин, ПА, R27324.

²¹⁰ Идрис, биография, б. д. (после 1933 г.), б. м. (Берлин), ПА, R60740.

²¹¹ Аноним (Rashid Rida), «Fatawa al-Manar», *Al-Manar* 33 (5 September 1933), 347–351. Тут же на с. 347 приведено письмо Алимджана Идриса. Этот выпуск «аль-Манар» хранится в библиотеке Британского музея.

²¹² Об истории института в перспективе исследований мусульман Германии см.: Gerhard Höpp, «Muslime unterm Hakenkreuz: Zur Entstehung des Islamischen Zentralinstituts zu Berlin e. V.», *Moslemische Revue* 1 (1994), 16–27; Bernd Bauknecht, *Muslime in Deutschland von 1920 bis 1945* (Cologne, 2001), 107–117. Официальные документы, посвященные институту, можно найти в Берлинском государственном архиве (*Landesarchiv Berlin*), Берлин (LArchB), A Pr. Br. Rep 030–04 (*Polizeipräsidentium Berlin, Vereine*), no. 2314 (*Islam-Institut, 1939–1940*); LArchB, A Pr.Br.Rep. 030–04 (*Polizeipräsidentium Berlin, Vereine*), no. 2840 (*Islamisches Zentral-Institut zu Berlin, 1942–1945*); о церемонии открытия института в 1942 году см.: ПА, R27322, R27324, R27327, и R60601.

²¹³ Прюфер – Верману, 13 декабря 1942 г., Берлин, ПА, R27327.

«праздника жертвоприношения»²¹⁴. Этот день, утверждал аль-Хусейни, «однозначно говорит о долге самопожертвования и высочайшей верности». Затем муфтий призвал мусульман принять необходимость жертвования собой ради победы, а также поразмышлял о значении войны для мусульман. «Эта война, развязанная мировым еврейством, предлагает мусульманам наилучшую возможность освободиться от преследований и угнетения, если, конечно, они воспользуются этим шансом должным образом», – заявил муфтий. «Новой такой возможности не представится еще очень долго». Большая часть речи состояла из насыщенных религиозной риторикой потоков ненависти, направленных на предполагаемых общих врагов Германии и ислама:

Среди злейших врагов мусульман, которые с древних времен выказывали им недоброжелательность и повсеместно проявляли по отношению к ним вероломство и хитрость, первыми идут евреи и их приспешники... Священный Коран и история жизни Пророка полны свидетельств еврейской бесхарактерности, их злонамеренного, лживого и предательского поведения. Этого вполне достаточно, чтобы предупредить мусульман о постоянной угрозе с их стороны, которая сохранится до конца времен. Какими евреями были при жизни великого Пророка, такими они и остались на протяжении веков: коварными и полными ненависти к мусульманам, проявляющими эти чувства всегда, когда у них появляется такая возможность.

Американцы и англичане вторглись в мусульманские земли в Северной Африке, метал громы и молнии аль-Хусейни. В частности, Англия «не довольствуется тем, что прибрала к рукам мусульман Индии»: «Подавляя Египет, Палестину и другие страны, она сделала преследование мусульман еще более повсеместным и принесла ужасы войны во многие исламские страны» – например, оккупировав Ирак, Иран и Сирию. На Балканах англичане снабжают деньгами и оружием коммунистов, чтобы те могли «мучить мусульманских мужчин, женщин и детей в Боснии». Аль-Хусейни также затронул тему ислама в Советском Союзе: «Кроме евреев, американцев и англичан, есть еще и большевики, также одержимые непримиримой враждой к исламу. Они угнетают и преследуют 40 миллионов мусульман в своей империи. Они уничтожают их религиозные и национальные учреждения, попирают их свободы и права, силой ликвидируют их общественные институты и благотворительные организации». Наконец, муфтий призвал к глобальному мусульманскому сопротивлению, сделав это в форме религиозного предписания: «Мусульманин, который боится кого-то еще, кроме Аллаха, или уступает своим врагам и добровольно отдает свою судьбу в их руки, – больше не мусульманин». Всё мероприятие в ручном режиме контролировалось министерством иностранных дел²¹⁵. Речь была одобрена лично Риббентропом. Ее передавали по радио на Северную Африку и Ближний Восток. В Германии этому событию также уделялось значительное внимание. Партийный орган *Völkischer Beobachter* опубликовал статью под названием «Эта война может принести свободу исламу!» и напечатал большой репортаж о праздновании Курбан-байрама, исламском идеале самопожертвования, речи муфтия и открытии института²¹⁶. Аналогичным образом *Deutsche Allgemeine Zeitung* опубликовала статью об «освободительной борьбе ислама»²¹⁷. Одна из бер-

²¹⁴ Аль-Хусейни, речь, 18 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

²¹⁵ Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327, об одобрении речи Риббентропом и об организации радиотрансляции см.: Прюфер, записка, 10 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327; Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327; и Эттель, записка, 16 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

²¹⁶ Аноним, «Dieser Krieg kann dem Islam die Freiheit bringen!», *Völkischer Beobachter* (19 December 1942); двумя месяцами ранее в газете уже выходил аналогичный материал по исламской тематике, см.: Н. Höpf'l, «Der Islam in der Prüfung», *Völkischer Beobachter* (6 October 1942).

²¹⁷ Аноним, «Der Großmufti über den Befreiungskampf des Islams: Eröffnung eines Islamischen Kulturinstitutes in Berlin», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (19 December 1942). На следующий день газета напечатала фотографию мероприятия, см.: Аноним,

линских газет дала репортаж под названием «Представитель 400 миллионов верующих обличает», а другая напечатала фотографии аль-Хусейни, «произносящего обвинительную речь против угнетателей ислама»²¹⁸.

На самом же деле вновь открытый институт был основан еще в 1927 году под именем Исламского института, а создали его активисты мусульманской общины Берлина²¹⁹. Мусульманское меньшинство столицы на протяжении межвоенного периода росло, а его жизнь вращалась вокруг мечети в районе Вильмерсдорф, открытой в 1928 году, и некоторых других организаций²²⁰. В сентябре 1941 года после нескольких лет бездействия члены общины под руководством суданского журналиста Камаледдина Галаля, учившегося в аль-Азхаре, предприняли попытку заново открыть институт – и нашли поддержку в министерстве иностранных дел. Институт был восстановлен летом 1942 года. Хотя официально им руководили члены мусульманской общины Берлина, фактически учреждение контролировалось режимом. Церемония инаугурации, организованная под эгидой министерства иностранных дел, была чисто политическим мероприятием и дала четкое представление о реальной вовлеченности нацистского государства в мусульманские дела. Кураторами этого проекта в министерстве иностранных дел выступали Вильгельм Мельхерс и Курт Прюфер²²¹. Финансами института также занимались на Вильгельмштрассе²²².

Мусульмане, которые официально руководили институтом, тоже были тесно связаны с министерством иностранных дел. Помимо генерального секретаря Галаля, и председатель Абдельхалим аль-Наггар (позднее его заменил Хасан Абу аль-Сууд), и директор Мухаммед Сафти работали в отделе радиопропаганды министерства иностранных дел. Чтобы подчеркнуть панисламский характер учреждения, МИД также включил в состав руководящего совета института сирийцев, палестинцев, турок и афганцев²²³. Располагался институт на Клопштокштрассе (район Целендорф), в помещении, предоставленном СС²²⁴.

Другие государственные структуры и расширение «исламской политики» Германии

По мере того как война продолжалась, а немецкие армии входили в мусульманские районы Балкан и Советского Союза, включая Крым и Кавказ, другие структуры рейха тоже начали вырабатывать собственную политику в отношении ислама, опираясь, впрочем, на уже созданные учреждения и структуры.

Министерство иностранных дел, которое с началом войны все чаще оказывалось на второстепенных ролях, почти не влияло на мусульманские регионы советского востока и Балкан,

«Der Großmufti von Jerusalem sprach in Berlin», *Deutsche Allgemeine Zeitung* (20 December 1942).

²¹⁸ Аноним, «Der Sprecher von 400 Millionen klagt an», *Das 12 Uhr Blatt: Neue Berliner Zeitung* (19 December 1942); фотографии: аноним, «Der Großmufti sprach», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe* (19 December 1942); аноним, «Islamische Freiwillige beim Großmufti», *Berliner Illustrierte Nachtausgabe* (19 December 1942).

²¹⁹ О возрождении института см. литературу в прим. 34; краткий обзор см. в: Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327; Эттель, записка, 16 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

²²⁰ О мусульманской диаспоре в межвоенной Германии и берлинской мечети см.: Gerhard Höpp, «Zwischen Moschee und Demonstration: Muslime in Berlin, 1920–1930», *Moslemische Revue* 3 (1990), 135–146; 4 (1990), 230–238; и 1 (1991), 13–19; Gerhard Höpp, «Die Wünsdorfer Moschee»: Britta Richter, «Islam im Deutschland der Zwischenkriegsjahre», *Zeitschrift für Türkeistudien* 2 (1996), 257–266; Bauknecht, *Muslime in Deutschland von 1920 bis 1945*.

²²¹ Мельхерс – Верману, 16 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327; Тишмар – Эттелю, 17 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

²²² Курт Мунцель, руководитель ближневосточной секции радиополитического отдела МИДа, отвечал за всю бухгалтерию института, см.: «Protokoll der neuen Gründungsversammlung des Islamischen Zentral-Instituts», октябрь 1942 г., Берлин, LArchB, A Pr. Br. Rep. 030–04, no. 2840.

²²³ Эттель, записка, 11 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

²²⁴ Эттель, записка, 26 февраля 1943 г., Берлин, PA, R27322.

но оставалось ведущим учреждением, отвечающим за Северную Африку и Ближний Восток. В этих регионах МИД занимался пропагандой до самого конца войны. Благодаря своим давним контактам с миром ислама ведомство с Вильгельмштрассе задавало общий тон политики, включавшей среди прочего и использование мусульманских религиозных и политических деятелей, подобных аль-Хусейни или Идрису.

Попытки министерства иностранных дел воздействовать на ход событий на оккупированных территориях Польши и СССР провалились. Фридрих Вернер граф фон дер Шуленбург, глава «Русского комитета» МИДа, был почти лишен рычагов влияния²²⁵. Сотрудником комитета, ответственным за мусульманские районы Советского Союза, выступал Вернер Отто фон Хентиг, которому помогал Алимджан Идрис²²⁶. Позанимавшись в первые годы войны различными вопросами, касающимися Ближнего Востока, Хентиг позже возглавил работу с турками-мусульманами Советского Союза, а с осени 1941-го и до лета 1942 года также служил представителем министерства иностранных дел в Крыму. Хентиг выступал за формирование мусульманского блока против Москвы. В конце 1941 года он подготовил подробный план политической мобилизации мусульман в Советском Союзе, предложив распространять пропаганду через радиопередачи, брошюры и эмиссаров²²⁷. Будучи убежденным в силе панисламской солидарности, Хентиг часто говорил об «эффекте разрастания»: политика в отношении мусульман на восточных территориях, по его мнению, должна была повлиять на весь исламский мир. Наконец, дипломат связывал споры о мусульманах СССР с более общей политикой Германии в отношении ислама²²⁸. «Отношение к ним нельзя отделить от отношения ко всем остальным мусульманским народам», для выражения которого Германия выработала «четкие лозунги», — писал Хентиг в своем меморандуме в начале 1942 года²²⁹. Однако в целом, как уже говорилось, этот дипломат и его коллеги с Вильгельмштрассе мало влияли на политику на Восточном фронте. Ненужными оказались и общие политические схемы будущего нового порядка на Востоке, обсуждавшиеся в министерстве иностранных дел. Так, некоторые сподвижники Шуленбурга выступали за независимость Крыма, а на Кавказе, по их мнению, следовало образовать группу марионеточных государств, с которыми министерство иностранных дел могло бы наладить дипломатические отношения. Шуленбург даже провел в отеле «Адлон» дорогостоящую конференцию с участием примерно четырех десятков кавказских политэмигрантов, чтобы обсудить послевоенное устройство Кавказа и Закавказья. В министерстве оккупированных восточных территорий, возглавляемом Альфредом Розенбергом, к подобным инициативам МИДа относились с нескрываемым подозрением. В конце концов, летом 1942 года Розенберг убедил Гитлера официально заявить о том, что Вильгельмштрассе не обладает полномочиями работать на оккупированной территории СССР²³⁰.

Впрочем, министерство Розенберга и само не имело ощутимых рычагов влияния на мусульманские районы Восточного фронта, включая Крым и Кавказ²³¹. В рамках этого органа соперничали несколько группировок, имевших разное представление о роли этих районов в

²²⁵ О политике МИДа на Кавказе и в Крыму см.: Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies* (London, 1957), 235–240, 272, 257–259; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 68–81.

²²⁶ О Хентиге и особенно о его действиях в Крыму см.: «Nachrichten aus dem Zweiten Krimkrieg»: Werner Otto v. Hentig als Vertreter des Auswärtigen Amtes bei der 11. Armee», in Wolfgang Elz and Sönke Neitzel (eds.), *Internationale Beziehungen im 19. und 20. Jahrhundert: Festschrift für Winfried Baumgart zum 65. Geburtstag* (Paderborn, 2003), 361–387; его мемуары: Werner Otto von Hentig, *Mein Leben: Eine Dienstreise* (Göttingen, 1962).

²²⁷ Хентиг, записка («Turanismus»), б. д. (ноябрь 1941 г.), Берлин, PA, R28876 (также в: PA, R261179).

²²⁸ Хентиг, записка («Stand der sog. Turanischen Frage»), 25 февраля 1942 г., Берлин, PA, R60690 (также в: PA, R261175).

²²⁹ Ibid.

²³⁰ О конфликте между МИДом и министерством оккупированных восточных территорий см. литературу в прим. 47.

²³¹ О политике министерства оккупированных восточных территорий в отношении Кавказа и Крыма, а также национальных комитетов см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 228–231, 235–240, 253–257, 264–270; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 68–138.

будущем немецком порядке. Первоначальные планы предполагали германизацию всего Крыма и создание на Кавказе отдельного рейхкомиссариата. По мере ухудшения военного положения рейха другая группа предложила обратиться за поддержкой к нерусским этническим меньшинствам, побуждая их развалить Советский Союз. Среди подобных меньшинств видное место отводилось крымским татарам и народам Кавказа, хотя сам Розенберг выступал за «кавказский блок», возглавляемый Грузией, а не мусульманами. Реализуя эту задачу, министерство оккупированных восточных территорий собрало группу нерусских эмигрантов из Советского Союза и основало с их помощью «национальные комитеты». Главной движущей силой этой политики был Герхард фон Менде, который летом 1941 года оставил научное поприще и перешел на работу в политический отдел министерства Розенберга, где его сферой ответственности стал Кавказ. Менде беспокоило то, что апелляция к универсалистским идеям пантюркизма и панисламизма противоречит стратегии демонтажа Советского Союза на небольшие и легко контролируемые фрагменты. Исламскую солидарность необходимо сдерживать, предупреждал Менде. «Исламский мир – единое целое. Действия немцев по отношению к мусульманам восточных территорий не должны были наносить ущерб восприятию Германии прочими исламскими народами», – пояснял Менде одному историку после войны²³². Другие группировки в министерстве более спокойно относились к утилитарному использованию ислама. В меморандуме политического отдела, подготовленном осенью 1941 года, подчеркивалось значение ислама для войны и утверждалось, что статус «защитника ислама» обещает Третьему рейху «большие политические успехи»²³³. В конечном счете министерство оккупированных восточных территорий не выработало никакой специальной линии в отношении ислама. Ислам принимали во внимание только в рамках общих схем религиозной политики министерства, которая рассматривала религию как один из аспектов национальной культуры и поддерживала ее лишь в плане «раскалывания» территории противника на национальные сегменты. Все эти схемы, подобно планам МИДа, не нашли применения в мусульманских регионах восточных территорий; их использовали лишь в отношении татарского меньшинства в Прибалтике (рейхскомиссариат Остланд) (см. часть II). Крым же, как и Кавказ, на период оккупации был подчинен военным.

Именно вермахт направлял политику рейха в мусульманских районах Восточного фронта²³⁴. Армия уделяла мусульманам много внимания. Спустя пять месяцев после вторжения в СССР, в ноябре 1941 года, в докладе вермахта «Распространение ислама среди военнопленных» оценивалась степень религиозности красноармейцев-мусульман, оказавшихся в немецком плену. На основе этих данных делались выводы о роли ислама в Советском Союзе в целом²³⁵. Отмечая, что политика Москвы оттолкнула некоторых мусульман от их веры, авторы доклада тем не менее утверждали, что в сельских частях страны сохранились сильные религиозные настроения, питаемые «типичным для ислама фанатизмом». Ислам, заключали авторы доклада, – слабое место Советского Союза. «Следовательно, задача рейха состоит в том, чтобы поддержать любые усилия по укреплению ислама». Такая политика представит Германию «защитником мусульманства»²³⁶. В целом же «возрождение ислама» будет иметь пози-

²³² Менде – Даллину, 19 ноября 1953 г., б. м., цит. по: Dallin, *German Rule in Russia*, 267.

²³³ Бройтигам, записка («Politische Richtlinien hinsichtlich Turkestan»), 25 ноября 1941 г., Берлин, ВАВ, R6/247.

²³⁴ О политике вермахта в Крыму и на Кавказе см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 238–249 and 259–264; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 57–68, 183–195.

²³⁵ Швайцер (вермахт), записка («Verbreitung des Islams unter den Kriegsgefangenen»), 18 ноября 1941 г., Берлин, United States National Archives, Maryland (USNA), RG 242, T454, Roll 92. После нападения на СССР армия достаточно быстро столкнулась с тем, что военнопленные-мусульмане предложили сражаться плечом к плечу с немцами против атеистов-большевиков. См., например, письмо узбекских военнопленных Гитлеру (которое подписали 40 человек), б. д. (1941), б. м. (перевод на немецкий с узбекского, 7 сентября 1941 г., Вена), PA, R29900. Авторы письма от лица миллионов мусульман благодарили Гитлера за их освобождение и уверяли его, что Москве не удалось уничтожить ислам и религию.

²³⁶ Швайцер, записка («Verbreitung des Islams unter den Kriegsgefangenen»), 18 ноября 1941 г., Берлин, USNA, RG 242,

тивный политический эффект. Аналогичные суждения через несколько месяцев, в мае 1942 года, вынесла и военная разведка вермахта, подготовившая меморандум «СССР и ислам»²³⁷. В этом документе утверждалось, что «в Советской России коммунистическая пропаганда не смогла ослабить ислам». Соответственно, мусульманские религиозные чувства и тесно связанный с ними племенной национализм необходимо «эксплуатировать». В материале был представлен подробный анализ советской политики в отношении ислама после Октябрьской революции, причем как на собственных мусульманских территориях СССР, так и в остальном мире. Мусульмане оказались оплотом противодействия коммунизму, потому что «магометанская религия полностью противоположна философскому мировоззрению большевизма» с его атеистическими догмами²³⁸. В течение 1942 года, когда армия из всех сил пыталась укрепиться в Крыму, а немецкие войска вышли на Кавказ, идея использования ислама против Москвы обрела все большую популярность среди высших чинов вермахта. В прифронтовых мусульманских районах, как кавказских, так и крымских, оккупационная администрация вела активную политику религиозных уступок и религиозной пропаганды – чтобы привлечь местных коллаборационистов и умиротворить эти территории. На всем мусульманском пограничье юга СССР командование вермахта продвигало образ Третьего рейха как освободителя правоверных от большевистского ига (см. часть II).

Более того, вермахт приступил к вербовке тысяч мусульманских военнопленных в так называемые восточные легионы (*Ostlegionen*). Создание этих подразделений было одобрено лично Гитлером. Руководили процессом саксонский ветеран войны Ральф фон Хайгендорф и востоковед Оскар Риттер фон Нидермайер (соперничавший с Хентигом со времен джихада Первой мировой)²³⁹. В межвоенный период Нидермайер сначала работал военным атташе в немецком посольстве в Москве, а позже преподавал военные науки в Берлине. Став видным экспертом по вопросам Советского Союза, ислама и геополитики, он в 1941 году вернулся на службу в вермахт. Учитывая столь богатый опыт, командование посчитало его особенно пригодным для работы с советскими мусульманами, переходящими в немецкую армию²⁴⁰. Кроме того, Алимджан Идрис, числясь на службе в МИДе, теперь также регулярно привлекался военными к сотрудничеству (муфтием руководство вермахта интересовалось меньше)²⁴¹. В некоторых ситуациях, касающихся набора добровольцев и пропаганды в их подразделениях, армейское командование взаимодействовало с министерством оккупированных восточных территорий. Солдатам были созданы все условия для удовлетворения религиозных потребностей; кроме того, была запущена масштабная пропагандистская кампания, призванная политически повлиять на новобранцев-мусульман (см. часть III).

Наконец, с начала 1943 года мусульманскими делами заинтересовались СС. Их участие в исламской политике началось на Балканах, где немцы в тот период стали действовать более активно. Затем ээсовцы обратили внимание и на мусульман Советского Союза. В итоге именно СС больше, чем другие структуры рейха, пытались использовать ислам для победы в войне. Руководствуясь концепцией воинственной природы ислама, высшие должностные лица СС – прежде всего Генрих Гиммлер, начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер, его начальник внешней разведки Вальтер Шелленберг, а также генерал

T454, Roll 92.

²³⁷ Вермахт, записка («UdSSR und Islam»), 15 мая 1942 г., Берлин, BA-MA, RH 2/1764.

²³⁸ Там же.

²³⁹ О Нидермайере см.: Franz W. Seidler, «Oskar Ritter von Niedermayer im Zweiten Weltkrieg: Ein Beitrag zur Geschichte der Ostlegionen», *Wehrwissenschaftliche Rundschau* 20, 3 (1970), 168–174 и 20, 4 (1970), 193–208; Seidt, *Berlin, Kabul, Moskau*.

²⁴⁰ После начала войны Нидермайер обратился в МИД и предложил свои услуги по организации восстаний в арабском мире и в Индии против британцев, ссылаясь на свой опыт времен Первой мировой. См.: Нидермайер, отчет («Politik und Kriegsführung im Vorderen Orient: Eine wehrpolitisch-strategische Studie»), 3 ноября 1939 г., Берлин, PA, R261179.

²⁴¹ Гробба – Верману, 19 октября 1942 г., Берлин, PA, R27322. Здесь подчеркивается, что «ОКВ (Верховное командование вермахта) протестовало против кандидатуры аль-Хусейни, считая его ненадежным человеком».

и руководитель Главного управления, отвечавшего за формирование и организацию войск СС, надменный шваб Готтлоб Бергер – были убеждены в преимуществах, которые можно извлечь из эксплуатации мусульманской веры.²⁴² Однако вовлеченность СС неизбежно приводила к конфликтам с другими структурами рейха: на Балканах – с министерством иностранных дел, на Восточном фронте – с министерством оккупированных восточных территорий.

На Балканах СС проводили радикально промусульманскую политику, а также запустили пропагандистскую кампанию, встретившую сопротивление со стороны министерства иностранных дел (см. часть II)²⁴³. Тогда же Главное управление СС (структура Бергера) начало формировать мусульманские подразделения, привлекая новобранцев из Боснии, Герцеговины и Албании. Эти отряды имели ярко выраженный религиозный характер (см. часть III).

С конца 1943 года СС распространили эту линию и на мусульман Советского Союза²⁴⁴. Главное управление теперь пыталось использовать ислам и идеологию туранизма (пантюркизма) для того, чтобы поднять мусульманских подданных Сталина против коммунистического режима. Краеугольным камнем этой кампании стали новые подразделения мусульман СССР, включенные в состав СС. За воплощение этого проекта отвечал гауптштурмфюрер Райнер Ольша, подчинявшийся штандартенфюреру Эриху Шпарману, руководителю отдела комплектования (секция добровольцев) управленческой группы D Главного управления СС²⁴⁵. Ольша, тридцатилетний карьерист, оказался одним из наиболее перспективных нацистских экспертов по Центральной Азии. Он также возглавлял исследовательскую группу СС по Туркестану (*Arbeitsgemeinschaft Turkestan*)²⁴⁶.

Наиболее полное описание схемы мобилизации мусульман Советского Союза Ольша представил в меморандуме от 24 апреля 1944 года²⁴⁷. По его мнению, только непрофессионализм и недостаточно эффективная работа МИДа и министерства оккупированных восточных территорий с этническими меньшинствами СССР заставили СС вмешаться в это дело. Вместо того чтобы раскалывать тюркские группы, как это делал вермахт в своих восточных легионах, мусульман, «самое сильное неславянское и нехристианское меньшинство» Советского Союза, необходимо превратить в сплоченный блок, который можно было бы использовать против Москвы. Ислам, «по природе враждебный русскому и христианскому [миру]», как выразился Ольша, – идеальная сила для подрыва сталинского государства. Хотя угнетение со

²⁴² О Бергере см.: Gerhard Rempel, «Gottlob Berger and Waffen-SS Recruitment: 1939–1945», *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 27, 1 (1980), 107–122 (в этой работе рассказывается прежде всего о его роли в мобилизации добровольцев в войска СС); более общая работа: Gerhard Rempel, «Gottlob Berger: 'Ein Schwabengeneral der Tat,'» in Ronald Smelser and Enrico Syring (eds.), *Die SS: Elite unter dem Totenkopf: 30 Lebensläufe* (Paderborn, 2000), 45–59; Joachim Scholtyseck, «Der „Schwabenherzog“ Gottlob Berger, SS-Obergruppenführer», in Joachim Scholtyseck and Michael Kießner (eds.), *Die Führer der Provinz: NS-Biographien aus Baden und Württemberg* (Konstanz, 1997), 77–110; Alfred Hoffmann, «Der „maßlose Drang, eine Rolle zu spielen“: Gottlob Berger», in Wolfgang Proske (ed.), *Täter, Helfer, Mitläufer: NS-Belastete von der Ostalb* (Münster, 2010), 21–51.

²⁴³ О политике Германии на Балканах см.: Tomasevich, *War and Revolution in Yugoslavia*, особенно 466–510; Redžić, *Bosnia and Herzegovina in the Second World War*; Hoare, *Genocide and Resistance in Hitler's Bosnia*; и Hoare, *The Bosnian Muslims in the Second World War*.

²⁴⁴ О работе СС с тюркскими народами СССР см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 168–181 and 587–612; Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 139–165; Sebastian Cwiklinski, «Die Panturkismus-Politik der SS: Angehörige sowjetischer Turkvölker als Objekte und Subjekte der SS Politik», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 149–166.

²⁴⁵ После окончания войны Ольша написал подробный отчет о своей работе в Главном управлении СС и о частях советских мусульман в войсках СС, см.: Olzscha, Report, 1945, Archives of the Federal Commissioner for the Stasi Documents (*Bundesbeauftragter für die Stasi-Unterlagen*), Берлин (BStU), MfS, HA IX/11, ZR920, A. 54.

²⁴⁶ Об обществе *Arbeitsgemeinschaft Turkestan* в Дрездене см.: Burchard Brentjes, «Die „Arbeitsgemeinschaft Turkestan im Rahmen der DMG“: Ein Beispiel des Mißbrauchs der Wissenschaften gegen die Völker Mittelasiens», in Burchard Brentjes (ed.), *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken in Mittelasien im Spiegel der Wissenschaften* (Halle an der Saale, 1985), 151–172; и Horst Kießmehl, «Mittelasien: Ziel- und Einsatzgebiet deutscher bürgerlicher Wissenschaften: Bemerkungen zu einigen Aspekten der Organisation und Kontinuität deutscher imperialistischer und faschistischer Mittelasienforschung», in Brentjes (ed.), *60 Jahre Nationale Sowjetrepubliken*, 127–150.

²⁴⁷ Ольша, записка («Schaffung einer turkotatarischen (osttürkischen) Dachorganisation in Deutschland»), 24 апреля 1944 г., Берлин, BAV, NS31/42.

стороны советской власти ослабило религиозные чувства, ислам по-прежнему способен сыграть значительную роль в политических стратегиях Германии на Восточном фронте. Фактически Ольша призывал к «укреплению ислама» среди мусульман Советского Союза, чтобы «создать дополнительный детонатор для разрушения советского врага». Однако, поскольку «всеисламская идея» в СССР была не такой сильной, как в арабском мире, ее нужно было осторожно «пробудить». Через месяц Ольша изложил эту мысль в другом докладе, вновь призывая к эксплуатации «почти 30 миллионов этнических тюрков-мусульман Советского Союза»²⁴⁸. В частях СС, набранных из советских мусульман, нужно всячески поддерживать религиозность солдат («общую веру»), – писал Ольша. По его словам, возрождение ислама означает укрепление антибольшевистских сил²⁴⁹. Вскоре СС на деле начали использовать восточномусульманские части. Солдатам там обеспечили все условия для религиозной жизни; среди них также вели активную политическую пропаганду. В 1944 году в Дрездене была открыта «школа мулл» для обучения полевых имамов; ее руководителем СС назначили Алимджана Идриса (см. часть III). Для поддержки этой политики СС также привлекли специалистов по советскому исламу, в первую очередь Йоханнеса Бенцинга. Ольша, конечно же, хорошо знал о том, что эта программа исламской мобилизации имела прецеденты в политике кайзеровской Германии. После войны он говорил допрашивавшим его следователям, что в Первую мировую мусульманские пленные были на особом положении и для них строили мечети, а во время Второй мировой имела место аналогичная ситуация²⁵⁰.

Со временем, ближе к концу войны, СС попытались превратить мобилизацию мусульман Балкан и советских территорий в полноценную кампанию панисламской мобилизации, обращаясь к правоверным всего мира. В ходе допроса на Нюрнбергском процессе Мельхерс говорил, что политика СС все больше и больше «была направлена на мобилизацию и вооружение всех готовых на это магометан»²⁵¹. «На самом деле Главное управление СС в то время активно заигрывало с идеями панисламизма», – объяснял позже Ольша²⁵². Действительно, Главное управление СС набирало мусульман в Прибалтике, строило планы по созданию арабских частей и армии из индийских мусульман, подумывало о призыве мусульман Болгарии и даже начало присматриваться к правоверным из Восточной Африки. Меморандумы управления теперь пестрели названиями типа «Мобилизация ислама»²⁵³. Все эти части и, в более общем плане, все политические задачи в отношении мусульманских районов от Северной Африки до Туркестана и Индии должны были перейти в ведение особого отдела во главе с Ольшей²⁵⁴. Хотя в течение 1944 года этот отдел неоднократно перестраивался и никогда не работал в полном объеме, он включал особое «исламское бюро», от которого требовалось обес-

²⁴⁸ Ольша, записка («Rücksprache mit SS-Standartenführer Spaarmann und SS-Hstuf. Ullrich»), 12 мая 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42.

²⁴⁹ Ольша, записка («Unterlagen über Fremdvölker in der Sowjet-Union»), 17 октября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/28.

²⁵⁰ Ольша, отчет, 1945, ВStU, MfS, HA IX/11, ZR920, А. 54.

²⁵¹ Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, USHMA, RG 71, Box 248.

²⁵² Ольша, отчет, 1945, ВStU, MfS, HA IX/11, ZR920, А. 54.

²⁵³ Херман (Главное управление СС), записка («Mobilisierung des Islam»), 28 февраля 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/42 (также в: ВАВ, NS31/43).

²⁵⁴ Служба Ольши (DI/4k и DI/5k) подчинялась как «секции добровольцев» под началом Шпармана (DI), так и «юго-восточной секции добровольцев» (DI/4). Вначале это учреждение занималось только кавказскими и туркестанскими частями, но вскоре также стало заниматься другими неевропейскими (в основном мусульманскими) подразделениями. Несколько конструктивных планов по работе службы было разработано в 1944 г. Первоначально она была известна как «Muselmanen-Abteilung». Позднее ее реорганизовали в соответствии с этническими категориями. Наконец, она получила название «DI/4k и DI/5k». DI/5k работал по Туркестану и Кавказу, а DI/4k – по Ближнему Востоку и Азии, но он включал еще и третий подотдел, «исследований, прессы и пропаганды», который был всеобъемлющим и включал службу по работе с исламом («Бюро ислама»). Документы и планы этих учреждений см. в: ВАВ, NS31/170.

печатать последовательную политику по отношению ко всем мусульманским группам (см. часть III)²⁵⁵.

«Перехват» мусульманского направления, произведенный СС, можно проиллюстрировать на примере муфтия Иерусалима, которого всё больше использовало именно это ведомство, в то время как министерство иностранных дел считало его всё менее важным. В начале 1943 года надзор над муфтием был передан от Эттеля к Прюферу, потом к Мельхерсу, а затем и к Хентигу, который не питал энтузиазма к своему подопечному. Во время допроса в Нюрнберге Мельхерс подчеркивал свои плохие отношения с муфтием²⁵⁶. Риббентроп, объяснял Мельхерс, постепенно потерял интерес к арабскому коллаборационисту. Муфтий же, все шире вовлекаемый в дела СС, почти не сообщал министерству иностранных дел о своей деятельности. Для СС, занятых прежде всего Балканами и Советским Союзом, муфтий представлял себя лидером всех мусульман.

В целом вовлеченность Германии в мусульманские дела во время Второй мировой войны шла не по заранее намеченному плану. Она развивалась по мере разрастания конфликта, постепенно затрагивая все больше и больше прифронтовых районов, а также структур рейха. В определенной степени эта стратегия основывалась на политических и геополитических традициях прежних исламских «проектов» Германии, особенно времен Первой мировой. Действительно, при внимательном изучении обнаруживается значительная преемственность на уровне как кадров, так и идей. Немало офицеров, которые занимались политикой Германии по мобилизации мусульман в Первую мировую войну, были задействованы снова. Наиболее ярким примером можно назвать пожилого Оппенгейма. В министерстве иностранных дел такие опытные сотрудники, как Фриц Гробба, Курт Прюфер и Вернер Отто фон Хентиг снова работали над исламскими проблемами, а некоторые из них, особенно Хентиг и Прюфер, поддерживали тесный контакт со своим бывшим наставником Оппенгеймом²⁵⁷. После войны Оппенгейм писал, что Восточная секция в министерстве иностранных дел неоднократно обращалась к нему за советом, и утверждал, что он сохранил «прекрасные отношения» со своими старыми протезе, даже с Мельхерсом²⁵⁸. Вермахт использовал также и Оскара Риттера фон Нидермайера. Алимджан Идрис, который собирал правоверных в лагерях Вюнсдорф и Цоссен во время Первой мировой войны, потом работал в министерстве иностранных дел, а затем в вермахте и СС.

Гораздо сложнее показать, что именно нацистские чиновники черпали из резервуара идей об исламе и политике, который был создан в имперский период²⁵⁹. Тем не менее можно сделать некоторые общие замечания на эту тему. Уже в эпоху Второго рейха немецкие официальные лица и эксперты воспринимали ислам в качестве политического инструмента. Они видели в исламской идее сущность, которую можно использовать не только для социального

²⁵⁵ «Бюро ислама» (оно же «Referat 11» на протяжении 1944 г. возглавляли различные офицеры. В одном источнике указывается некто Бетке, см.: Ольша, приказ («Besetzung der Referate»), 5 ноября 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/170; в другом упоминается майор Киллингер, см.: план («Aufbau der Dienststelle DI/4k und DI/5k»), б. д., Берлин, ВАВ, NS31/170; в еще одном говорится, что бюро возглавлял лично Ольша, см.: план («Organisationsplan Dienststelle DI/4k u. DI/5k»), б. д., Берлин, ВАВ, NS31/170; и Ольша, записка («Einstufung von Fachführern»), 14 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/170.

²⁵⁶ Мельхерс, заявление, сделанное при допросе во время Нюрнбергского процесса («Die Politik des Mufti»), 6 августа 1947 г., Нюрнберг, USHMA, RG 71, Box 248.

²⁵⁷ Переписка между Оппенгеймом и Хентигом в период с июля 1940 г. по февраль 1942 г. показывает, что они регулярно обсуждали политические проблемы исламского мира, а также часто встречались и что Оппенгейм поддерживал контакты с другими должностными лицами в министерстве иностранных дел, см.: PA, Nachlass Hentig, vol. 84. См. неотредактированные дневники Прюфера, которые охватывают период между ноябрем 1942 г. и сентябрем 1943 г. и показывают, что Прюфер также часто встречался со своим старым другом Оппенгеймом и обсуждал с ним политические дела мусульманского мира: McKale (ed.), *Rewriting History*, passim.

²⁵⁸ Оппенгейм, воспоминания («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), Oppenheim Bank Archive (*Hausarchiv Sal. Oppenheim*), Кельн (ОА), Nachlass Max von Oppenheim no. 1/14.

²⁵⁹ По мнению Марка Мазовера, преемственность идей между кайзеровской и гитлеровской Германией была выражена сильнее, чем кадровая преемственность, см.: Mazower, *Hitler's Empire*, 584.

и политического контроля над колониями, но и для активной мобилизации – именно эта концепция влияла на германскую политику во время Первой мировой войны. Идея ислама как политической силы не исчезла после 1918 года. В межвоенный период, особенно в 1930-е годы, многие эксперты обсуждали те же сюжеты, отмечая, что ислам, несмотря на неудачный опыт агитации среди мусульман в 1914 году, остается мощной силой международной политики – и слабым звеном Британской, Французской и Советской империй. Важную роль в формулировке такой позиции сыграли не только геополитические мыслители школы Хаусхофера, но и эксперты по региональным исследованиям, такие как Герхард фон Менде и Йоханнес Бенцинг.

Преимущество использования исламских, а не этнических или националистических лозунгов, заключалось в том, что с их помощью Берлин мог обходить стороной деликатные вопросы предоставления различным национальным группам государственной независимости. Стремясь не вмешиваться в итальянские, испанские, а затем и французские (речь идет о режиме Виши) интересы в Северной Африке и на Ближнем Востоке, не желая оспаривать суверенитет Хорватии в Боснии и Герцеговине, а также пытаясь не давать обещаний о будущем политическом статусе национальных меньшинств Советского Союза, германский режим уклонялся от подобных вопросов. Более того, религия казалась полезным политическим и пропагандистским инструментом для обращения к этнически, лингвистически и социально разрозненным сообществам. Причем четкую политическую и пропагандистскую кампанию было гораздо легче адресовать «мусульманам вообще», а не отдельным этническим и национальным группам – берберам и арабам Северной Африки, нерусским меньшинствам Кавказа, Крыма и Центральной Азии, народам Боснии, Герцеговины и Албании и т. д. Наконец, в контексте сложных отношений между нацистской расовой теорией и восточными народами использование религиозных лозунгов в конечном счете позволило немцам избежать этнических категорий.

Проблема идеологии

Выстраивание союза с исламским миром в первую очередь было обусловлено практическими интересами и стратегическими проблемами, а не идеологией. Тем не менее именно готовность прагматично подойти к расовому вопросу, а также отсутствие антиисламских настроений среди руководства режима сделали возможным продвижение такого альянса. В конце концов, Третий рейх был идеологическим государством, а Вторая мировая война стала идеологическим конфликтом, битвой мировоззрений (*Weltanschauungskrieg*). Идеология имела значение.

Наибольшие сложности для политики рейха в отношении мусульманского мира создавал расизм. Гитлер писал о расовой неполноценности неевропейских народов, в частности арабов и индусов, еще в «Майн кампф». Восхваляя идею европейской имперской гегемонии, он высмеивал антиимперские движения как «коалицию калек» (*Koalition von Krüppeln*), которая из-за ее «расовой неполноценности» никогда не сможет стать союзником немецкого народа²⁶⁰. Главный идеолог Гитлера, Альфред Розенберг, в своем труде «Миф XX века» откровенно приветствовал подчинение исламского мира европейским империям²⁶¹. Однако вскоре после захвата власти нацисты показали себя более прагматичными.

По причинам дипломатического характера нацистский Берлин с самого начала пытался избежать сколько-нибудь явной расовой дискриминации нееврейских народов Ближнего

²⁶⁰ Adolf Hitler, *Mein Kampf* (Munich, 1942 [1925–1926]), 747.

²⁶¹ Alfred Rosenberg, *Der Mythos des 20. Jahrhunderts: Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit* (Munich, 1937 [1930]), 662–666. Розенберг фактически был единственным высокопоставленным нацистом, который открыто называл ислам культурно неполноценным: *ibid.*, 365–369.

Востока. Фактически турки, иранцы и арабы были выведены из-под действия нацистских расовых ограничений – после того, как введение Нюрнбергских расовых законов (Закона о защите германской крови и германской чести и Закона о гражданстве рейха) в 1935 году вызвало напряженность в отношениях с Турцией, Ираном и Египтом²⁶². По просьбе турецкого посольства, которое было обеспокоено правовой дискриминацией турок и немецких граждан турецкого происхождения, Вильгельмштрассе в начале 1936 года настоятельно призывало другие учреждения рейха принять четкое решение о расовой принадлежности турок²⁶³. Не желая портить отношения с Турцией, министерство иностранных дел, министерство внутренних дел, министерство пропаганды и управление расовой политики НСДАП (*Rassenpolitisches Amt der NSDAP*) согласились послать Анкаре четкий сигнал²⁶⁴. Хотя в Нюрнбергских законах упоминались «евреи» и лица «немецкой или родственной крови», на деле в этих категориях немцы и «близкие» к ним народы противопоставлялись «евреям и другим иностранцам». В официальном комментарии к законам указывалось, что народы Европы и потомки европейцев в неевропейском мире, которые оставались расово чистыми, тоже могут считаться «родственными» немцам. Во внутренних циркулярах рейха появились разъяснения, согласно которым Турция признавалась частью Европы, в то время как другие страны Ближнего Востока (Египет или Иран, например) объявлялись «неевропейскими».

«Утечка» информации об этом в зарубежную прессу вызвала дипломатический скандал. 14 июня 1936 года *Le Temps* сообщила, что Берлин решил освободить турок от Нюрнбергских законов, в то время как иранцы, египтяне и иракцы были оставлены в статусе «неарийцев»²⁶⁵. Через день статьи об этом появились в *La Bourse égyptienne* и в турецкой газете *République*, что вызвало бурю возмущения среди иранских и египетских чиновников²⁶⁶. Немецкое министерство иностранных дел сразу же выпустило пресс-релиз, в котором говорилось, что информация в прессе не соответствует действительности. Более того, заявил МИД, необоснованность этих утверждений очевидна, так как в Нюрнбергских законах вообще не упоминается термин «арийский»²⁶⁷.

Египетского и иранского послов в Берлине, которые настаивали на том, что их народы «родственны» немцам, успокоили и уверили, что сообщения в прессе были необоснованными и что Нюрнбергские законы нацелены только на евреев²⁶⁸. Тем не менее сложный вопрос о

²⁶² Документы о споре относительно официальной расовой классификации арабов, турок и иранцев хранятся в двух папках под названием «Принадлежность египтян, иракцев, персов и турок к арийской расе» – РА, R99173 и РА, R99174. Об иных случаях можно узнать по данным в папке «Последствия германской расовой политики расы для отношений с иностранными государствами» – РА, R99182. Она также показывает, что немцы были одинаково прагматичны в случае стран Латинской Америки, Восточной и Южной Азии. Вообще об этих дискуссиях см.: Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, 17–24; о роли иранцев см.: David Motadel, *Iran and the Aryan Myth*, in Ali M. Ansari (ed.), *Perceptions of Iran: History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic* (London, 2013), 119–145, 125–135. О расовой дискриминации арабов в Германии см.: Gerhard Höpp, «Der verdrängte Diskurs: Arabische Opfer des Nationalsozialismus», in Gerhard Höpp, Peter Wien, and René Wildangel (eds.), *Blind für die Geschichte? Arabische Begegnungen mit dem Nationalsozialismus* (Berlin, 2004), 215–268, 217–219; Sophie Wagenhofer, «Rassischer» Feind – politischer Freund? *Inszenierung und Instrumentalisierung des Araberbildes im nationalsozialistischen Deutschland* (Berlin, 2010), 32–43.

²⁶³ Хинрихс (МИД) – министерству внутренних дел, министерству пропаганды, управлению расовой политики НСДАП, 17 января 1936 г., Берлин, РА, R99173.

²⁶⁴ Хинрихс (МИД) – министерству внутренних дел, министерству пропаганды, управлению расовой политики НСДАП, февраль, 30 марта 1936 г., Берлин, РА, R99173, где упоминается прошедшая 12 февраля 1935 года конференция, на которой было принято это решение. Решение одобрили отдельно различные чиновники: Гросс (Управление расовой политики НСДАП) – МИДу, 4 апреля 1936 г., Мюнхен, РА, R99173; Вайсенхоф (министерство пропаганды) – МИДу, 8 апреля 1936 г., Берлин, РА, R99173; Пфундтнер (МВД) – МИДу, 12 мая 1936 г., Берлин, РА, R99173. Наконец, МИД разослал его по всем министерствам 30 апреля 1936 г., РА, R99173 (также в: РА, R99182).

²⁶⁵ Аноним, «Les Turcs promus „aryens“», *Le Temps* (14 June 1936).

²⁶⁶ Шторер (посольство Германии в Египте) – МИДу, 15 июня 1936 г., Каир, РА, R99173 (также в: РА, R99174); Келлер (посольство Германии в Турции) – МИДу, 19 июня 1936 г., Тарабья, РА, R99173.

²⁶⁷ МИД, пресс-релиз («Notiz für die Presse»), 16 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173 (также в: РА, R99174).

²⁶⁸ Пилгер, записка, 16 июня 1936 г., Берлин, РА, R99173; информирование посольств Германии в Египте, Ираке и Иране

том, являются ли арабы и иранцы «родственными» немцам, оставался открытым. И если посол Египта просто просил подтвердить, что действие расовых законов Германии не распространяется на египтян, то иранский посол настаивал на открытом признании того, что иранцы расово близки немцам²⁶⁹. В конце концов иранский монарх Реза-шах годом ранее распорядился, чтобы его страну на международном уровне впредь называли Ираном, а не Персией. Название «Иран» этимологически близко слову «арий» и означает, собственно, «землю ариев»; официальные лица Ирана не скрывали, что считают этот термин полезным, с учетом того, что «некоторые страны гордятся тем, что они арийские»²⁷⁰. Чтобы обсудить этот вопрос, представители всех основных министерств собрались в МИДе 1 июля 1936 года²⁷¹. Вальтер Гросс, глава управления расовой политики НСДАП, дал понять, что ни о каком официальном заявлении на тему расовых отношений не может быть и речи. Тем не менее было решено проинформировать послов о том, что расовые законы не нацелены на иностранных граждан (неевреев) и что к иранским и египетским гражданам эти акты относятся так же, как и к гражданам других европейских (и неевропейских) стран: немецкое законодательство признавало браки между мужчинами-иностранцами (неевреями) и немецкими женщинами (нееврейками) и допускало браки между женщинами-иностранками (нееврейками) и немецкими мужчинами (неевреями) – после проверки женщины на расовую чистоту. Вопрос о немецких гражданах с арабскими или иранскими корнями старательно обходили стороной. Египтяне согласились с таким положением дел²⁷². Тегеран тоже казался удовлетворенным после того, как Гросс заверил посла на встрече в Берлине, что расовые законы Германии не будут применяться к иранцам (хотя и уклонился от каких-либо окончательных заявлений по вопросу о расовой близости двух народов)²⁷³. Через год Гросс в служебной записке подтвердил: хотя он и не желал ограничивать расовое законодательство только евреями, немецкие власти должны действовать прагматично, если речь идет о внешнеполитических интересах²⁷⁴. Короче говоря, нацистский режим оказался весьма гибким, когда речь шла о расовой политике и отношениях с турками, арабами и иранцами.

В то время как отказ от дискриминации по расовому признаку в отношении персов и турок еще можно было подкрепить какой-нибудь теорией, случай арабов был более сложным: большинство идеологов расового вопроса видело в них «семитов»²⁷⁵. Официальные лица нацистского режима хорошо знали, что термин этот очень проблематичен, поскольку он нацелен на группы, которые они не хотели оскорблять. Уже в 1935 году министерство пропа-

относительно официального заявления МИДа, беседа послов Египта и Ирана в Берлине см.: Бюлов-Шванте – посольствам Германии в Каире, Багдаде и Тегеране, 18 июня 1936 г., Берлин, PA, R99173 (также в: PA, R99174).

²⁶⁹ Пилгер, записка, 16 июня 1936 г., Берлин, PA, R99173; посольство Египта в Берлине – МИД, 22 июня 1936 г., Берлин, PA, R99173 (также в: PA, R99174).

²⁷⁰ Меморандум для консульств и посольств Ирана за границей, Министерство иностранных дел (Document no. 41749), 3/10/1313 (1935), Тегеран, Государственный архив Ирана (*Sazman-i Asnad-i Milli-yi Iran*), Тегеран (SAMI), пленка 22–240, 21/6/214 (Archive no. 297036473). Меморандум был разослан вместе с письмом министра на ту же тему, см.: Бакир Казими – посольствам Ирана за границей (Document no. 41797), 4/10/1313 (1935), Тегеран, SAMI, папка 510006, дело 444 (Archive no. 297036473).

²⁷¹ Хинрихс, отчет («Sitzung vom 1. Juli 1936 im Auswärtigen Amt zwecks Beantwortung der ägyptischen und iranischen Anfragen und Klärung des Begriffs „artverwandt“»), 2 июля 1936 г., Берлин, PA, R99174; о приглашении: Бюлов-Шванте (МИД) – различным министерствам рейха, 26 июня 1936 г., Берлин, PA, R99173 (также в: PA, R99174).

²⁷² МИД – посольству Египта в Берлине, 4 июля 1936 г., Берлин, PA, R99173 (также в: PA, R99174); о реакции египтян: Хинрихс – посольству Германии в Каире, 14 июля 1936 г., Берлин, PA, R99174; и аналогично: Хинрихс – различным министерствам, 15 июля 1936 г., Берлин, PA, R99174.

²⁷³ Хинрихс – посольству Германии в Тегеране, 11 июля 1936 г., Берлин, PA, R99174; об ответе иранцев: Сменд – МИД, 18 июля 1936 г., Тегеран, PA, R99174.

²⁷⁴ Гросс – МИД, 28 апреля 1937 г., Берлин, PA, R99182.

²⁷⁵ Об официальной отмене термина «антисемитизм» в нацистской Германии см.: Cornelia Berning, *Vom «Abstammungsnachweis» zur «Zuchtart»: Vokabular des Nationalsozialismus* (Berlin, 1954), 13–14; Cornelia Schmitz-Berning, *Vokabular des Nationalsozialismus* (Berlin, 1998), 34–39; Thomas Nipperdey and Reinhard Rürup, «Antisemitismus», in Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck (eds.), *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, vol. 1 (Stuttgart, 1972), 129–153, 151–152.

ганды дало указание прессе избегать терминов «антисемитский» и «антисемитизм», предложив вместо них использовать слова «антиеврейский» и «антиеврейство», поскольку рейх борется только против евреев, а не семитов в целом²⁷⁶. Когда арабский мир во время войны сделался частью стратегических планов Берлина, а немецкие чиновники еще более озаботились тем, чтобы не оскорблять чувства арабов, гонения на «сомнительные» термины стали еще более жесткими. В начале 1942 года Отдел антисемитских мероприятий (*Antisemitische Aktion*) в министерстве пропаганды был переименован в Отдел антиеврейских мероприятий (*Antijüdische Aktion*)²⁷⁷. Позднее в том же году Геббельс подтвердил свои указания прессе: избегать терминов «семитизм» и «антисемитизм» в пропагандистских материалах²⁷⁸. Во время войны министерство иностранных дел, Бюро Розенберга (*Amt Rosenberg*) и СС издавали директивы, подтверждающие эти распоряжения²⁷⁹. В конечном итоге даже управление расовой политики НСДАП поддержало отказ от «антисемитизма». В открытом письме Рашиду Али аль-Гайлани, которое было опубликовано в нацистской газете *Weltkampf* в конце 1944 года, Вальтер Гросс настаивал на том, что евреев нужно «четко отличать» от народов Ближнего Востока²⁸⁰; именно поэтому термин «антисемитизм» следует заменить на «антииудаизм». Текст завершался следующими словами: «Национал-социалистическая расовая теория на самом деле признает арабов полноценной расой, которая помнит о своей славной и героической истории»²⁸¹. На суде в Иерусалиме в 1961 году Адольф Эйхман повторил эту мысль, объясняя, что термин «антисемитизм» был сочтен «неправильным» и заменялся на «антииудаизм», поскольку под категорию «семиты» попадали и арабы²⁸².

Когда ухудшающееся положение на фронтах заставило Германию приступить к вербовке мусульман с Балкан и из Советского Союза, в этих регионах также были смягчены расовые ограничения. В 1943 году, когда немцы вступили в Боснию и Герцеговину, СС объявили балканских мусульман частью «расово ценных народов Европы»²⁸³. Фактически они стали первой не относящейся к немцам этнической группой, представителям которой было разрешено вступать в ряды войск СС (см. часть III). Генерал Эдмунд Гляйзе фон Хорстенау, полномоч-

²⁷⁶ «Anweisung der Pressekonferenz», 22 августа 1935 г., Берлин, Bundesarchiv, Koblenz (BAK), ZSg 101/6; также в: Hans Bohrmann (ed.), *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, vol. 3/II (Munich, 1987), 522.

²⁷⁷ Zimmermann, «Mohammed als Vorbote der NS-Judenpolitik?», 293; Herf, *The Jewish Enemy*, 159; и Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 238–239.

²⁷⁸ Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.); и сходный документ: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.). *Zeitschriften-Dienst* давал аналогичные инструкции перед началом войны, см.: Министерство пропаганды, инструкции («Antisemitismus»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 222 (13 июня 1939 г.); Министерство пропаганды, инструкции («Antisemitismus»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 372 (1 июля 1939 г.). Бюллетень *Zeitschriften-Dienst* снабжал инструкциями относительно пропаганды редакторов немецких журналов, и *Deutscher Wochendienst*, еженедельное приложение к *Zeitschriften-Dienst*, можно найти в Национальной библиотеке Германии (*Deutsche Nationalbibliothek*), Лейпциг (DNB), ZB38957 и ZB38957-Beil; а также в: BAV, RD32/1.

²⁷⁹ Хагемайер (Бюро Розенберга), записка («Aktennotiz für Dr. Koeppen»), 17 мая 1943 г., Берлин, в: Leon Poliakov and Josef Wulf, *Das Dritte Reich und die Juden: Dokumente und Aufsätze* (Berlin, 1955), 369; Шлайер (МИД), указ, 5 июля 1944 г., Берлин, PA, Bern 2833; Ольша, записка («Antisemitismus»), 7 октября 1944 г., Берлин, BAV, NS31/170.

²⁸⁰ Гросс – аль-Гайлани, 17 октября 1942 г., напечатано в: «Antisemitismus oder Antijudaismus?», *Weltkampf: Die Judenfrage in Geschichte und Gegenwart* 3, 9–12 (1944), 168.

²⁸¹ Ibid.

²⁸² *The Trial of Adolf Eichmann: Record of Proceedings in the District Court of Jerusalem*, ed. State of Israel (Ministry of Justice), vol. IV (Jerusalem, 1993), 1805–1823 (Session no. 106, 21 July 1961), 1814–1815.

²⁸³ Главное управление СС, записка («Geschichte und Entstehung der SS-Freiwilligen-b.h.-Geb. Division (13. SS-Division)»), 10 ноября 1943 г., Берлин, архив Института современной истории (Archiv des Instituts für Zeitgeschichte), Мюнхен (IfZ), NO-3577. Бергер уже к тому времени заявлял, что балканские мусульмане с расовой точки зрения – часть германского мира, а духовно они связаны с Востоком, см.: Бергер (Шульте), указ («Weltanschaulich geistige Erziehung der muslimischen SS-Division»), 19 мая 1943 г., Берлин, BAV, NS19/2601. Указ был написан офицером СС Гердом Шульте согласно устному распоряжению Бергера.

ный представитель вермахта в Хорватии, в шутку называл новых союзников «мусульгерманцами» (*Muselgermanen*)²⁸⁴.

Берлин придерживался аналогичного подхода и к тюркским народам Советского Союза, которые также подвергались вербовке²⁸⁵. Хотя неславянские меньшинства восточных территорий обычно считались расово превосходящими славян, эти различия первоначально не играли никакой роли на практике. По иронии судьбы именно советские «азиаты» (народы Кавказа и Центральной Азии) сыграли ключевую роль в печально известной пропагандистской кампании, в которой советские граждане изображались «недочеловеками» – более важную, чем русские или украинцы. В национал-социалистической пропаганде термин «татарский», первоначально обозначавший все восточнотюркские народы, имел самый оскорбительный смысл. Но немцы и тут изменили свою манеру выражаться. В марте 1942 года министерство оккупированных восточных территорий издало инструкцию о термине «татары» (*Tataren*), которого теперь следовало избегать²⁸⁶. Вместо него нужно было использовать такие обозначения, как «идель-уральские народы» (*Idel-Uraler*), «крымские тюрки» (*Krimtiirken*) и «азербайджанцы» (*Aserbeidschaner*). Несколько месяцев спустя министерство пропаганды приказало прессе воздерживаться от нападок на эти группы²⁸⁷. В статье в *Zeitschrift für Politik* фон Хентиг даже заявил, что термин «татарин» – не оскорбительный, но почетный²⁸⁸. Немецкая пропаганда, нацеленная на восточных тюрков-мусульман, которые сражались в армиях Гитлера, изо всех сил старалась подчеркнуть уважение к ним. Так, статья, опубликованная в военном листке, распространяемом среди добровольцев с Северного Кавказа, объясняла, что все племена Северного Кавказа образуют единое народное (*völkisch*) целое и принадлежат к индогерманской расе²⁸⁹. Цитируя Гросса, другая статья утверждала, что «германская расовая теория... не направлена против других народов», за исключением евреев²⁹⁰. Однако расового смешения между немцами и восточными тюрками рекомендовалось избегать – на благо обоих народов. Немецким офицерам было дано указание разъяснять представителям «тюркских народов», что они «расово ценны», но их «кровоток» отличается от немецкого и потому смешивание будет иметь негативные последствия для обеих групп²⁹¹. В 1944 году, когда все больше добровольцев из числа восточных тюрков дислоцировались на территории рейха, войсковая инструкция указывала: немецким солдатам надлежит следить за тем, чтобы «добровольцы относились к немецким женщинам с уважением и необходимой сдержанностью». Не желая отказываться от расовой доктрины, власти рейха вынуждены были искать баланс между идеологией и военной необходимостью. Однако на практике мусульмане, причем не только с восточных территорий,

²⁸⁴ *Ein General im Zwielficht: Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau*, ed. Peter Broucek, vol. 3 (Vienna, 1988), 239–254 (июль-август 1943 г.), 241 и 394–413 (май 1944 г.), 400.

²⁸⁵ По вопросу расовой дискриминации и категоризации восточных тюрков см.: Dallin, *German Rule in Russia*, 270–273; и Mühlens, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern*, 46–56.

²⁸⁶ Министерство оккупированных восточных территорий, инструкции («Vorläufige Sprachregelung über Begriffe des Ostens»), 14 марта 1942 г., Берлин, ВАВ, R6/206; министерство оккупированных восточных территорий, инструкции («Erster Nachtrag zur Sprachregelung über Begriffe des Ostens vom 5. März 1942»), 31 марта 1942 г., Берлин, РА, R105165.

²⁸⁷ Министерство пропаганды, инструкции («Polemische Bemerkungen gegen Turkestaner»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7434 (21 августа 1942 г.); министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.); похожие материалы см. в: министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

²⁸⁸ Werner Otto v. Hentig, «Turan – Tatarei», *Zeitschrift für Politik* 32, 3 (1942), 185–188.

²⁸⁹ «Die rassische Einheit unserer Stämme», *Gasawat* 32 (75) (1944), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 4 августа 1944 г., Берлин, ВАМА, MSG 2/18238.

²⁹⁰ «Die deutsche Rassenlehre nicht gegen andere Völker gerichtet», *Gasawat* 36 (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 20 октября 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18238; также напечатано в: *Idel-Ural* 30 (36) (1943), перевод на немецкий язык, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), 25 июля 1943 г., Берлин, ВА–МА, MSG 2/18231.

²⁹¹ Хайгендорф, инструкции («Merkblatt für deutsche Offiziere über wehrgeistige Führung der Legionäre»), 1 июля 1943 г., Радом, ВА–МА, RH 58/62.

но также с Ближнего Востока и Балкан, часто становились жертвами расовой дискриминации (см. части II и III).

Расовый вопрос представлял собой явное препятствие для целостной политики Германии в отношении мусульман, однако с религией ситуация была иной. Ислам часто описывался в традиционных европейских расовых теориях как религия (арабских) семитов или даже как низшая «семитская религия». Эту точку зрения впервые озвучил выдающийся французский ориенталист и специалист по расовым вопросам Эрнест Ренан в своей печально известной лекции «Ислам и наука», которую он прочел в Сорбонне в 1883 году²⁹². Однако представление об исламе как «семитской религии» (то есть расистский взгляд на религию) не играло заметной роли в размышлениях фашистских чиновников и идеологов об исламе. Фактически многие из них, включая Гитлера, различали расу и религию, когда речь заходила о мусульманах.

Немало представителей нацистской элиты выражали свою симпатию исламу. Пожалуй, больше всех мусульманской верой и сходством между национал-социализмом и исламом был очарован Гиммлер. Обсудив в феврале 1943 года в Берлине вопрос о создании мусульманской дивизии СС на Балканах с Гиммлером и Гитлером, Эдмунд Гляйзе фон Хорстенау отметил, что Гиммлер выражал презрение к христианству, одновременно говоря, что считает ислам «весьма достойным уважения»²⁹³. Гитлер также сделал похожее замечание. Несколько месяцев спустя, по словам Хорстенау, Гиммлер вернулся к тому же сюжету: «Мы опять говорили о мусульманском вопросе, и он снова поднял тему героического характера мусульманской религии, выразив свое презрение к христианству и особенно к католицизму»²⁹⁴. Наиболее точно отношение Гиммлера к исламу описывается в бесславных мемуарах его врача Феликса Керстена²⁹⁵. Доктор Керстен написал целую главу об «энтузиазме по поводу ислама» у Гиммлера, которая почему-то была исключена из английского перевода²⁹⁶. Как следует из этого текста, Гиммлер, убежденный, что Мухаммад был одним из величайших людей в истории, собирал книги об исламе и биографии пророка²⁹⁷. 2 декабря 1942 года он сказал Керстену, что хочет посетить исламские страны после окончания войны, чтобы продолжить свои изыскания²⁹⁸. По словам врача, Гиммлер видел в исламе религию мужчин и воинов. В конце 1942 года рейсхфюрер говорил:

Мухаммад знал, что большинство людей ужасно трусливы и глупы. Вот почему он обещал каждому воину, который будет мужественно сражаться и погибнет в битве, двух [*sic*] красавиц... Такой язык солдат понимает. Когда он верит, что его будут приветствовать таким образом после смерти, он готов

²⁹² Ernest Renan, «L'Islamisme et la Science», *Journal des Débats* (30 March 1883).

²⁹³ *Ein General im Zwielicht*, vol. 3, 182–195 (февраль 1943 г.), 189.

²⁹⁴ *Ibid.*, 304–325 (ноябрь 1943 г.), 322.

²⁹⁵ Керстен записывал свои впечатления в дневнике во время войны. После войны он организовал свои записи по темам и опубликовал их. Первая версия вышла на шведском языке в 1947 году и была переведена на английский язык в том же году, см.: *The Memoirs of Doctor Felix Kersten*, ed. Herma Briffault, transl. Ernst Morwitz, intr. Konrad Heiden (New York, 1947). В 1952 году Керстен опубликовал более подробное издание на немецком языке, см.: Felix Kersten, *Totenkopf und Treue: Heinrich Himmler ohne Uniform* (Hamburg, 1952). Этот вариант был переведен на английский язык в 1956 г., см.: *The Kersten Memoirs 1940–1945*, transl. Constantine Fitzgibbon and James Oliver, intr. H. R. Trevor-Roper (London, 1956). Эти мемуары следует читать с некоторой осторожностью. Отдельные фрагменты, особенно о роли Керстена в спасении евреев и других жертв режима, явно искажены автором, но другие оказались точными. Посвященные исламу эпизоды согласуются со сведениями о взглядах Гиммлера на мусульман, полученными из других источников, и могут считаться достоверными. О Керстене см.: Hans-Heinrich Wilhelm, Louis de Jong, *Zwei Legenden aus dem Dritten Reich* (Stuttgart, 1974), 77–142; Raymond Palmer, «Felix Kersten and Count Bernadotte: A Question of Rescue», *Journal of Contemporary History* 29, 1 (1994), 39–51; John H. Waller, *The Devil's Doctor: Felix Kersten and the Secret Plot to Turn Himmler against Hitler* (New York, 2002); и Werner Neuß, *Menschenfreund und Mörder: Himmlers Leibarzt Felix Kersten* (Halle, 2010).

²⁹⁶ Kersten, *Totenkopf und Treue*, 203–208 (ch. 19, *Begeisterung für den Islam*). В английском переводе немецкого издания мемуаров (1956) исламу посвящены только отдельные фразы.

²⁹⁷ *The Memoirs of Doctor Felix Kersten*, 12.

²⁹⁸ Kersten, *Totenkopf und Treue*, 205 (2 декабря 1942 г.).

отдать свою жизнь; он будет с радостью сражаться и не испугается смерти. Вы можете называть это примитивным и смеяться над этим... Но такая позиция основана на более глубокой мудрости. Религия должна говорить на языке мужчины»²⁹⁹.

Гиммлер, порвавший с католической церковью в 1936 году, регулярно сравнивал свое представление об исламе с христианством, и особенно с католицизмом. Христианство ничего не обещает солдатам, павшим в бою, – сетовал он. Никакой награды за храбрость: «И теперь сравните это, господин Керстен, с религией магометан, религией народных солдат»³⁰⁰. Гиммлер считал ислам практической верой, которая предоставляла верующим руководство для повседневной жизни: «Посмотрите, насколько разумна эта религия»³⁰¹. Рейхсфюрер также делился с Керстеном своими взглядами на историю ислама. Он сожалел о том, что армии турок-мусульман не смогли покорить Европу в XVII веке:

Предположим, что турки, в войсках которых сражались и европейцы (причем занимая высокие посты), в 1683 году не отступили бы, а захватили Вену и всю Европу. Если бы мусульмане одержали победу в то время и ислам победоносно прошел по Европе, христианские церкви были бы полностью деполитизированы, ибо турки отличались религиозной терпимостью, они позволяли каждой вере существовать, если она не вмешивается в политику – а иначе ей конец»³⁰².

Керстен позднее утверждал, что он «кое-чему научился» из рассуждений Гиммлера «о магометанстве»³⁰³. К концу войны, осенью 1944 года, его вызвали в Хохвальд, полевую штаб-квартиру Гиммлера в Восточной Пруссии. Финляндия только что объявила войну Германии, а рейхсфюрер был прикован к постели желудочными коликами. Войдя в спальню Гиммлера, Керстен увидел, что тот «лежал в постели, страдая от сильной боли, а на тумбочке рядом лежал Коран»³⁰⁴. По словам Керстена, Гиммлер познакомился с Кораном благодаря Рудольфу Гессу³⁰⁵.

Неудивительно, что Гиммлер особенно хотел поделиться своими идеями об исламе с великим муфтием³⁰⁶. В своих мемуарах аль-Хусейни отмечал, что большая часть его разговоров с Гиммлером вращалась вокруг исламского и арабского мира. Аль-Хусейни был особенно покорен рассуждениями рейхсфюрера о европейских религиозных войнах:

Среди уникальных высказываний Гиммлера, которые я услышал во время одного из визитов, было замечание, вынесенное им из изучения истории Германии. Он заявил, что прошлые религиозные войны между католиками и протестантами, с которыми столкнулся немецкий народ темного Средневековья (Столетняя и другие войны), сократили население Германии с 35 до 5 миллионов. Храбрые и воинственные немцы больше всех проиграли в этих войнах. Затем он сказал: «Тогда было две возможности, для нас и для Европы в целом, спастись от этой бойни, но мы упустили обе. Первый шанс появился, когда арабы вторглись с Запада (из Андалусии), а второй – когда

²⁹⁹ Цит. по: *ibid.*, 203 (1 декабря 1942 г.).

³⁰⁰ Цит. по: *ibid.*, 204 (1 декабря 1942 г.).

³⁰¹ Цит. по: *ibid.*, 205 (2 декабря 1942 г.).

³⁰² Цит. по: *ibid.*, 206–207 (7 декабря 1942 г.).

³⁰³ *The Kersten Memoirs*, 149 (8 августа 1942 г.).

³⁰⁴ *Ibid.*, 221 (8 сентября 1944 г.).

³⁰⁵ *The Memoirs of Doctor Felix Kersten*, 67.

³⁰⁶ *Музакират Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни*, 123–126 (о встречах с Гиммлером).

османы вторглись с Востока. К сожалению, немецкий народ сыграл большую роль в разгроме этих двух нашествий, что лишило Европу духовного света и цивилизации ислама»³⁰⁷.

Вспоминая об этих исторических экскурсах после войны, аль-Хусейни не скрывал, что «интеллект, утонченность ума и широкая эрудиция» Гимmlера произвели на него большое впечатление³⁰⁸.

Взгляды Гимmlера на ислам и историю разделял и Готтлоб Бергер, его правая рука в войсках СС, также веривший в близкое сходство между германской и исламской культурами. Эрих фон дем Бах (Зелевски), один из офицеров СС, излагал американским следователям в Нюрнберге представления Бергера об исламе, которые руководитель Главного управления озвучил во время войны, на встрече с Гимmlером и аль-Хусейни:

Бергер разработал новую историческую теорию. Он говорил, что Германии было бы лучше, и старая германская *Kultur* не погибла бы, если бы тогда в Вене Бог помог бы не европейцам, то есть немцам, а мусульманам, или магометанам, потому что, если бы они добились победы под Венной, тогда еврейское христианство не смогло бы распространиться по всей Европе, и у нас действительно была бы германская культура, а не еврейская³⁰⁹.

Нам неизвестно, насколько правдив рассказ аль-Хусейни и кто у кого позаимствовал умозаключения относительно кампании 1683 года – Гимmlер у Бергера или наоборот. Как бы то ни было, позитивное отношение Бергера к исламу неоднократно проявлялось в его директивах при организации мусульманских подразделений (см. часть III).

Наконец, сам Гитлер не меньше своих соратников был увлечен исламом. В «Майн кампф» он отмечал быстрое «продвижение» «магометанской веры» в Африке и Азии, по сравнению с которым христианские миссионеры «могут похвастаться лишь очень скромными успехами»³¹⁰. Вместе с тем, однако, он пренебрежительно добавлял, что «священная война» в Египте вскоре закончится под пулями британских пулеметов³¹¹.

После войны Ильза, сестра Евы Браун, вспоминала, что Гитлер часто обсуждал исламскую религию с ней и Евой³¹². В своих застольных беседах фюрер неоднократно сравнивал ислам с христианством, принижая последнее – особенно католичество. По контрасту с исламом, верой, по Гитлеру, сильной и практичной, христианство изображалось им мягкой, искусственной, слабой религией страдания³¹³. В то время как ислам был религией для жизни здесь и сейчас, объяснял Гитлер своему ближнему кругу, христианство – это религия будущего царства, которое по сравнению с раем, обещанным исламом, представлялось в высшей степени непривлекательным.

³⁰⁷ Ibid., 125–126.

³⁰⁸ Ibid., 124.

³⁰⁹ Эрих фон дем Бах (Зелевски), протокол допроса, вел м-р Петерсен, б. д. (1945– 1947), б. м. (Нюрнберг), USHMA, RG 71, Box 237.

³¹⁰ Hitler, *Mein Kampf*, 292–293; в своем берлинском бункере будет высказывать сходные мысли в последние дни нацистского режима, см.: *Hitlers politisches Testament: Die Bormann Diktate vom Februar und April 1945*, intr. H. R. Trevor-Roper, afterw. André François-Poncet (Hamburg, 1981), 54–59 (7 февраля 1945 г.), 56.

³¹¹ Hitler, *Mein Kampf*, 747.

³¹² Ильза Браун рассказала это в разговоре с Вернером Мазером в мае 1971 года, см.: Werner Maser, *Adolf Hitler: Legende – Mythos – Wirklichkeit* (Cologne, 1971), 475. Хотя заявления Мазера следует воспринимать с осторожностью, эти слова в контексте общего отношения Гитлера к исламу кажутся вполне правдоподобными.

³¹³ О взглядах Гитлера на христианство и, в частности, на католичество см. классическую работу: J.S. Conway, *The Nazi Persecution of the Churches 1933–45* (London, 1968), passim; альтернативная точка зрения— Richard Steigmann-Gall, *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945* (Cambridge, 2003), passim.

Для Гитлера религия была средством практического поддержания человеческой жизни на Земле, а не самоцелью. «Заповеди, предписывающие людям мыться, избегать определенных напитков, поститься в назначенные сроки, делать физические упражнения, вставать на рассвете, забираться на верхушку минарета, изобрели умные люди», – заметил он в октябре 1941 года в присутствии Гимmlера³¹⁴. «Проповедь мужества в бою также самоочевидна. Заметьте, кстати, что в итоге мусульманину [*sic*] обещают рай, полный гурий, где вино течет ручьями, – настоящий земной рай», – восторгался Гитлер. Христианство, напротив, не обещало ничего сопоставимого: «Христиане довольствуются тем, что после смерти им разрешено петь аллилуйя!»³¹⁵.

Два месяца спустя он выразился в том же ключе: «Я могу представить, что люди восторженно относятся к раю Магомета [*sic*], но не к вялому раю христиан!»³¹⁶. Гитлер также сравнивал ислам с другими азиатскими религиями, которыми он восхищался. «Как и в исламе, в японской государственной религии нет никакого терроризма, а наоборот, обещание счастья», – заявил он 4 апреля 1942 года³¹⁷. Напротив, христианство «универсализировало» «терроризм религии», что, в глазах Гитлера, стало результатом засилья «еврейской догмы». Несколькими месяцами позже фюрер в очередной раз поносил католическую церковь, которую, по его словам, немцам навязали «еврейской грязью и поповской болтовней». Гнев Гитлера теперь вызвало то, что христианство как будто неотступно преследовало немцев, «в то время как в других частях земного шара религиозные учения Конфуция, Будды и Мухаммада предлагали несравненно более широкую основу для религиозного мирозерцания»³¹⁸. Громя приверженность «доказанной неправде», присущую христианской церкви, он снова обратился к исламу³¹⁹: «Наши знания о Творце не сильно расширяются, когда кто-то предъявляет нам сухую копию человека в качестве своего представления о Божестве. В этом отношении по крайней мере мусульманин более просвещен, ибо он говорит: человек не удостоился возможности сформировать представление об Аллахе». Развивая тему, Гитлер размышлял об истории ислама. Мусульманский период Пиренейского полуострова он назвал «самой культурной, самой интеллектуальной и во всех отношениях самой лучшей и счастливой эпохой в истории Испании», за которой «последовала полоса [религиозных] гонений с ее беспримерными зверствами»³²⁰.

Ранее фюрер уже высказывал эту точку зрения. После войны Альберт Шпеер вспоминал, что Гитлер был очень впечатлен интерпретацией истории, которую он узнал от некоторых выдающихся мусульман. Слово Шпееру:

Когда магометане в VIII веке попытались проникнуть за пределы Франции в Центральную Европу, рассказали [Гитлеру] посетители, их отбросили назад в битве при Туре³²¹. Если бы арабы выиграли ту битву, мир бы сегодня был мусульманским, ибо религия ислама уповает на распространение веры мечом и подчинение ей всех народов. Германские народы стали бы наследниками этой религии. Такая вера идеально подходит германскому

³¹⁴ *Hitler's Table Talk 1941–1944*, ed. H. R. Trevor-Roper and transl. Norman Cameron and R.H.Stevens (London, 1953), (14 октября 1941 г., день, особый гость: Гимmlер), 60. Немецкой версии этого эпизода нет. В *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, ed. by Henry Picker (Stuttgart, 1976) отсутствует запись от 14 октября 1941 г.

³¹⁵ *Ibid.*

³¹⁶ *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, 80–82 (13 декабря 1941 г., день), 81.

³¹⁷ *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, 184–189 (4 апреля 1942 г., день), 184.

³¹⁸ *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier*, 355–356 (5 июня 1942 г., день), 355.

³¹⁹ *Hitler's Table Talk*, (1 августа 1942 г., вечер), 606. Немецкой версии нет. *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier* заканчиваются 31 июля 1942 г.

³²⁰ *Ibid.*, (1 августа 1942 г., вечер), 607.

³²¹ В отечественной историографии более известна как битва при Пуатье (732 г.). Войска франков под началом майордома Австразии Карла Мартелла разбили войско Омейядского халифата, наступавшее из мусульманской Испании. Считается, что эта битва остановила экспансию ислама на европейские земли. – *Прим. пер.*

темпераменту. Гитлер сказал, что завоеватели-арабы из-за своей расовой неполноценности в конечном итоге не смогли бы противостоять суровому климату и природным условиям страны. Они не могли удержать в узде более энергичных местных жителей, так что в конечном итоге во главе этой мусульманской империи оказались бы не арабы, а исламизированные немцы³²².

Здесь Гитлер различает ислам и «расу» его последователей. Воспринимая ислам в качестве высшей религии, ее арабских приверженцев он описывал как низшую «расу». Однако Гитлер не считал ислам «семитской» религией, отделяя веру от «расы». Несмотря на все свое увлечение исламом как религиозной системой, к «расе» его последователей он относился как к редко подмечаемой, но серьезной проблеме. Он завершил свое историческое рассуждение об исламском завоевании Европы следующей репликой: «Понимаете, наше несчастье в том, что мы получили неправильную религию... Магометанская вера гораздо более подходит нам, чем христианство. И почему нашей религией стало учение Христа с его кротостью и дряблостью?»³²³.

Адъютант Гитлера, Николас фон Белов, также вспоминал в своих мемуарах, что Гитлер был впечатлен мыслью, согласно которой победа Карла Мартелла над арабами в 732 году способствовала распаду Европы. Именно Ага-хан III³²⁴, выпускник Итона и тогдашний председатель Лиги Наций, в октябре 1937 года посетивший Гитлера в Оберзальцберге, увлек фюрера идеей того, что «ислам мог сохранить единство Европы»³²⁵. Белов пишет: «Гитлер увидел, что его собственные взгляды на историю подтверждает Ага-хан. Он часто проявлял симпатию к исламу». Два года спустя, летом 1939 года, Гитлер обсудил тот же вопрос с послом Саудовской Аравии Халидом аль-Худом аль-Каргани на приеме в Бергхофе. Вернер Отто фон Хентиг, присутствовавший на встрече, сообщил: «Обсуждалась мысль, брошенная Халидом аль-Худом: что стало бы с Европой, если бы Карл Мартелл не победил сарацин, а вместо этого вселил бы в них германский дух и, вдохновленный германской динамичностью, изменил бы ислам на свой манер?». «Фюрер назвал этот ход мыслей весьма заманчивым», – отметил Хентиг³²⁶. Родилась ли данная идея в голове аль-Худа (как утверждал Хентиг) или Гитлер заимствовал ее двумя годами ранее от Ага-хана (как пишет Белов), а затем снова обсудил ее с арабским послом – это остается под вопросом. В любом случае Гитлер был заинтригован такой исторической гипотезой. Специальный представитель министерства иностранных дел на Балканах Герман Нойбахер также отметил в своей автобиографии, что «Гитлер проявлял большую симпатию к исламу» и высказывал следующее убеждение: «Если бы немцы стали мусульманами, они достигли бы в истории большего»³²⁷. По словам Нойбахера, Гитлер описывал ислам как «религию мужчин» (*Männerreligion*). Восприятие ислама сквозь призму гендерных категорий, представление о том, что эта религия сильная, мужественная, боевая, неоднократно высказывали как Гиммлер, так и Гитлер. Генри Пиккер, сотрудник юридической службы в главной ставке фюрера, делавший там записи застольных разговоров, вспоминал, что Гитлер часто хвалил «установки» «солдат ислама»³²⁸.

³²² Albert Speer, *Inside the Third Reich* (New York, 1970), 96.

³²³ Цитируется там же.

³²⁴ Султан Мухаммад-шах Ага-хан III (1877–1957) – духовный лидер, 48-й имам мусульманской шиитской общины исмаилитов. Играл важную роль в политической жизни Индии. – *Прим. пер.*

³²⁵ Nicolaus von Below, *Als Hitlers Adjutant* (Mainz, 1980), 45 [в русском переводе воспоминаний Белова этот фрагмент дан в сокращенном виде. – *Прим. пер.*].

³²⁶ Хентиг, записка («Aufzeichnung über den Empfang des Sondergesandten von König Abdul Aziz Ibn Saud, des Königlichen Rats Khalid Al Hud al Gargani»), 20 июня 1939 г., Берлин, PA, R35504.

³²⁷ Hermann Neubacher, *Sonderauftrag Südost 1940–1945: Bericht eines fliegenden Diplomaten*, (Göttingen, 1956), 33.

³²⁸ *Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942*, ed. Henry Picker and Gerhardt Ritter (Stuttgart, 1951), 16.

Наши знания о том, какие представления об исламе были распространены среди нацистской элиты, в основном взяты из мемуаров и послевоенных свидетельств, которые, конечно же, следует воспринимать с осторожностью. Тем не менее из этих текстов возникает удивительно целостная картина идеологических представлений об исламе, бытующих в высших эшелонах власти рейха. Причем восхищение исламом ни в коем случае не ограничивалось разговорами нацистских бонз за закрытыми дверями: аналогичные взгляды высказываются также в ряде книг и статей, опубликованных в Германии в 1930-х и 1940-х годах.

Важнейшей фигурой, продвигавшей идеологическую интерпретацию ислама в Германии, был нацистский пропагандист Иоганн фон Леерс, который обосновывал мысль об исторической враждебности между исламом и иудаизмом. Коран, утверждал он в статье, появившейся на страницах пропагандистского журнала *Die Judenfrage* в конце 1942 года, описывал евреев как сатанинское отродье³²⁹. Исламский мир держал евреев в подчиненном положении, тогда как в Европе им позволили эмансипироваться. Именно ислам не дал арабам подчиниться иудаизму. Исламская борьба с «еврейской проблемой» началась уже во времена пророка Мухаммада³³⁰. «Одним из несомненных результатов враждебности Мухаммада по отношению к евреям стало то, что восточное еврейство было полностью парализовано исламом, — заявлял Леерс. — Если бы остальной мир принял аналогичный подход, у нас сейчас не было бы никакого еврейского вопроса»³³¹. Евреи, разъяренные отношением к ним на мусульманских землях, стали самыми яростными заговорщиками против ислама — именно они подогревали христианскую полемику против мусульман. «Таким образом, и крестовые походы были в немалой степени подготовлены этой еврейской агитацией». Наконец, Леерс высоко оценил «бесмертный вклад исламской религии» в оборону от иудаизма. «Ислам, — заключал он, — открыл для многих народов путь к высшей культуре и дал своим приверженцам образование и благородный человеческий облик. Это до сих пор делает мусульманина, который серьезно относится к своей вере, одним из самых достойных явлений в нашем хаотическом мире»³³². В другой статье Леерс снова предостерегал от «христианских нападков» на ислам: «Для благочестивого мусульманина, безусловно, еврей является врагом — в отличие от обычного неверующего, который может быть обращен в ислам или, не будучи мусульманином, способен оставаться достойным человеком. Еврей есть predetermined [судьбой] враг, который уже хотел уничтожить плоды трудов Пророка»³³³. После войны Леерс обосновался в Египте, где принял ислам и получил имя Омар Амин фон Леерс. Еще одним нацистским пропагандистом, распространявшим подобные идеи, была Эльза Марквардсен-Кампховенер, публицистка и писательница. Она выросла в Стамбуле, но после Первой мировой переехала в Германию, где много писала на исламские сюжеты. В разгар войны Марквардсен-Кампховенер опубликовала в журнале *Wir und die Welt* статью «Ислам и ее основатель», предложив антиеврейскую интерпретацию жизни Пророка³³⁴. Во времена Мухаммада евреи впервые проявили враждебность к мусульманам, «которая существует поныне и будет существовать до тех пор, пока есть мусульмане», — объясняла она³³⁵.

³²⁹ Johann von Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», *Die Judenfrage in Politik, Recht, Kultur und Wirtschaft* 6, 24 (1942), 275–278, 278. О Леерсе см.: Gregory Paul Wegner, «A Propagandist of Extermination: Johann von Leers and the Anti-Semitic Formation of Children in Nazi Germany», *Paedagogica Historica* 43, 3 (2007), 299–325, о его взглядах на ислам — 305 и 318–320; Zimmermann, «Mohammed als Vorbote der NS-Judenpolitik?», 301; и Herf, *The Jewish Enemy*, 180–181.

³³⁰ Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», 276.

³³¹ Ibid., 278.

³³² Ibid.

³³³ Johann von Leers, «Islam und Judentum im Laufe der Jahrhunderte», *Der deutsche Erzieher: Reichszeitung des Nationalsozialistischen Lehrerbundes* 5 (1938), 427–429, цитаты на с. 427 и 429.

³³⁴ Else Marquardsen-Kamphövener, «Der Islam und sein Begründer», *Wir und die Welt* 3, 4 (1941), 45–56. Эта статья была перепечатана в двух частях в: *Die Auslese*, часть 1 (сентябрь 1941 г., 612–617) и часть 2 (октябрь 1941 г., 677–682).

³³⁵ Marquardsen-Kamphövener, «Der Islam und sein Begründer», *Die Auslese*, часть 2, 678.

В годы войны в немецких газетах печаталось множество статей с похожими идеями³³⁶. Министерство пропаганды неоднократно давало прессе указания продвигать позитивный образ ислама. Даже до войны Геббельс предупреждал редакции газет и журналов о том, что любая критика ислама «нежелательна»³³⁷. Призывая журналистов отдавать должное «исламскому миру как культурному фактору», министерство пропаганды осенью 1942 года поручило печатным СМИ отбросить негативные представления об этой религии, которые на протяжении веков распространялись христианскими богословами – и вместо этого содействовать сближению с исламским миром (который описывался как антибольшевистский и антиеврейский)³³⁸. О сходстве между евреями и мусульманами (например, в запрете есть свинину и обряде обрезания) рекомендовалось не упоминать. Через несколько месяцев пришла новая инструкция: журналы должны писать о «США как о врагах ислама»³³⁹. В начале 1943 года вышла аналогичная директива: надо подчеркивать враждебность Америки и Британии по отношению к мусульманской религии³⁴⁰. Весной того же года министерство поручило немецким журналистам сообщать о «гонениях на магометан со стороны Советов»³⁴¹. Примеры репрессий против мусульман и их веры на окраинах СССР и оккупированных территориях должны были использоваться в качестве повода для рассуждений о Советском Союзе как о враге ислама в целом. Причиной враждебности «советских евреев» к исламу объявлялось то, что мусульмане, по сравнению с другими меньшинствами в Советском Союзе, оказали самое сильное сопротивление большевизму. Впрочем, инструкции министерства пропаганды имели ограниченное влияние, поскольку далеко не все пропагандисты и партийные идеологи следовали официальной линии по исламскому вопросу. Например, известный нацистский журналист Гельмут Зюндерман в конце 1944 года опубликовал в *Völkischer Beobachter* статью, где сравнил ислам с большевизмом. Сотрудники СС встревожились, написали жалобу (напирая на то, что журналист оскорбил читателей-мусульман) и потребовали более строгой цензуры³⁴².

Идеологические интерпретации исламской истории, перекликающиеся с представлениями элиты, идеологов и пропагандистов режима, встречаются (хотя в более утонченной форме) и в академических трудах, вышедших после 1933 года, – особенно в работах немецких ориенталистов³⁴³. В публичной лекции об исламском искусстве, прочитанной в 1934 году в Берлине,

³³⁶ Различные статьи на исламскую тему, опубликованные в немецкой прессе во время войны, цитируются на страницах этой книги.

³³⁷ Инструкция по поводу пресс-конференции («Anweisung der Pressekonferenz»), 18 мая 1938 г., Берлин, ВАК, ZSg 102/10; также в: Hans Bohrmann and Gabriele Toepser-Ziegert (eds.), *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit: Edition und Dokumentation*, vol. 6/II (Munich, 1999), 1427. Двумя годами ранее министерство пропаганды рекомендовало прессе воздержаться от сообщений о «священной войне», так как ислам был слишком раздроблен, чтобы счесть такую войну реалистичной, см. инструкцию по поводу пресс-конференции («Anweisung der Pressekonferenz»), 2 ноября 1935 г., Берлин, ВАК, ZSg 102/1; также в: Bohrmann (ed.), *NS-Pressenanweisungen der Vorkriegszeit*, vol. 3/II, 729.

³³⁸ Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.). Эти инструкции были подробно обоснованы в: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.).

³³⁹ Министерство пропаганды, инструкции («Die USA als Feinde des Islam»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 7976 (4 декабря 1942 г.).

³⁴⁰ Министерство пропаганды, инструкции («USA auch in Vorderasien»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8435 (26 февраля 1943 г.).

³⁴¹ Министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Zeitschriften-Dienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.). Эти инструкции были доработаны в: Министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

³⁴² Олыша – Долецалеку (Главное управление СС), 14 декабря 1944 г., Берлин, ВАВ, NS31/61, где отсылка к: Helmut Sündermann, «Wir klagen an: Krieg als Prinzip der Krempolitik», *Völkischer Beobachter* (29 ноября 1944 г.).

³⁴³ Исследователи истории германского востоковедения при нацистском режиме пока еще не рассмотрели системно академические дискуссии на тему ислама. О востоковедении в Третьем рейхе см.: Ludmilla Hanisch, «Akzentverschiebung: Zur Geschichte der Semitistik und Islamwissenschaft während des 'Dritten Reichs,'» *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte* 18 (1995), 217–226; Hanisch, *Die Nachfolger der Exegeten*, 114–173, особенно 159–166; Ekkehard Ellinger, *Deutsche Orientalistik zur Zeit des Nationalsozialismus 1933–1945* (Neckarhausen, 2006), особенно 319–322, 362–367; Suzanne Marchand, «Nazism, Orientalism and Humanism», in Wolfgang Bialas and Anson Rabinbach (eds.), *Nazi Germany and the Humanities* (Oxford, 2007), 267–305, особенно

уважаемый востоковед Эрнст Кюнель развивал теорию близости между культурой северных народов и исламом³⁴⁴. Из-за сходства культур, рассказывал Кюнель своей аудитории, норманны проявили большую симпатию к исламскому искусству и исламской культуре после завоевания Сицилии. Ислам более соответствовал «нордической природе» (*nordisches Menschen-tum*) завоевателей, чем культура «франкского мира», которую они всегда воспринимали как нечто чуждое³⁴⁵. Кюнель был отнюдь не единственным востоковедом, проводящим такие связи. В своих «Заметках о современном исламе» выдающийся ориенталист Ганс Генрих Шедер также предположил, что между германскими народами и мусульманами существует определенная близость³⁴⁶. Шедер подчеркивал враждебность пророка Мухаммада к евреям – как и его коллеги Франц Ташнер из Мюнстерского университета³⁴⁷. Иоганн Фюк, профессор востоковедения из Франкфуртского университета, изобразил Мухаммада сильным и умным лидером, а ислам – оплотом «народного духа» (*völkisch*), препятствовавшим «проникновению иноземных элементов» (*Überfremdung*)³⁴⁸. Похожие идеи можно найти в трудах теоретика расы Фердинанда Клауса. Соратник и соперник Ганса Ф. К. Гюнтера, Клаус был одним из главных идеологов расизма: его книга «Раса и душа» (*Rasse und Seele*) стала одной из самых влиятельных работ в этой области. В своих книгах он настаивал на явной близости между «нордической расой» и исламом³⁴⁹. К концу войны Клаус также писал отчеты для Главного управления СС о «точках соприкосновения» между «освободительной борьбой ислама» и войной, которую вела Германия. Клаус предлагал пропагандировать «общность в мировоззрении» между национал-социализмом и Кораном³⁵⁰. В тексте «Подготовка операции для привлечения исламских народов» он размышлял о вековой дружбе между немцами и мусульманами и указывал на «идеологическую близость... национал-социализма... и исламских верований»³⁵¹. Однако попытки Клауса участвовать в выработке политической линии рейха в отношении мусульман не увенчались успехом; он, впрочем, остался большим поклонником ислама и после войны перешел в эту веру.

Наконец, все основные геополитики, затрагивавшие тему ислама (в первую очередь Шмиц, Линдемман и Райхардт) тоже отстаивали идейную близость между нацизмом и исламом. Шмиц прямо упоминал антиеврейские цитаты из Корана³⁵². Линдемман заявлял, что «ислам и национал-социализм обнаруживают многочисленные параллели и аналогии». Он упоминал нацистский принцип лидерства (*Führerprinzip*), который, по его мнению, совпадал с идеей халифата (халиф, по Линдемману, был «фюрером правоверных»), безусловную верность мусульман и нацистов их борьбе и, наконец, приверженность дисциплине³⁵³. Обосновывая свои тезисы, Линдемман приводил примеры из Корана и жизни пророка Мухаммада³⁵⁴. Томас Райхардт, со

294–296; и Wokoeck, *German Orientalism*, 185–209, особенно 204.

³⁴⁴ Ernst Kühnel, «Islamische Kunst», in Hans Heinrich Schaeder (ed.), *Der Orient und Wir: Sechs Vorträge* (Berlin, 1935), 54–68; см. также Ernst Kühnel, «Nordische und islamische Kunst», *Die Welt als Geschichte* 1 (1935), 203–217; и Ernst Kühnel, «Nordische und islamische Kunst», *Westdeutsche Zeitung* 10 (19 и 20 февраля 1935 г.).

³⁴⁵ Kühnel, «Islamische Kunst», 67.

³⁴⁶ Hans Heinrich Schaeder, «Bemerkungen zum modernen Islam», *Süddeutsche Monatshefte* 33 (1936), 549–553.

³⁴⁷ Hans Heinrich Schaeder, «Muhammed», in Hans Heinrich Schaeder, Walther Björkman, Reinhard Hüber, et al (eds.), *Arabische Führergestalten* (Heidelberg, 1944), 1–72; и Franz Taeschner, *Geschichte der arabischen Welt* (Heidelberg, 1944), 45–46.

³⁴⁸ Johann Fück, «Die Originalität des arabischen Propheten», *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 90 (1936), 509–525, 525.

³⁴⁹ Felix Wiedemann, «Der doppelte Orient: Zur völkischen Orientromantik des Ludwig Ferdinand Clauß», *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte* 1 (2009), 1–24, особенно 16–17.

³⁵⁰ Клаус, отчет («Erster Bericht über den Sonderauftrag Clauß 'Die Rassen im Kampf'»), 13 ноября 1944 г., Рютник, ВАВ, NS31/171.

³⁵¹ Клаус – Шпарману, 26 февраля 1945 г., Рютник, ВАВ, NS31/171.

³⁵² Schmitz, *All-Islam*, 219.

³⁵³ Lindemann, *Islam im Aufbruch*, 3 and 4.

³⁵⁴ *Ibid.*, 4.

своей стороны, охарактеризовал ислам как «авторитарную и тотальную» политическую силу³⁵⁵. Ислам описывался им как «главный враг» «демократических держав» и «большевизма»³⁵⁶. Борясь с негативным восприятием ислама, которое, по его мнению, распространялось церковью, Райхардт характеризовал ислам как современное и революционное учение³⁵⁷. Теоретик панисламизма Заки Али подробно развивал подобные идеи в последней главе своей книги³⁵⁸. По его словам, после Первой мировой войны ислам, подобно Германии при Гитлере, пережил процесс радикального обновления. Нацизм и ислам объединяла ненависть к большевизму, а халиф был не чем иным, как «фюрером правоверных» (Заки Али использовал это выражение еще до Линдемана)³⁵⁹. «Как и в национал-социализме, в исламе идеальное государство выражается в *Führerprinzip*, так как ислам не знает никаких династий», – утверждал Заки Али.

Аналогичные взгляды в Германии высказывали и другие мусульманские авторы. Примечательна в этом отношении книга «Ислам, иудейство, большевизм» (*Islam, Judentum, Bolschewismus*), опубликованная в 1938 году Мухаммедом Сабри³⁶⁰. Для него Коран и мусульманская вера представлялись лучшим заслоном против большевизма: «Глубокая связь между мусульманами и их религией безусловно гарантирует, что большевизм никогда не сможет закрепиться в исламских странах»³⁶¹. Более того, Сабри подчеркивал, что иудаизм был заклятым врагом ислама с древних времен³⁶². Опираясь на убежденность нацистов в существовании связей между иудаизмом и большевизмом, он объяснял: «Иудейский менталитет создал большевизм, и большевизм – носитель еврейского менталитета. Он придуман евреями и возглавляется евреями – вот почему большевизм выступает естественным врагом ислама»³⁶³. Сабри пытался обосновывать свои идеи цитатами из Корана, других религиозных текстов и ссылками на жизнь Мухаммада. Книга была издана Высшей немецкой политической школой в серии *Ideen und Gestalt des Nationalsozialismus*, посвященной идеологическому воспитанию немцев. В том же духе была написана брошюра об исламе и национал-социализме, принадлежавшая перу мусульманского писателя, который жил в оккупированном немцами Париже³⁶⁴. В 1940 году немецкие цензоры обдумывали публикацию текста под названием «Пророк Мухаммад и евреи» (*Der Prophet Mohamed und die Juden*), написанного сирийским писателем Зеки Кирамом, который служил в османской армии и переехал в Берлин во время Первой мировой войны³⁶⁵. Зеки Кирам учился у Рашида Риды и был достаточно известным мусульманским публицистом; какое-то время он работал переводчиком в министерстве иностранных дел. В итоге,

³⁵⁵ Reichardt, *Der Islam vor den Toren*, 321.

³⁵⁶ Ibid., 328.

³⁵⁷ Ibid., 85–92.

³⁵⁸ Zaki Ali, «Großdeutschland und der Islam», 329–340.

³⁵⁹ Ibid., 340.

³⁶⁰ Mohammed Sabry, *Islam, Judentum, Bolschewismus* (Berlin, 1938). Эта книга также повлияла на посвященное исламу творчество Иоганна фон Леерса, см.: Leers, «Judentum und Islam als Gegensätze», 277; кроме того, министерство пропаганды рекомендовало ее редакторам и журналистам, интересующимся исламом, наряду с другими книгами вроде *Der Islam im Aufbruch in Abwehr und Angriff* Линдемана *Der Islam vor den Toren* Райхардта, см.: Министерство пропаганды, инструкции («Die islamische Welt als Kulturfaktor»), *Deutscher Wochendienst*, no. 7514 (11 сентября 1942 г.); и министерство пропаганды, инструкции («Die Verfolgung der Mohammedaner durch die Sowjets»), *Deutscher Wochendienst*, no. 8577 (26 марта 1943 г.).

³⁶¹ Об исламе и большевизме см.: Sabry, *Islam, Judentum, Bolschewismus*, 5–21; цитата на с. 20.

³⁶² О исламе и иудаизме см.: ibid., 22–32.

³⁶³ Ibid., 15.

³⁶⁴ Saïda Savitri, *L'Islam devant le National Socialisme* (Paris, 1943).

³⁶⁵ О Кираме см.: Umar Ryad, «From an Officer in the Ottoman Army to a Muslim Publicist and Armament Agent in Berlin: Zekî Hishmat Kirâm (1886–1946)», *Bibliotheca Orientalis* 63, 3–4 (2006), 235–268; о связях Кирама с Ридой см.: Umar Ryad, *Islamic Reformism and Christianity: A Critical Reading of the Works of Muhammad Rashid Rida and His Associates* (Leiden, 2009), 14–15 and 49–53; подборка документов о Кираме: Умар Рийад, *Вата'ик Туджарат аль-Силах аль-Альмани аль-Джазира аль-Арабийя: Кира'а фи Арсиф Заки Кирам* (Документы о германской торговле оружием на Аравийском полуострове: выписки из архива Зеки Кирама), Каир, 1432/2011.

однако, его рукопись отвергли из-за «фактических ошибок»³⁶⁶. В 1942 году он сделал еще одну попытку и представил в издательство *SS Ahnenerbe* рукопись «Нордическая вера в Бога, ислам и дух времени» (*Nordischer Gottglaube, Islam und Geist der Zeit*)³⁶⁷. Однако этот проект также не удался. СС согласились со взглядами Кирама на ислам и его яростными нападками на католическую церковь, но были оскорблены его идеей о том, что христианская вера якобы связана с нордической расовой природой немецкого народа. Немецкая биография муфтия, написанная арабским публицистом Мансуром аль-Дином Ахмадом, встретила больше одобрения со стороны немецких властей. В конце 1942 года министерство иностранных дел направило рукопись книги в министерство пропаганды, заявив, что публикация не вызовет проблем³⁶⁸. Министерство пропаганды было готово напечатать ее тиражом в 10 тысяч экземпляров, вдвое превышавшим обычную норму военного времени. Но, хотя издание книги было одобрено властями, она, кажется, так и не вышла. Однако в 1943 году в Берлине издали биографию муфтия на немецком языке, написанную Куртом Фишером-Ветом³⁶⁹. Она содержала обычные восхваления мусульманской веры и провозглашала «возрождение исламской мощи»³⁷⁰.

В сентябре 1943 года НСДАП прямо заявила, что принимает в свои ряды «последователей ислама»³⁷¹. В циркуляре, подписанном лично Мартином Борманом, подчеркивалось, что, поскольку партия принимала христиан в качестве членов, нет причин исключать мусульман. Это решение юридически оформляло отсутствие у нацистского руководства идеологических подозрений относительно ислама.

³⁶⁶ Мартини (МИД), записка, 2 августа 1940 г., Берлин, PA, R60619.

³⁶⁷ Обсуждение рукописи см. в документах в: BAV, NS21/397.

³⁶⁸ Тишмер (МИД) – Эттелю, 23 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27327.

³⁶⁹ Kurt Fischer-Weth, *Amin Al-Husseini: Großmufti von Palästina* (Berlin, 1943).

³⁷⁰ Fischer-Weth, *Amin Al-Husseini*, 8.

³⁷¹ Борман (канцелярия НСДАП), циркуляр («Zugehörigkeit von Parteigenossen zum Islam»), 2 сентября 1943 г., б. м., BAV, NS6/342.

3

Ислам и война в Северной Африке и на Ближнем Востоке

УТРОМ 11 февраля 1941 года немецкие войска высадились на побережье около Триполи в управляемой итальянцами Ливии. В течение нескольких месяцев они успешно наступали в направлении Каира и Суэцкого канала. Одновременно Берлин начал в регионе мощную и насыщенную религиозной тематикой пропагандистскую кампанию, изображающую Германию в качестве защитника правоверных.

Население большей части Северной Африки и Ближнего Востока в то время находилось под прямым или косвенным управлением колониальных империй. В XIX веке, когда Османская империя распалась, европейские державы взяли под свой контроль Северную Африку и после окончательного краха государства османов стали управлять огромными ближневосточными территориями. Накануне Второй мировой войны фашистская Италия держала Ливию в тисках жестокого колониального режима. Франция управляла Алжиром и двумя протекторатами, Тунисом и Марокко (за исключением северной прибрежной полосы испанского Марокко). Она же контролировала подмандатную Сирию и Ливан. Великобритания владела Египтом, Палестиной, Трансиорданией, Ираком и другими территориями, создав обширную, хотя и неофициальную, империю на Ближнем Востоке³⁷². В то же время организованная сионистами массовая миграция евреев в находившуюся под британским контролем Палестину рассматривалась местными жителями как проявление европейской колонизации, что оборачивалось бунтами и беспорядками. Самым заметным в этом ряду стало Арабское восстание 1936–1939 годов.

С первых же дней власти европейских империй сталкивались с различными формами сопротивления. Антиколониальный национализм укреплялся, особенно среди городских элит. Одной из наиболее устойчивых и популярных сил антиимперской мобилизации выступала религия. Антиколониализм и ислам тесно переплетались друг с другом: религиозные лидеры возглавляли движения против европейских империй и использовали мусульманскую риторику, чтобы объединить верующих. Ярче всего этот феномен проявлял себя в Северной Африке, где почти каждое крупное антиколониальное восстание с XIX века сопровождалось призывом к вооруженному джихаду³⁷³. Британской империи часто приходилось подавлять выступления мусульман; самым знаменитым из них стало движение махдистов в Судане. За французскими завоеваниями в Северной Африке последовало множество подобных бунтов, в том числе восстание эмира Абд аль-Кадира и ордена кадирия. На рубеже XIX–XX веков французы оказались втянутыми в колониальную войну против воинов Мухаммеда ибн Али ас-Сенуси и его исламского ордена в Южной Сахаре. Позже те же сенуситы начнут священную войну против завоевания Италией ливийской Киренаики. Итальянцы подавляли сопротивление ордена с большой жестокостью, отметив окончательный разгром сенуситов публичным повешением их престарелого шейха Умара аль-Мухтара в 1931 году³⁷⁴.

Гитлер изначально не планировал вторгаться в Северную Африку или ввязываться в ближневосточные дела; он всегда считал, что власть колониальных империй над этими зем-

³⁷² John Darwin, «An Undeclared Empire: The British in the Middle East, 1918–39», *Journal of Imperial and Commonwealth History* 27, 2 (1999), 159–176.

³⁷³ Peters, *Islam and Colonialism*, 39–104, и Keddie, «The Revolt of Islam», 481–485, дают хороший общий обзор.

³⁷⁴ Romain Rainero, «La capture: L'exécution d'Omar El-Mukhtar et la fin de la guérilla libyenne», *Cahiers de Tunisie* 28, 111–112 (1980), 59–74.

лями – правильна и справедлива. В течение 1930-х годов Берлин мало интересовался союзом с мусульманами региона. Ярким примером отсутствия интереса к арабским вопросам было соглашение Хаавара (соглашение о трансфере), которое Берлин подписал с Еврейским агентством летом 1933 года. Договор определял условия выезда немецких евреев в Палестину и вызвал серьезные подозрения среди мусульман региона и за его пределами³⁷⁵. В целом Берлин относил Ближний Восток к итальянской, испанской, французской и британской сферам интересов. После разгрома Франции Гитлер даже позволил режиму Виши сохранить французские владения в Магрибе и Машрике³⁷⁶, вместе с остальными частями ее колониальной империи. Знаменитая «Арабская прокламация» (*Arabienerklärung*) 1940 года лишь говорила о немецких «дружеских чувствах к арабам», не более того³⁷⁷.

Именно ситуация на фронтах втянула Германию в ближневосточные дела³⁷⁸. В конце 1940 года итальянские войска под командованием генерала Родольфо Грациани, сражавшиеся в Северной Африке с англичанами, были вынуждены перейти к обороне. Чтобы предотвратить военную катастрофу и разгром итальянцев, Гитлер направил в начале 1941 года в Ливию Африканский корпус Роммеля. В течение следующих двух лет немецкие войска воевали в Тунисе, Ливийской пустыне и на западной окраине Египта. В Египте они наступали до июля 1942 года, пока не дошли до Эль-Аламейна, небольшой железнодорожной станции в пустыне, находившейся всего в 150 милях от Каира. После поражения, нанесенного им там Восьмой армией Бернарда Монтгомери в начале ноября 1942 года, немцы быстро отступили. В том же месяце англо-американские войска высадились в Алжире и Марокко (операция «Факел»), чтобы поддержать Монтгомери и добить остатки танковой армии Роммеля. В январе 1943 года немцы отступили в Тунис, а 13 мая 1943 года генерал-полковник Ханс-Юрген фон Арним, который за несколько месяцев до того сменил Роммеля на посту главнокомандующего сил Оси в Северной Африке, капитулировал в Тунисе.

Участие в боевых действиях в Магрибе изменило стратегическое мышление рейха и взгляды Берлина на ближневосточный регион³⁷⁹. После вторжения в Советский Союз летом 1941 года германское командование разработало планы наступления из Северной Африки на Ближний Восток, чтобы там объединиться с войсками, идущими с Кавказа. Практически сразу в сферу военных интересов немцев попал Иран³⁸⁰. Уже летом 1941 года Берлин был втянут в закончившийся позже неудачей государственный переворот Рашида Али аль-Гайлани в Ираке, отправив в Багдад специальную миссию под командованием генерала Гельмута Фельми³⁸¹. Аль-

³⁷⁵ Francis R. Nicosia, *The Third Reich and the Palestine Question* (Austin, TX, 1985), 29–49; более широкий взгляд на проблему: Francis R. Nicosia, «Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939: Ideological and Strategic Incompatibility», *International Journal of Middle East Studies* 12, 3 (1980), 351–372.

³⁷⁶ Собираетельное название арабских стран Восточного Средиземноморья: Сирия, Палестина, Ливан, Иордания, Ирак, иногда и Египет. – *Прим. пер.*

³⁷⁷ Сценарий радиопередачи «Deutsche Rundfunckerklärung vom 5. Dezember 1940», 7 февраля 1942 г., Берлин, PA, R28876 (также в: PA, R261123 and R261179). Höpp, «Nicht 'Alī zuliebe, sondern aus Hass gegen Mu'āwiya,» – тут рассказывается о контексте ситуации.

³⁷⁸ Подробный анализ военных действий в Северной Африке см. в: Martin Kitchen, *Rommel's Desert War: Waging World War II in North Africa, 1941–1943* (Cambridge, 2009).

³⁷⁹ Об арабском мире и Ближнем Востоке в целом см.: George Kirk, «The Middle East in the War» (Oxford, 1952); Mohamed-Kamal El Dessouki, «Hitler und der Nahe Osten» (PhD diss., Free University of Berlin, 1963); Tillmann, *Deutschlands Araberpolitik im zweiten Weltkrieg*; Hirsowicz, *The Third Reich and the Arab East*; Robert L. Melka, «The Axis and the Arab Middle East 1930–1945» (PhD diss., University of Minnesota, 1966); более общая картина: Schröder, *Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg*.

³⁸⁰ Об участии Германии в иранских делах см.: Djalal Madani, *Iranische Politik und Drittes Reich* (Frankfurt, 1986); о секретных разведывательных миссиях в оккупированном союзниками Иране см.: Burkhard Ganzer, «Virtuelle Kombattantenschaft und Cargo-Erwartung: Iranische Stämme und deutsche Agenten 1942–1944», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 189–198.

³⁸¹ О вмешательстве Германии в ситуацию в Ираке см.: Geoffrey Warner, *Iraq and Syria 1941* (London, 1974); Bernd Philipp Schröder, *Irak 1941* (Freiburg, 1980); и Majid Khadduri, *Independent Iraq 1932–1958: A Study in Iraqi Politics* (London, 1960), 212–243.

Хусейни, в то время находившийся в Ираке, в передачах на государственном радио призывал к «священной войне» против Великобритании³⁸². Англичане использовали свои военные ресурсы по максимуму и сорвали переворот. В те же месяцы подразделения Великобритании и «Свободной Франции» оккупировали Сирию и Ливан, находившиеся под управлением режима Виши, а англо-американские и советские войска вторглись в Иран. Они считали регион важным не только из-за его нефтяных месторождений, но и из-за геополитического положения.

Когда Германия проявила интерес к ближневосточному региону, местное население, особенно проживавшее в тылу союзников, стало восприниматься ею как стратегически значимое. В Магрибе, где армия зависела от растянутых линий снабжения, Берлин не мог позволить себе вступать в конфликты с местными мусульманами, проживающими вдоль прибрежных дорог. Но еще более важным казалось то, что прогермански настроенное население за линией фронта союзников могло ослабить позиции противника.

Пытаясь перетянуть на свою сторону последователей ислама, Берлин развернул массовую пропагандистскую кампанию в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Pamфлеты и радиопередачи должны были обеспечить поддержку мусульман в тылу немецких войск, усилить пораженческие настроения и побудить людей поднимать восстания в тылу союзников в Египте и других местах. Чиновники Уайтхолла³⁸³ «испытывают огромный страх перед мусульманами – этот факт является исключительно важным для нас, и мы будем постоянно использовать его в нашей пропаганде, направленной на Аравию», – отметил Геббельс в своем дневнике 8 августа 1942 года³⁸⁴. К тому времени, кстати, нацистская пропаганда, нацеленная на Северную Африку и Ближний Восток, уже стала достаточно интенсивной. Агенты стран Оси раздавали листовки, в которых, как писал автор *Foreign Affairs*, содержалось «их „евангелие“ для паломников, идущих в святые места и возвращавшихся обратно»³⁸⁵. Берлин распространял истории о якобы имевших место нападениях союзников на ислам и их «неправильном поведении, особенно в отношении мечетей и святых мест».

Фактически немецкая пропаганда в регионе продвигала политизированную версию ислама, представляя Германию как друга мусульман, а союзников рисуя их врагами. Берлин использовал исламскую риторику, терминологию и образы, обращаясь к религиозным доктринам и концепциям и интерпретируя их так, чтобы манипулировать мусульманами в политических и военных целях. Священные тексты (Коран) и предписания веры (джихад) политизировались с целью разжигания религиозного насилия против «общих врагов» ислама и нацизма, в первую очередь Британской империи, Соединенных Штатов, большевизма и еврейства. Помимо инвектив в адрес предполагаемых общих врагов, частыми топосами немецкой пропаганды выступали отсылки к ценностям, которые якобы сближали нацизм и ислам – идеалам порядка, лидерства и силы.

Ислам, антиколониализм и битва за Францию

Среди первых мусульман, подвергшихся в годы Второй мировой войны немецкой пропагандистской обработке, оказались солдаты из колоний, сражавшиеся во французской армии в битве за Францию³⁸⁶. Используя брошюры и громкоговорители, немцы призывали мусуль-

³⁸² Призыв аль-Хусейни к джихаду против Великобритании, сделанный 9 мая 1941 г., был напечатан в итальянском переводе: Al-Husseini, «Fetwà di Amin el-Huseini per la Guerra santa del maggio», *Oriente Moderno* 21 (1941), 552–553.

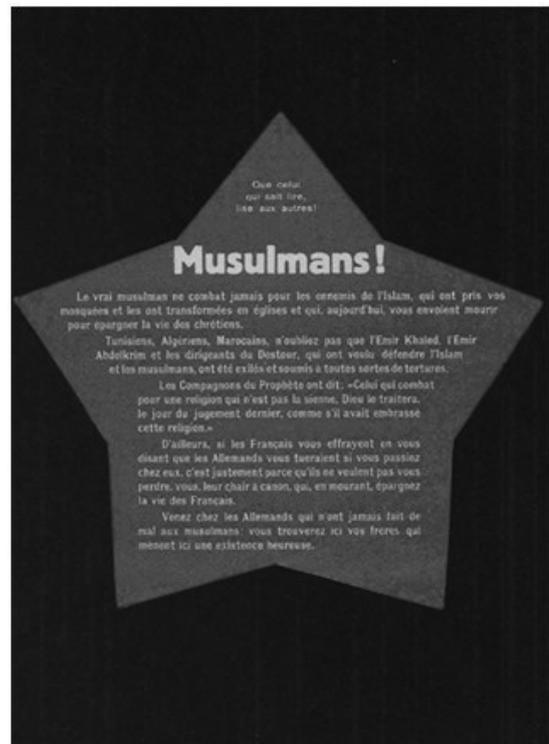
³⁸³ Уайтхолл – улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения. В переносном смысле это слово обозначает официальные правящие круги Великобритании. – *Прим. пер.*

³⁸⁴ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, ed. Fröhlich et al., part II, vol. 5, 270–278 (8 августа 1942 г.), 274–275.

³⁸⁵ Viton, «Britain and the Axis in the Near East», 370–384, 376.

³⁸⁶ Пропаганда, нацеленная на солдат-мусульман во французской армии и мусульман Северной Африки в мае-июне 1940 года, была исследована в работах: Charles-Robert Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant

манские части перейти на их сторону. Большая часть этой пропаганды основывалась на религиозной риторике, лозунгах и образах. Например, в начале 1940 года армейские пропагандисты сбрасывали за линией фронта листовки, напечатанные зеленой краской (цвет пророка Мухаммада) и написанные на французском и арабском языках. Адресатом этих посланий были «мусульмане» из Северной Африки³⁸⁷. Чтобы «достучаться» до простых солдат, арабский текст листовок печатали не на литературном языке, а на дариже (магрибский диалект арабского). Одна из листовок, выполненная в форме флага и украшенная изображением серебряной сабли, убеждала правоверных не защищать «врагов ислама» и призывала их дезертировать: «Переходите к немцам, они никогда не причиняли вреда мусульманам» (фото 3.1). Другая листовка, примерно с тем же сообщением, гласила: «Настоящий мусульманин никогда не сражается за врагов ислама, которые захватили твои мечети и превратили их в церкви, а сегодня посылают тебя умирать, чтобы спасти жизнь христиан» (фото 3.2). Обе листовки заставляли вспомнить недавнее прошлое антиколониального сопротивления в Северной Африке, отсылая к джихаду Абд аль-Карима в марокканском Рифе, лидеру алжирского сопротивления Халиду ибн Хашиму (Амиру Халиду), внуку Абд аль-Кадира, и антиколониальному движению в Тунисе. В вермахте и министерстве иностранных дел спорадические дискуссии о пропаганде для мусульманских солдат во французских войсках и о продвижении Третьего рейха в качестве «друга магометан» начались в конце 1939 года³⁸⁸. Одним из первых было выдвинуто предложение изготовить небольшие амулеты в форме «руки Фатимы» (*хамса*)³⁸⁹.

la Deuxième Guerre mondiale», *Revue d'Histoire Maghrébine* 7–8 (1977), 16–32, 21–22; Charles-Robert Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», *Revue d'Histoire de la Deuxième Guerre Mondiale* 29, 114 (1979), 1–39, 13–18 (эти две работы практически совпадают); Jamaâ Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», *Hespéris Tamuda*, 28 (1990), 91–106; Wagenhofer, «*Rassischer*» Feind – *politischer Freund?*, 72–82.

³⁸⁷ Листовка «Мусульмане» (в форме звезды), б. д. (1940), ВА–МА, RH 45/28; листовка «Мусульмане» (в форме флага), б. д. (1940), ВА–МА, RH 45/28.

³⁸⁸ Рихтер (офицер связи МИДа в 12-й армии) – Тухеру (МИД), 31 декабря 1939 г., б. м., РА, R60754.

³⁸⁹ Рихтер – Тухеру, 13 января 1940 г., б. м., РА, R60754. В этом письме и ответе на него (Тухер – Рихтеру, 28 февраля 1940 г., Берлин, РА, R60754) также упоминается листовка в форме «зеленого знамени Пророка», которая вполне может быть той, о которой говорится в прим. 16.

ФОТО 3.1. Немецкая пропагандистская брошюра, 1940 (источник: Федеральный архив Германии во Фрайбурге, ВА–МА)

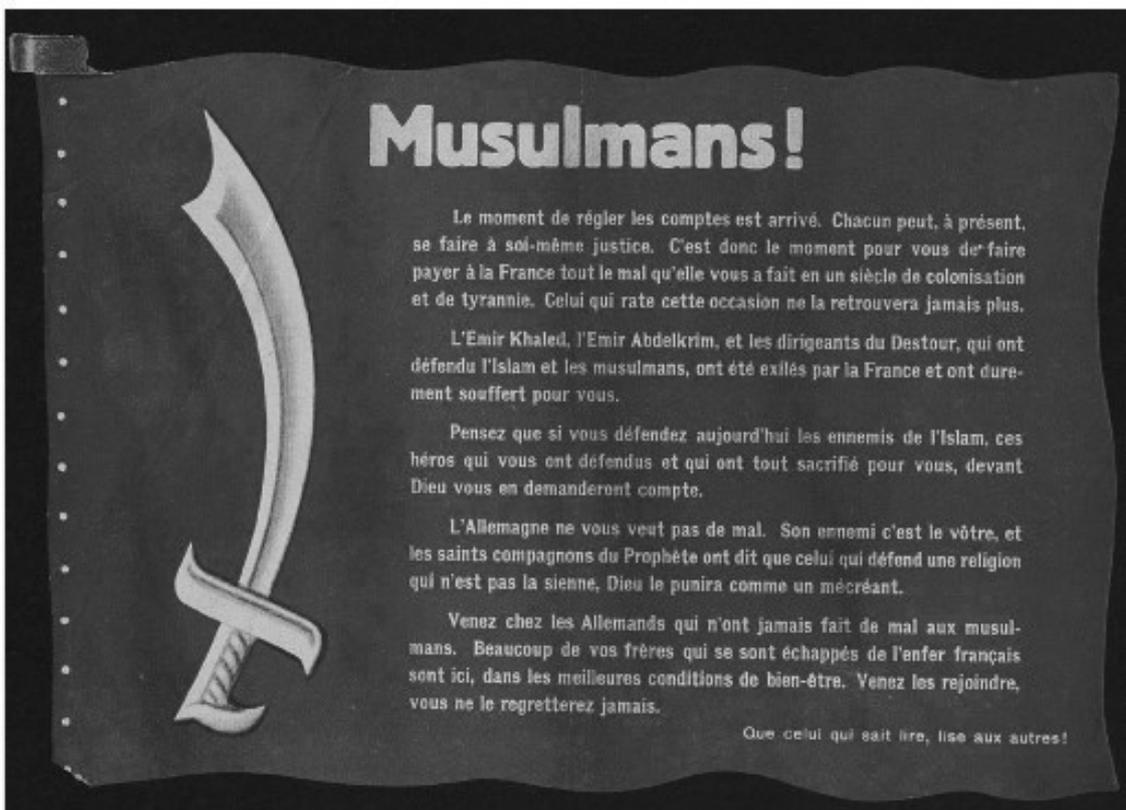

ФОТО 3.2. Немецкая пропагандистская листовка, 1940 (источник: Федеральный архив Германии во Фрайбурге, ВА–МА)

К захваченным в плен солдатам-мусульманам – их число во время битвы за Францию выросло почти до 90 000 – власти рейха относились с осторожностью³⁹⁰. После того как в 1941 году немецкие войска вмешались в кампанию в Северной Африке, отношение к таким военнопленным обрело политическое значение. Как и в Первую мировую войну, официальные лица рейха стремились продемонстрировать свое уважение к исламу, предоставляя мусульманам различные привилегии. 12 мая 1941 года руководство вермахта приказало терпимо относиться к религиозным обрядам военнопленных³⁹¹. Директивы о захоронении французских военнопленных в начале 1942 года предписывали ставить на могилы мусульман вместо креста деревянные таблички с изображением фески³⁹². Ссылаясь на «требования исламской политики» (*islampolitische Gründe*), армейское руководство затем потребовало уважать исламские пищевые нормы и вместо свинины кормить пленных говядиной или бараниной³⁹³. В лагере военнопленных под Берлином была построена мечеть в магрибском стиле³⁹⁴. Небольшие мечети и молитвенные комнаты были организованы также в других лагерях. Имамы (часто в этой роли выступали обычные заключенные, способные читать Коран) привлекались для отправления религиозного культа и ведения пропагандистской работы, обосновывающей коллаборационизм с религиозной точки зрения³⁹⁵. «Обработывая» военнопленных, немцы также раздавали им листовки и брошюры³⁹⁶. Цель их мероприятий заключалась не только в том, чтобы привлечь пленных в качестве будущих проводников, информаторов и пропагандистов в Магрибе; руководство вермахта считало нужным создавать позитивный образ Германии, который иностранные солдаты увезут с собой, отправляясь в родные места. И в самом деле – когда немцы начали военные действия в Северной Африке, многих военнопленных-мусульман освободили. Тем не менее в целом узники оказались менее восприимчивыми к немецкой пропаганде, чем надеялись берлинские чиновники. Кроме того, в реальности многие военнопленные-мусульмане подвергались жестокому обращению со стороны немецких охранников³⁹⁷. С особой свирепостью стража относилась к чернокожим мусульманам из тропической Африки; сотни этих солдат были расстреляны в самом начале войны³⁹⁸.

³⁹⁰ Raffael Scheck, «Nazi Propaganda toward French Muslim Prisoners of War», *Holocaust and Genocide Studies* 26, 3 (2012), 447–477. В этой работе дается наиболее исчерпывающий отчет о мусульманах-военнопленных из французской армии, а также о германской пропаганде и религиозной жизни в лагерях. Среди других работ по теме: Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 23; практически на ту же тему: Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 19; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 103–105; Belkacem Recham, *Les Musulmans algériens dans l'armée française (1919–1945)* (Paris, 1996), 152–153 и 207–228, особенно 226–227; Recham, «Les Musulmans dans l'armée française», 748–750; Belkacem Recham, «Les indigènes nord-africains prisonniers de guerre (1940–1945)», *Guerres mondiales et conflits contemporains* 223, 3 (2006), 109–125; Höpp, «Der verdrängte Diskurs», 223–231; Wagenhofer, «Rassischer Feind – politischer Freund?», 82–95; более общая работа: Martin Thomas, «The Vichy Government and French Colonial Prisoners of War, 1940–1944», *French Historical Studies* 25, 4 (2002), 657–692, особенно 670–675; и Armelle Mabon, *Prisonniers de guerre «indigènes»: Visages oubliés* (Paris, 2010).

³⁹¹ ОКВ, приказ («Religionsausübung der Kriegsgefangenen»), 12 мая 1941 г., Берлин, ВАМА, RH 49/51; аналогичный случай, со специальным указанием на ислам: Ширбрандт (начальник лагеря Frontstalag 204), инструкции («Merkblatt für die Bewachung franz. farbiger Kriegsgefangener»), 28 декабря 1942 г., Шарлевилль, ВА–МА, RH 49/67.

³⁹² ОКВ, приказ («Beerdigung verstorbener französischer Kriegsgefangener»), 30 января 1942 г., б. м., ПА, R67004.

³⁹³ Командование по северо-западной Франции, приказ («Besondere Anordnungen für die Versorgung»), 18 сентября 1943 г., Сен-Жермен, ВА–МА, RH 49/67.

³⁹⁴ Regina Clausnitzer, «Eine Moschee in Großbeeren? Kein Hirngespinnst: Es gab sie wirklich!», *Amtsblatt Großbeeren* 11 (10 November 1999), 12; Regina Clausnitzer, «Moschee in Großbeeren: Suche nach einer Fotoaufnahme nun doch noch erfolgreich», *Amtsblatt Großbeeren* 5 (12 April 2000). Об учреждении мечетей и молельных комнат в лагерях военнопленных во Франции см.: отчеты в ПА, R40769, R40770, R40988, и R40989.

³⁹⁵ Об использовании имамов и мурабитов (суфийских отшельников) в различных лагерях военнопленных во Франции и Германии см.: отчеты в ПА, R40769, R40770, R40988, R40989, и R67003.

³⁹⁶ Бран (МИД), записка («Araberzeitung für Nordafrikanische Kriegsgefangene»), 6 мая 1941 г., Берлин, ПА, R67003.

³⁹⁷ Об ужасных условиях содержания в лагерях и жестоком обращении сообщается в литературе, приведенной в прим. 19.

³⁹⁸ Raffael Scheck, *Hitler's African Victims: The German Army Massacres of Black French Soldiers in 1940* (Cambridge, 2006);

Огромный интерес к судьбе североафриканских военнопленных проявляли религиозные деятели Парижской соборной мечети. Ее построило французское правительство после Первой мировой войны, чтобы выразить свою благодарность за участие мусульман в военных действиях. Мечеть, расположенной на левом берегу Сены, в пятом округе французской столицы, в то время руководил харизматичный алжирский богослов Си Каддур Бенгабрит, сыгравший важную роль во французской пропаганде в 1914–1918 годах³⁹⁹. Вскоре после разгрома Франции Бенгабрит вступил в контакт с немцами (фото 3.3). Беспокоясь о положении мусульман в лагерях военнопленных и добиваясь для них особых условий, в начале 1941 года он обращался к сотрудникам посольства Германии в Париже⁴⁰⁰. Бенгабрит даже советовал отправить в эти лагеря несколько североафриканских имамов, уверяя немцев, что он лично берет на себя ответственность за их лояльность. Он также предложил свои услуги по улаживанию религиозных дел военнопленных и объявил о готовности выступить в пропагандистских радиопередачах службы арабского вещания Германии. Немцы, естественно, не очень хотели открывать свои лагеря неизвестным магрибским имамам⁴⁰¹. Тем не менее они стремились поддерживать хорошие отношения с мечетью. Парижская соборная мечеть была одним из важнейших центров ислама в оккупированной нацистами Западной Европе: она не только обслуживала мусульманскую общину Франции, которая во время войны превысила 100 000 человек, но и обеспечивала тесные связи с Магрибом. Немецкие чиновники в Париже поддержали Си Каддура Бенгабрита и попытались использовать его мечеть для ведения пропаганды⁴⁰². Бенгабрит, со своей стороны, хотел улучшить условия жизни общины и для этого выстраивал дружественные отношения с властями. Однако немецкие официальные лица внимательно следили за мечетью, подозревая, что ее сотрудники предоставляют евреям сертификаты, удостоверяющие их принадлежность к исламской религии⁴⁰³. После войны утверждалось, что мечеть спасла сотни

короткое резюме книги: Raffael Scheck, «‘They Are Just Savages’: German Massacres of Black Soldiers from the French Army in 1940», *Journal of Modern History* 77, 2 (2005), 325–344.

³⁹⁹ О Парижской мечети и Си Каддуре Бенгабрите см.: Alain Boyer, *L’institut musulman de la mosquée de Paris* (Paris, 1992), 19–33; Michel Renard, «Gratitude, contrôle, accompagnement: Le traitement du religieux islamique en métropole (1914–1950)», *Bulletin de l’Institut d’Histoire du Temps Présent* 83 (2004), 54–69; Michel Renard, «Les débuts de la présence musulmane en France et son encadrement», in Arkoun (ed.), *Histoire de l’Islam et des Musulmans en France du Moyen Age à nos jours*, 712–740, 718–730; а также работы общего характера: Pautremat, *La politique musulmane de la France au XXe siècle*, 333–342; Sellam, *La France et ses Musulmans*, 171–184; Naomi Davidson, *Only Muslim: Embodying Islam in Twentieth-Century France* (Ithaca, NY, 2012), 36–61.

⁴⁰⁰ Шлейер (парижское посольство) – МИДУ, 8 февраля 1941 г., Париж, ПА, R40747.

⁴⁰¹ Сете (МИД) – парижскому посольству, 6 марта 1942 г., Берлин, ПА, R40747; Сете сначала одобрил предложение Бенгабрита (хотя и отметил, что нет нужды посылать имамов в Германию, так как большинство военнопленных-мусульман содержится в лагерях на территории Франции). Бенгабрит направил более конкретный проект официальным лицам режима Виши, и те обратились по этому поводу к вермахту. См.: Скапини (дипломатический отдел Виши по вопросам военнопленных) – Розенбергу (вермахт), 19 февраля 1941 г., Париж, ПА, R40747. Вермахт отверг это предложение, указав, что большинство мусульман содержится во французских лагерях, а не в Германии, а отправка имамов Бенгабрита в Германию создаст угрозу для безопасности. См.: Верхмахт – МИДУ, 7 марта 1941 г., Берлин, ПА, R40747. Затем последовал официальный отказ. См.: Сете – Скапини, 15 марта 1941 г., Берлин, ПА, R40747. В другом документе отмечается, что немцы не приняли предложения Бенгабрита, так как не доверяли его имамам. См.: Бюркнер (вермахт), записка («Behandlung der Araberfragen und Vorschläge von arabischer Seite»), Берлин, 13 марта 1942 г., ВА–МА, RH 2/1765, которая опирается на Бийу, меморандум («Denkschrift zur deutschen Nordafrikapropaganda, insbesondere in den Kriegsgefangenenlagern»), б. д. (март 1942 г.), б. м., ВА–МА, RH 2/1765.

⁴⁰² Штрак (МИД) – Рану (тунисское консульство Германии), 12 декабря 1942 г., Берлин, ПА, R27767; ответ: Ран – МИДУ, 13 декабря 1942 г., Тунис, ПА, R27766. Здесь, по обсуждению подготовки к празднованию Курбан-байрама, можно составить себе представление о регулярном сотрудничестве между Бенгабритом и немецкими властями.

⁴⁰³ Дискуссия о роли Парижской соборной мечети в помощи евреям и участникам французского сопротивления началась со статьи Albert Assouline, «Une vocation ignorée de la mosquée de Paris», *Almanach du Combattant* (1983), 123–124. Заявления Ассулина о том, что 1732 бойца сопротивления, многие из которых были евреями, нашли убежище в мечети, не были подтверждены. Однако вероятно, что Бенгабрит и главный имам мечети Си Мухаммед Бензуау иногда помогали отдельным евреям североафриканского происхождения, выдавая им «исламские» удостоверения личности. Об этом сохранились устные свидетельства. Единственный письменный документ по этой теме – письмо властей Виши по поводу подозрений немцев в выдаче таких удостоверений евреям. Однозначных архивных свидетельств до сих пор не найдено. См.: Robert Satloff, *Among the Righteous: Lost Stories from the Holocaust’s Long Reach into Arab Lands* (New York, 2006), 139–158; более сложную картину коллаборационизма, сопротивления и приспособления к нацистскому режиму можно найти в работе: Ethan Katz, «Did the

евреев, но до сих пор не было найдено никаких архивных свидетельств, подтверждающих этот факт.

ФОТО 3.3. Си Каддур Бенгабрит, имам Парижской соборной мечети, приветствует представителей вермахта (источник: архив мемориала Шоа, Париж)

В 1940 году Берлин также предпринял первые попытки повлиять на мусульман во французских колониях, используя как радио, так и печатную пропаганду. Памфлет, подготовленный министерством иностранных дел и распространявшийся во французской Северной Африке весной 1940 года, призывал мусульман обратить оружие против своих имперских повелителей, а в его тексте переплеталась антиколониальная и религиозная риторика⁴⁰⁴. Война там изображалась как священная возможность восстать против колониального гнета («Бог дал вам шанс, который вы не должны упускать!»). Далее текст развивался в более радикальном русле: заявлялось, что антиколониальное сопротивление – «долг веры», а тем, кто не выполняет его, грозит «кара божья»⁴⁰⁵. Брошюра изобиловала ссылками на якобы ведущиеся французскими властями репрессии против ислама: Францию обвиняли в подавлении шариата, запрещении коранического образования в школах, нападках на мечети и поощрении миссионерской работы. Соответственно, борьба с колониальным режимом изображалась как долг перед Аллахом. «Бог пошлет вам помощь, если вы будете верны вашей борьбе», – говорилось в листовке.

Paris Mosque Save Jews? A Mystery and Its Memory», *Jewish Quarterly Review* 102, 2 (2012), 256–287, особенно 270–283. Из популярных работ, описывающих Парижскую соборную мечеть в качестве убежища для евреев, больше всего заслуживает внимания: Mohammed Aïssaoui, *L'étoile jaune et le croissant* (Paris, 2012).

⁴⁰⁴ Йост (РСХА) – Альтенбургу (МИД), 13 апреля 1940 г., Берлин, PA, R60652, советовал распространять печатную пропаганду во французском Марокко. В МИДе согласились и обратились к Эберхарду фон Штореру, в то время занимавшему должность посла в Мадриде, с просьбой о помощи в транспортировке агитационных материалов в Марокко через территорию Испании. См.: Альтенбург – Штореру, 23 апреля 1940 г., Берлин, PA, R60652; ответ: Шторер – МИДу, 25 апреля 1940 г., Мадрид, PA, R60652.

⁴⁰⁵ Памфлет «Die Gelegenheit, die nie wiederkommt!» (перевод на немецкий), б. д. (1940), PA, R60652; арабский оригинал – *Аль-фурса, аль-фурса, аль-фурса аллати ла т'ауд* («Шанс, шанс, шанс, который не повторится»), б. д. (1940), PA, R60652.

Тех, кто возьмется за оружие против Франции, обещали признать мучениками: «Врата рая будут открыты для вас, и счастлив тот, кто выберет эту судьбу». Министерство иностранных дел выпустило 10 000 экземпляров брошюры, отправив их через немецкое посольство в Мадриде в Марокко⁴⁰⁶. Эта история хорошо показывает стиль и направление, которым германская пропаганда среди мусульман следовала в дальнейшем. Однако, поскольку общая политическая линия Германии в отношении исламского мира еще не была ясна, ранние попытки работать с французскими мусульманами оставались невнятными и ситуативными. Более организованная кампания по мобилизации ислама началась только после включения немцев в североафриканскую кампанию весной 1941 года.

Ислам и печатная пропаганда на североафриканском фронте

Наступление танковой группы «Африка» в Магрибе сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Немецкие самолеты тоннами сбрасывали брошюры, открытки и листовки над линией фронта и в тылу британской армии. Эти усилия были подготовлены министерством иностранных дел в сотрудничестве с вермахтом. На месте кампанию координировал немецкий дипломат Константин Александр фон Нейрат – сын рейхспротектора Богемии и Моравии и бывшего министра иностранных дел Германии Константина фон Нейрата. С мая 1941 года Нейрат-младший служил офицером по связям с министерством иностранных дел в армии Роммеля⁴⁰⁷.

Хотя печатные материалы затрагивали самые разные темы, от восхваления технологического, экономического и военного превосходства нацистского режима до антиколониального национализма, значительное число текстов касалось религиозной тематики. Одна из брошюр, выпущенных осенью 1941 года, когда немецкие войска продвигались к Египту, начиналась с цитаты из восьмой суры Корана (*аль-Анфаль*, или «Трофеи»)⁴⁰⁸: «О те, которые уверовали! Когда вы встретитесь с неверующими на поле битвы, то не поворачивайтесь к ним спиной! Те, которые в такой день повернутся спиной к неверующим, кроме тех, кто разворачивается для боя или для присоединения с отрядом, навлекут на себя гнев Аллаха. Их пристанищем будет Геенна. Как же скверно это место прибытия!» (8:16)⁴⁰⁹. Последующий текст помещал эти отрывки в политический контекст войны, изображая граждан СССР неверующими, а англичан их добровольными пособниками. Далее в брошюре подробно рассказывалось о страданиях «миллионов людей» под «сатанинским игмом» Сталина; авторы предупреждали о планах Москвы по поводу всего мусульманского мира. «Только Германия может спасти мир, и только она спасет вас и вашу религию от порабощения под зловещим красным знаменем». Снова отсылая к авторитету Корана, брошюра заканчивалась цитатой из сорок восьмой суры (*аль-Фатх*, или «Победа»): «Он знал то, чего вы не знали, и предопределил перед этим близкую победу» (48:27). Британское контрнаступление в конце 1941 года не позволило Роммелю совершить последний бросок к Каиру⁴¹⁰. Немцев отбросили на западную границу Киренаики, и их следующее наступление на восток началось лишь в 1942 году. Этот второй натиск, развер-

⁴⁰⁶ Альтенбург, записка, 6 мая 1940 г., Берлин, PA, R60652; и аналогично Симон (МИД), записка, 14 мая 1940 г., Берлин, PA, R60652, подтверждение отпечатки тиража: Симон, записка, 18 мая 1940 г., Берлин, PA, R60652, о донесении: Симон, записка, 20 мая 1940 г., Берлин, PA, R60652.

⁴⁰⁷ Работа Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, включает описание некоторых немецких пропагандистских брошюр, которые распространяли в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Важные работы на эту тему, выпущенные ранее: Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 21–32; Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 13–39; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 95–97.

⁴⁰⁸ Здесь и далее цитаты из Корана даются в переводе Эльмира Кулиева. – Прим. пер.

⁴⁰⁹ Брошюра «O Ihr, die Ihr glaubt» (немецкий черновик, б. д. (1941), PA, R60747.

⁴¹⁰ Нейрат – МИДУ, 17 ноября 1941 г., б. м., PA, R60747. Тут показано, что обе брошюры были напечатаны за несколько дней до начала контрнаступления британской армии 18 ноября 1941 года.

нувшийся весной, сопровождался еще более интенсивной пропагандистской кампанией. Когда немецкие войска шли на Каир, министерство иностранных дел и вермахт начали готовить брошюры для египетского населения. 8 апреля 1942 года командование Африканского корпуса официально отправило запрос на пропагандистскую кампанию в Египте, который месяц спустя поддержал Нейрат. 25 июня 1942 года, когда немцы пересекли ливийско-египетскую границу, Нейрат снова напомнил Берлину о просьбе Роммеля⁴¹¹. Министерство иностранных дел проинформировало Нейрата о том, что напечатано 1,1 миллиона новых брошюр, в том числе 100 000 копий текста «Зеленое знамя мусульман»⁴¹². Спустя три дня первая партия (450 000 брошюр) была отправлена в Киренаику для распространения в Египте⁴¹³. Остаток был отправлен несколькими днями позже. Вскоре был напечатан еще 1 миллион брошюр, причем сразу же готовился дополнительный тираж⁴¹⁴. 30 июня 1942 года четыре самолета доставили в Северную Африку не менее 1,3 миллиона печатных материалов, в том числе 6 000 открыток с «рукой Фатимы» и 1000 открыток, посвященных приему палестинского муфтия в Берлине⁴¹⁵. 2 июля 1942 года было отправлено еще 2 миллиона листовок, в том числе 100 000 копий «Зеленого знамени мусульман» и 6 000 открыток с «рукой Фатимы»⁴¹⁶. 12 июля 1942 года прибыло еще 760 000 пропагандистских листовок, в том числе 200 000 экземпляров только что отпечатанного «Призыва великого муфтия»⁴¹⁷. Приток материалов продолжался все лето. В списке распространяемых среди арабов пропагандистских материалов присутствовали 300 000 экземпляров брошюры «О, Египет!»⁴¹⁸. Она обещала освободить египтян от ига Британской империи и сулила правоверным поддержку со стороны Аллаха: «Бог восстановит справедливость в Египте и уничтожит неправедных британцев, их империю – этого неправедного и жестокого преступника»⁴¹⁹. К концу августа министерство иностранных дел выпустило 10 миллионов пропагандистских брошюр на арабском языке, из которых более 8 миллионов были распространены среди населения⁴²⁰.

После начала операции «Факел» в брошюрах все чаще встречались нападки на Соединенные Штаты. Например, в январе 1943 года министерство иностранных дел выпустило на арабском брошюру «Ислам и демократии», осуждающую и Лондон, и Вашингтон⁴²¹. В брошюре говорилось: «Англичане, американцы, евреи и их приспешники являются величайшими врагами арабов и ислама!»⁴²². Еще одна листовка, с изображением «руки Фатимы», начиналась с антиеврейского стиха Корана: «Ты непременно найдешь самыми лютыми врагами веру-

⁴¹¹ Нейрат – МИД, 8 мая 1942 г., б. м., РА, R29533 (ссылается на запрос вермахта от 8 апреля 1942 г. и просит МИД принять меры); реакция на это напоминание: Мегерле (МИД), записка, 19 мая 1942 г., б. м., РА, R60649 (от имени Риббентропа Мегерле просил советов о том, что включить в будущие пропагандистские брошюры); Шмиден (МИД), записка, 29 мая 1942 г., Берлин, РА, R29533 (тут приводится официальный приказ министра, требующий усилить немецкую пропаганду в Египте). Капп (МИД), записка, 20 мая 1942 г., Берлин, РА, R60649 (здесь сообщается о росте тиража предназначенных для Египта брошюр). Нейрат, видимо, не проинформированный об этой деятельности, через месяц снова запросил пропагандистские материалы для Египта, на этот раз от имени Роммеля: Нейрат – МИД, 25 июня 1942 г., б. м., РА, R29537 (также в: РА, R60748).

⁴¹² Вюстер (МИД) – Нейрату, 25 июня 1942 г., Берлин, РА, R60748.

⁴¹³ Вюстер – Нейрату, 29 июня 1942 г., Берлин, РА, R60748.

⁴¹⁴ Ibid.

⁴¹⁵ Вюстер – Нейрату, 30 июня 1942 г., Берлин, РА, R60650.

⁴¹⁶ Вюстер, записка, 2 июля 1942 г., Берлин, РА, R60651.

⁴¹⁷ Вюстер – Нейрату, 13 июля 1942 г., Берлин, РА, R60748.

⁴¹⁸ Вюстер, записка, 12 августа 1942 г., Берлин, РА, R60650.

⁴¹⁹ Брошюра «О Ägypten» (перевод на немецкий), б. д. (1942), РА, R60650; арабский оригинал: брошюра *Йа миср!* («О Египет!»), б. д. (1942), РА, R60650.

⁴²⁰ Капп, записка, 28 августа 1942 г., Берлин, РА, R60678.

⁴²¹ Капп, записка, 7 января 1943 г., Берлин, РА, R27332.

⁴²² Брошюра «England und die Araber» (перевод на немецкий), б. д., ВА–МА, RH 21–5/27; арабский оригинал: брошюра *Инкильтара ва 'ль-'Араб* («Англия и арабы»), б. д., ВА–МА, RH 21–5/27.

ющих иудеев и многобожников» (5:82 [85]) и продолжала в том же духе: «Иудеи и ростовщики, они забирают у правоверных их собственность и потому должны быть наказаны. Американцы и англичане, которые вторглись в Магриб – друзья евреев; Рузвельт и Черчилль едят из рук евреев. Любой, кто против евреев, также должен выступать против американцев и англичан»⁴²³. Антиеврейское содержание пятой суры (*аль-Мауда*, или «Трапеза») обсуждалось в немецких публикациях с конца 1930-х годов, особенно во «Всеисламе» Пауля Шмица и «Исламе, иудействе, большевизме» Мухаммеда Сабри.

Когда армия Роммеля, вытесненная из ливийской и египетской пустыни, наконец отступила в Тунис, немецкие пропагандисты продолжали свою работу там. На месте их усилия координировал Рудольф Ран, консул Германии в Тунисе и, следовательно, наиболее высокопоставленное гражданское лицо рейха в Северной Африке. В инструкциях, адресованных пропагандистам, четко указывалось: обещать арабам национальную независимость нельзя, однако религиозные сюжеты необходимо использовать для представления держав Оси как «друзей магометан» и для осуждения «англо-американских угнетателей», «безбожного большевизма», который не только «угнетает верующих и разрушает мечети» в Советском Союзе, но также подавляет мусульман в «других магометанских странах», а также «еврейства», которое «изгнало мусульман из Палестины и святых мест»⁴²⁴. Среди пропагандистских материалов, распространяемых в Тунисе, была небольшая брошюра «Германия и ислам» (*Альмания ва-ль-ислам*), со множеством иллюстраций и небольшим количеством текста. В ней пропагандировалась дружба Германии с исламом⁴²⁵. В целом в Тунисе распространили не менее 6 миллионов брошюр⁴²⁶.

Основным перевалочным пунктом для распространения немецких печатных материалов в западной части Северной Африки стало нейтральное испанское Марокко. Министерство иностранных дел и разведка вермахта располагали там двумя пропагандистскими офисами – одним в столичном Тетуане, а другим в портовом Танжере. Международная зона Танжер с населением менее 100 000 человек находилась под управлением нескольких европейских колониальных держав, пока не была оккупирована Испанией летом 1940 года. Она превратилась в передовую зону пропагандистской войны между державами Оси и союзниками в Магрибе⁴²⁷. Летом 1942 года сотрудник танжерского бюро, расположенного в генеральном консульстве Германии, сообщал о высоком спросе на немецкие публикации, которые распространялись среди местных властей⁴²⁸. Основные лозунги этой кампании звучали так: «Англия – враг ислама!» и «Германия выиграет войну – этого хочет Бог!». По случаю Курбан-байрама 1942 года танжерское бюро раздало 10 000 экземпляров брошюры, в которой провозглашалось:

О друзья-мусульмане! Мы поздравляем вас с праздником жертвоприношения и желаем вам покровительства и благословения Божьего! Вы знаете, что за всю вашу историю у вас всегда был только один великий друг: Германия! Вы знаете, что ваши враги, евреи, англичане и американцы,

⁴²³ Открытка «Gewiss wirst Du finden...». (перевод на немецкий), б. д., ВА–МА, RH 21–5/26; арабский оригинал: *Таджир барид*, б. д., ВА–МА, RH 21–5/26. Номер этого аята (стиха) разный в зависимости от издания Корана. В официальном каирском издании (1925) это аят 82, а в североафриканском издании, получившем популярность среди европейских ученых благодаря переводу Густава Флюгеля (1834), это аят 85. Германские официальные лица во время Второй мировой войны обычно использовали нумерацию флюгелевского перевода.

⁴²⁴ Лютер (МИД) – Рану, 21 ноября 1942 г., Берлин, PA, R27767.

⁴²⁵ Ран – Вюстеру, 4 января 1943 г., Тунис, PA, R27766.

⁴²⁶ Ран – Вюстеру, 8 апреля 1943 г., Тунис, PA, R27767.

⁴²⁷ J. M. Storch de Gracia, «Die Abwehr und das deutsche Generalkonsulat in Tanger», *Die Nachhut* 2 (1967), 7–15; об оккупации Испании: Claire Spencer, «The Spanish Protectorate and the Occupation of Tangier in 1940», in George Joffé (ed.), *North Africa: Nation, State, and Region* (London, 1993), 91–107.

⁴²⁸ Пёрцген (консульство в Танжере), отчет («Tanger: Propagandazelle für Nordafrika»), б. д. (август 1942 г.), Танжер, PA, R60690.

также являются врагами Германии и что ваша надежда на лучшее будущее для арабских народов также остается надеждой и целью Германии! Слава вам и милость Божья да прибудет с вами!⁴²⁹

Весной 1943 года немцы, на позиции которых активно вели наступление союзники, распространяли в Марокко прокламации, требующие срочно объявить джихад. В их текстах проводились параллели между текущим конфликтом и войнами, которые вел Пророк⁴³⁰. После рассказа о великих битвах при Ухуде и Бадре⁴³¹ там говорилось, что воины Мухаммада не потеряли мужества и выдержали испытание, ниспосланное им Аллахом. Вторая мировая война, «впервые за столетия» – это «новое испытание»: «остерегайтесь, братья, оказаться среди тех, кто лишь выжидает и не хочет видеть правильный путь, как те, кто презирал Пророка Божьего – да пребудет с ним слава и милосердие Божье – в трудные дни». Теперь каждому надо выбирать между «путями Бога и традиции» и «позором большевизма» – между «верой» и «порабощением евреями». Брошюра пестрела длинными цитатами из Корана. Среди них, конечно же, были стихи из третьей суры (*Аль Имран*, или «Семейство Имрана»), посвященной битвам при Ухуде и Бадре. Даже после того, как немецкие войска покинули Северную Африку, агенты рейха продолжали сеять среди мусульман Марокко слухи о том, что их будут принуждать перейти в христианство, если страны Оси проиграют войну⁴³². Союзники оказывали сильное давление на испанские власти, требуя закрыть генеральное консульство Германии в Танжере, и летом 1944 года Франко наконец был вынужден уступить.

Некоторые пропагандистские памфлеты, выпущенные в Берлине, наиболее активно распространялись в каких-то особых регионах Северной Африки. Так, министерство иностранных дел направляло тысячи экземпляров брошюры «Борьба магометан» как в испанское Марокко, так и в Тунис⁴³³. Фотографии муфтия Иерусалима, напечатанные на плакатах и открытках, его стихи, написанные на амулетах, и брошюры с его пропагандистской речью, зачитанной на открытии Центрального исламского института, также высылались для распространения, причем не только в Тунис и Танжер, но иногда и в другие места, в том числе в Анкару, Афины, Софию, Бухарест и Загреб⁴³⁴.

Со временем Вильгельмштрассе начала готовить для Северной Африки иную пропагандистскую продукцию. Например, в регионе распространялись особые кубики сахара: каждый кусок был завернут в бумагу, на которой на арабском языке было написано что-то благочестивое и политически грамотное – например: «С Божьей помощью победа Германии несомненна»⁴³⁵. Официальные лица в Берлине также обсуждали производство небольших чайных пакетиков, прикрепляемых к амулетам или листовкам; впрочем, нам не известно, удалось ли воплотить в жизнь этот план⁴³⁶. Распространялись также пропагандистские амулеты – в

⁴²⁹ Брошюра «O moslemische Freunde!» (перевод на немецкий), б. д. (1942), PA, R60660; арабский оригинал: брошюра *Ид мубарак са'ид* («Счастливого Курбан-байрама!»), б. д. (1942), PA, R60660.

⁴³⁰ Брошюра «O marokkanische Brueder!» (перевод на немецкий), б. д. (1943), PA, R60649; арабский оригинал: брошюра *Аййуха аль-ихван аль-мугарба!* («О марокканские братья!»), б. д. (1943), PA, R60649.

⁴³¹ Битва при Бадре (624 г.) – первое крупное сражение между мусульманами и курайшитами (правящее племя древней Мекки, не принимавшее послание Мухаммада). Мусульмане одержали там крупную победу, что способствовало распространению ислама. Битва при Ухуде (625 г.) – реванш курайшитов за битву при Бадре. – *Прим. пер.*

⁴³² Дуб (Управление военной информации США) – Уэннеру (Управление военной информации США), 17 апреля 1944 г., USNA, RG 208, Entry 374, Box 434.

⁴³³ Ранцгау (МИД) – консульству в Танжере, 3 февраля 1943 г., Берлин, PA, R60650; аналогичный документ: Ранцгау – Рану, 4 февраля 1943 г., Берлин, PA, R27768.

⁴³⁴ Винклер (МИД), записка, 16 февраля 1943 г., Берлин, PA, R102974; аналогичный список отправленных брошюр: Лангман (МИД), записка («Aufzeichnung über die Propaganda nach Nordafrika»), 18 февраля 1943 г., Берлин, PA, R102974.

⁴³⁵ Винклер, записка, 16 февраля 1943 г., Берлин, PA, R102974; сходный документ: Лангман, записка («Aufzeichnung über die Propaganda nach Nordafrika»), 18 февраля 1943 г., Берлин, PA, R102974.

⁴³⁶ Лангман, записка («Aufzeichnung über die Besprechungen betreffend die Koordination der Propaganda nach Nordafrika»), 11 марта 1943 г., Берлин, PA, R102974.

министерских документах их описывали как «талисманы со свастикой и благословением или проклятием», – а также ароматизированная бумага с цитатами из Корана и изъявлениями дружбы⁴³⁷. Апеллируя к органам вкуса, обоняния и зрения, эти объекты сочетали элементы материальной культуры, религии и политической пропаганды.

Наконец, немецкие памфлеты предназначались также и для Ближнего Востока – Сирии, Ливана, Палестины и других стран. В «Нью-Йорк таймс» на раннем этапе войны сообщалось о нацистских пропагандистах на Ближнем Востоке, которые изображали Гитлера «защитником ислама»⁴³⁸. По всей видимости, именно они распространяли в Леванте песню с такими словами: «Больше нет мистера, больше нет месье // Уходите, убирайтесь отсюда // Мы хотим Аллаха на небесах и Гитлера на земле»⁴³⁹.

Немецкая печатная пропаганда для арабского мира включала издание книг и журналов, в первую очередь журнала *Барид аш-Шарк* («Восточный пост»), выходявшего под редакцией Камаледдина Галала из Центрального исламского института в Берлине и финансируемого министерством пропаганды⁴⁴⁰. За годы войны опубликовали и распространили (особенно среди населения Северной Африки и мусульманских военнопленных) пятьдесят пять выпусков этого журнала. Статьи в *Барид аш-Шарк*, где велась обычная антибританская, антикоммунистическая и антиеврейская пропаганда, затрагивали и религиозную тематику⁴⁴¹. Журнал также опубликовал несколько выступлений членов нацистской элиты, речей аль-Хусейни (включая его призывы к джихаду) и по случаю хаджа 1944 года главы аль-Азхара, пожилого Мухаммеда Мустафы аль-Мараги (хотя тот был известен своими пробританскими симпатиями). В числе авторов были ливанский панисламист Шакиб Арслан, а также Абдурашид Ибрагимов, который после службы в Германии во время Первой мировой войны стал имамом Токийской мечети. Их материалы придавали журналу отчетливо панисламистскую направленность. Иоганн фон Леерс писал о таких сюжетах, как страдания мусульман в Индии и антагонизм между коммунизмом и исламом.

Что касается СС, то они сыграли лишь небольшую роль в пропагандистских проектах Германии, направленных на Ближний Восток и Северную Африку. Пожалуй, самым важным примером такого участия была попытка офицеров СС изобразить Гитлера как религиозную фигуру. Шторер уже упоминал в своем меморандуме, что в Коране содержится «ряд сур, которые каждый исламовед может легко интерпретировать как пророческие слова, указывающие на появление фюрера»⁴⁴². 14 мая 1943 года, спустя два месяца после поражения немецкой армии в Северной Африке, Гиммлер приказал Главному управлению имперской безопасности (РСХА) «выяснить, какие отрывки из Корана предоставляют мусульманам основания полагать, что появление фюрера уже было предсказано в Коране и что он уполномочен завершить дело Пророка»⁴⁴³. Спустя почти четыре месяца глава РСХА Эрнст Кальтенбруннер сообщил, что в

⁴³⁷ Ibid.

⁴³⁸ Аноним, «3 Reich plotters try to win Syria: Following gains in Iraq, Nazis seek support for Hitler as „Protector of Islam“», *New York Times* (7 April 1941). Автор текста имеет в виду поездку Отто фон Хентига в Сирию в 1941 году.

⁴³⁹ Eve Curie, *Journey among Warriors* (London, 1943), 79.

⁴⁴⁰ Наиболее представительную коллекцию номеров *Барид аш-Шарк* можно найти в: DNB, ZB47105; некоторые номера хранятся в Государственной библиотеке Берлина (*Staatsbibliothek zu Berlin*), Берлин (SBB), 4 Stabi 670; общую информацию см.: в Gerhard Höpp, *Arabische und islamische Periodika in Berlin und Brandenburg, 1915 bis 1945: Geschichtlicher Abriss und Bibliographie* (Berlin, 1994), 66; и Gerhard Höpp, *Texte aus der Fremde: Arabische politische Publizistik in Deutschland, 1896–1945: Eine Bibliographie* (Berlin, 2000), 43. Хорошее описание публикуемых в журнале материалов можно найти в: Munir Hamida, «Amīn al-Ḥusaynī in der deutschen Kriegspropaganda des Zweiten Weltkrieges: Eine Studie zur arabischsprachigen Zeitschrift „Barīd aš-Šarq“» (MA thesis, Free University of Berlin, 2007).

⁴⁴¹ О содержании *Барид аш-Шарк* см.: Munir Hamida, «Amīn al-Ḥusaynī in der deutschen Kriegspropaganda des Zweiten Weltkrieges», 23–33, 35–42.

⁴⁴² Шторер, записка, 18 ноября 1941 г., Берлин, PA, R29533.

⁴⁴³ Гиммлер – руководителю РСХА, 14 мая 1943 г., б. м., BAB, NS19/3544. Об этом эпизоде см.: также: Höpp, «Der Koran als „geheime Reichssache“», 443–446; и Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, 202–204.

Коране нет подходящих фрагментов, но зато мусульмане в некоторых регионах придерживаются мессианских верований, которые говорят о «возвращении „света пророка“», что позволяет «связать их с фюрером»⁴⁴⁴. Во втором письме на ту же тему Кальтенбруннер указывал на идею «Махди», которая, по его словам, была центральной для «исламской эсхатологии»: «Махди должен прийти в конце времен для защиты веры и обеспечить победу справедливости»⁴⁴⁵. Действительно, мессианские ожидания были популярны среди как шиитов, так и суннитов на протяжении веков. Можно вспомнить и о восстаниях махдистов, беспокоивших колониальные империи с конца XIX века⁴⁴⁶. Эксперты Кальтенбруннера, скорее всего, знали об этом. С другой стороны, глава личного штаба Гимmlера Рудольф Брандт привлек к изучению данной тематики Главное управление СС, а также общество «Аненербе», от которых, впрочем, не было особой пользы⁴⁴⁷. Очень скоро Готтлоб Бергер сообщил, что его эксперты по исламу ничего полезного не обнаружили⁴⁴⁸. Глава «Аненербе» Вольфрам Зиверс обратился за помощью к знаменитому индологу Вальтеру Вюсту, ректору Мюнхенского университета, но тот представил практически бесполезный отчет⁴⁴⁹. Однако сотрудники РСХА тем временем добились определенных успехов. 6 декабря 1943 года Кальтенбруннер направил Гимmlеру еще один отчет, содержащий некоторые практические результаты: эксперты исследовательского отдела «Восток» РСХА обнаружили, что «фюрера» нельзя изображать «ни Пророком, ни Махди», но его можно представлять как «Ису (Иисуса), возвращение которого в конце времен предсказано в Коране и который, подобно святому Георгию, победит царя евреев, великана Дадджалья»⁴⁵⁰. Главное управление РСХА подготовило соответствующую пропагандистскую брошюру на арабском языке. Изображая Дадджалья как еврея-врага, она гласила:

Нам сказано, что Дадджаль появится в конце дней; это чудовище, которое обманет и предаст народ. Наступит время великого притеснения правоверных. Знаменитый арабский [sic] историк Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари сказал, что Дадджаль будет великаном и еврейским царем и править он будет всем миром. Мухаммед ибн Исмаил Абу Абдаллах аль-Джафай аль-Бухари писал, что Дадджаль будет толстым, с кудрявыми волосами. / О арабы, вы видите, что пришло время Дадджалья? Узнаете ли вы его, толстого, курчавого еврея, кто обманывает весь мир, чтобы управлять им, и кто крадет землю арабов? Воистину, он – чудовище, а его союзники

⁴⁴⁴ Кальтенбруннер – Гимmlеру, 3 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544.

⁴⁴⁵ Кальтенбруннер – Гимmlеру, 13 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544.

⁴⁴⁶ Наиболее подробное исследование восстания Махди в Судане: P. M. Holt, *Mahdist State in the Sudan, 1881–98: A Study of Its Origins, Development and Overthrow* (Oxford, 1972). Махдизм также оставался влиятельной силой в антиколониальной борьбе между двумя мировыми войнами. См., например: C. N. Ubah, «British Measures against Mahdism in Dumbulwa in Northern Nigeria, 1923: A Case of Colonial Overreaction», *Islamic Culture* 50, 3 (1976), 196–283; Asma'u G. Saeed, «The British Policy towards the Mahdiyya in Northern Nigeria: A Study of the Arrest, Detention and Deportation of Shaykh Sa'id b. Hayat, 1923–1959», *Kano Studies* 2, 3 (1982–1985), 95–119; и Fisher, «British Responses to Mahdist and Other Unrest in North and West Africa». В целом о мессианстве в антиколониальных движениях см.: Michael Adas, *Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements against the European Colonial Order* (Chapel Hill, NC, 1979).

⁴⁴⁷ Брандт – Бергеру, 11 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3544; Брандт – Зиверсу («Аненербе»), 11 сентября 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3544.

⁴⁴⁸ Бергер – Брандту, 10 октября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544. К документу был приложен список цитат из Корана на тему войны, а также несколько мессианских фрагментов из средневековых иранских текстов на языке пехлеви.

⁴⁴⁹ Зиверс – Вюсту, 28 сентября 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544; отчет см. в: Вюст – Брандту, 31 января 1944 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544; промежуточный отчет: Вюст – Брандту, 14 декабря 1943 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544; реакция после подачи окончательной версии отчета: Брандт – Вюсту, 8 марта 1944 г., б. м., ВАВ, NS19/3544.

⁴⁵⁰ Кальтенбруннер – Гимmlеру, 6 декабря 1943 г., Берлин, ВАВ, NS19/3544. К этому письму приложен отчет Отто Рёслера и Вальтера Лорха (исследовательский отдел «Восток»), а также пропагандистская брошюра на арабском и в немецком переводе (также созданная в отделе «Восток»). Отчет и брошюры также были обнаружены Вальтером Вюстом, который затем предоставил их в качестве приложения к окончательному докладу. См.: приложения к письму Вюста Брандту, 31 января 1944 г., Мюнхен, ВАВ, NS19/3544.

– дьяволы! Нас учили, что царство Даджжалья не будет продолжаться долго. Абдаллах ибн Умар аль-Байдави указывал, что Бог пошлет своего слугу, который сразит Даджжалья своим копьем и разрушит его дворцы. / О арабы, знаете ли вы раба Божия? Он уже пришел в мир и обратил свое копье против Даджжалья и его союзников, глубоко уязвив их. Он убьет Даджжалья, как написано, уничтожит его дворцы и бросит его приспешников в ад⁴⁵¹.

Хотя Махди, Даджжаль и Иса были известными фигурами исламской эсхатологии, интерпретация этих персонажей в тексте РСХА оказалась весьма новаторской. Гиммлер немедленно одобрил текст и приказал напечатать брошюру⁴⁵². Министерство пропаганды выпустило ее тиражом миллион экземпляров⁴⁵³. Сегодня идея этой брошюры может показаться абсурдной, но, как уже упоминалось, восстание махдистов оказалось серьезной разрушительной силой для европейских империй в предыдущие десятилетия, а мессианские настроения всегда особенно сильны во время войны.

Популяризация идей и личности Гитлера в качестве исламских была не новой. Еще в 1938 году Вернер Отто фон Хентиг потребовал от некоего исламоведа и специалиста по Корану помочь с переводом «Майн кампф» на арабский язык⁴⁵⁴. Перевод надлежало выполнить в исламском духе, оформив его в возвышенном кораническом стиле, который «понимается и ценится во всем исламском мире». Политические идеи Гитлера нужно было наполнить религиозным смыслом. «Если проект окажется успешным, то арабский перевод книги фюрера упадет на благодатную почву и вызовет резонанс от Марокко до Индии», – писал Хентиг. Ученый предложил немецким эмиссарам в Мекке подарить первые экземпляры перевода мусульманским лидерам во время хаджа. На Вильгельмштрассе предпринимали несколько попыток перевести «Майн кампф» на арабский язык, а к 1930-м годам отдельные фрагменты книги распространялись в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но весь текст до конца войны так и не был переведен⁴⁵⁵. Самой выдающейся фигурой, официально уполномоченной переводить эту книгу в 1930-е годы, был Шакиб Арслан, но он так и не представил текст⁴⁵⁶.

В целом немецкие брошюры, распространяемые среди народов Северной Африки и Ближнего Востока, касались разнообразных предметов, начиная от восхваления немецкой военной мощи и заканчивая нападениями на врагов рейха. Примечательно, что в этих печатных материалах центральное место занимали именно отсылки к исламу. Опираясь на религиозные тексты – такие, как стихи Корана – и используя язык благочестия, пропагандисты стремились привлечь авторитет ислама для поддержки своих воинственных политических посланий.

⁴⁵¹ Брошюра (немецкий перевод), б. д. (1943), ВАВ, NS19/3544; арабский оригинал: брошюра *Va-shinaxu la-'ilm li'li-ca'a* («Истинно, сие есть знание часа»), б. д. (1943), ВАВ, R55/20712.

⁴⁵² Брандт – Кальтенбруннеру, 28 декабря 1943 г., б. м., ВАВ, NS19/3544.

⁴⁵³ Цейшка (Министерство пропаганды), записка («Druck und Verbreitung von Flugblättern in arabischen Ländern»), 26 января 1944 г., Берлин, ВАВ, R55/20712 (письменный запрос от СС); Цейшка, записка («Druck und Verbreitung von Flugblättern in arabischen Ländern»), 17 марта 1944 г., Берлин, ВАВ, R55/20712 (одобрение со стороны Геббельса и пожелание напечатать миллион экземпляров); Шмидт-Дюмонт, записка («Antijüdisches Flugzettel für den arabischen Raum»), 6 апреля 1944 г., Берлин (одобрение со стороны МИДа; см: также документы в ВАВ, R55/20712 (о подробностях выпуска миллиона экземпляров брошюры).

⁴⁵⁴ Хентиг – Кноте (министерство пропаганды), 28 марта 1938 г., Берлин, РА, R104800. Споры о переводах «Майн кампф» на арабский см. в: Stefan Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939», *Die Welt des Islams* 25, 1/4 (1985), 126–173, 147–170.

⁴⁵⁵ Первый полный перевод «Майн кампф» на арабский вышел лишь в 1960 году в Бейруте. Критический отзыв о нем см. в: Stefan Wild, «„Mein Kampf“ in arabischer Übersetzung», *Die Welt des Islams* 9, 1–4 (1964), 207–211.

⁴⁵⁶ Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939», 147–170. Шакиб Арслан поддерживал контакты с германскими властями в министерстве иностранных дел на протяжении всей войны, пытаясь повлиять на политику Берлина в отношении исламского мира; большая часть переписки фактически шла через его старого друга Макса фон Оппенгейма, см.: документы в: РА, Nachlass Hentig, vol. 84, а также в: РА, R104812 и R104813; о планах СС относительно официального визита Арслана в Германию в 1938 г. см.: ВАВ, NS19/391. Об Арслане см.: William L. Cleveland, *Islam against the West: Shakib Arslan and the Campaign for Islamic Nationalism* (Austin, TX, 1985).

Однако основным препятствием на пути немецкой печатной пропаганды оставалась неграмотность населения Северной Африки и Ближнего Востока – причем даже с учетом того, что умеющие читать часто зачитывали листовки соседям, а их послания распространялись из уст в уста. Сама материальность листовки или брошюры была призвана снять это препятствие. Форма и иллюстрации, использование зеленого цвета, изображения «руки Фатимы», а иногда вкуса и запаха – любые средства воздействия на неграмотную аудиторию были хороши. Кроме того, оставался и еще один эффективный метод преодоления неграмотности – радиопередачи.

Ислам и радиопропаганда в Северной Африке и на Ближнем Востоке

Пропаганда с помощью радио, распространяющего призывы к религиозным восстаниям, оказалась важнее, чем использование журналов и брошюр. Фашистская Италия открыла арабскую службу на Radio Bari уже в 1934 году⁴⁵⁷. В 1939 году, за несколько месяцев до начала войны, Берлин наконец также начал транслировать короткие программы на Магриб и Ближний Восток. Эти усилия значительно активизировались после того, как Гитлер отправил войска в Северную Африку, а немецкие радиостанции в конечном итоге начали транслировать ежедневные пропагандистские передачи даже на Мекку и Медину. «Радио Оси бомбардирует ислам» – под таким заголовком вышла статья в «Нью-Йорк таймс» во время войны в Магрибе. Ее автор предупреждал о попытках нацистов «удобрить всходы недовольства, которые традиционно прорастают в исламском мире»⁴⁵⁸.

Главный передатчик немецкой пропаганды на Северную Африку и Ближний Восток располагался в Цеезене, небольшом городке к югу от Берлина⁴⁵⁹. К Олимпиаде 1936 года в городе установили один из самых мощных коротковолновых передатчиков в мире, и во время войны он стал центром нацистской пропаганды. С 1939 года Цеезен вещал на литературном арабском языке каждый день, вскоре добавив еще программы на магрибском диалекте, а также передачи для турок, иранцев и индийцев. Фактически «Восточный отдел» радиостанции, под руководством журналиста Густава Бофингера, имел абсолютный приоритет над остальными службами зарубежного вещания в Цеезене⁴⁶⁰. В нем работали около восьмидесяти сотрудников, включая машинисток, переводчиков и дикторов. По мере эскалации конфликта и вторжения в Северную Африку немцы начали использовать радиостанции в оккупированной Европе, транслируя передачи на магрибском диалекте и берберском языке из Парижа (Radio Paris-Mondial), а затем на стандартном арабском языке из Афин (Radio Athens). Radio Berlin вещало до самого конца войны, и закрыли его только в апреле 1945 года. Программу вещания координировали несколько структур: министерство пропаганды, представленное отделом радиовещания с собственным экспертом по Ближнему Востоку Леопольдом Итцем фон Мильденштейном; министерство иностранных дел; и пропагандистский отдел верховного командования вермахта.

⁴⁵⁷ Callum A. MacDonald, «Radio Bari: Italian Wireless Propaganda in the Middle East and British Countermeasures 1934–38», *Middle Eastern Studies* 13, 2 (1977), 195–207.

⁴⁵⁸ C. L. Sulzberger, «Axis Radio Blankets Islam: American Aid Needed to Fight Propaganda Aimed at Lands of the Middle East», *New York Times* (1 February 1942).

⁴⁵⁹ О радиопропаганде нацистской Германии за границу см.: Werner Schwipps, «Wortschlacht im Äther», in Deutsche Welle (ed.), *Wortschlacht im Äther: Der deutsche Auslandsrundfunk im Zweiten Weltkrieg* (Berlin, 1971), 13–97, особенно 56–57 (зона Британской империи), 58–62 (зона Востока); Willi A. Boelcke, *Die Macht des Radios: Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924–1976* (Frankfurt, 1977), 405–416 (арабский мир), 416–430 (Иран, Афганистан, Индия); Horst J. P. Bergmeier and Rainer E. Lotz, *Hitler's Airwaves: The Inside Story of Nazi Radio Broadcasting and Propaganda Swing* (New Haven, CT, 1997), 42–43, 222–223.

⁴⁶⁰ О «Восточном отделе» Цеезена см.: Schwipps, «Wortschlacht im Äther», 58–62; Boelcke, *Die Macht des Radios*, 405–430; Bergmeier and Lotz, *Hitler's Airwaves*, 42–43 and 222–223; Bernd Trentow and Werner Kranhold, «Im Dienst imperialistischer Weltherrschaftspläne: Zum Orient-Einsatz des faschistischen Rundfunks im Zweiten Weltkrieg», *Beiträge zur Geschichte des Rundfunks* 7, 4 (1973), 22–51. После войны Бофингер написал четырехстраничный отчет о работе его «Восточного отдела», см.: Gustav Bofinger, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), б. д. (post-1945), б. м., Архив немецкого радио (*Deutsches Rundfunkarchiv*), Франкфурт (DRA), A18/1.

Главная ответственность за содержательное наполнение пропаганды для Северной Африки и Ближнего Востока лежала на министерстве иностранных дел, в частности на радиополитическом отделе, который возглавлял старый партиец Герд Рюле и его юный заместитель Курт Георг Кизингер (в будущем – федеральный канцлер ФРГ); Восточным отделом там руководил Курт Мунцель. Также была задействована Восточная секция политического отдела МИДа (отдел Эрнста Вермана). Темы радиопередач в целом вырабатывались на еженедельных заседаниях так называемых страновых комитетов, состоявших из экспертов разных отделов министерства иностранных дел – Фриц Гробба, например, долгое время руководил «арабским комитетом». Среди сотрудников-мусульман можно назвать Алимджана Идриса, который работал как на арабское, так и на турецкое вещание⁴⁶¹.

Немцы привлекли к этой деятельности немало ярких личностей. Так, главным диктором службы вещания Radio Berlin на литературном арабском языке работал иракский журналист Юнус Бахри⁴⁶². Бахри (тогда ему было под сорок) прибыл в столицу Германии в начале 1939 года и сразу же начал работать в Цеезене. «Берлин вряд ли мог найти более подходящего кандидата на роль основного проводника радиопропаганды, – сообщалось в докладе британской разведки. – Этот человек известен своим грязным языком и склонностью к интригам, это лжец и возмутитель спокойствия, причем, и это самое главное, – он готов служить всем, кто заплатит хорошую цену»⁴⁶³. Бахри был пламенным борцом против колониализма. Он много лет путешествовал по исламскому миру, занимался политической публицистикой в Голландской Ост-Индии, а затем поселился в Ираке, где издавал газету и работал диктором на государственном радио. Резкий голос, агрессивные речи и склонность говорить на повышенных тонах – всё это вскоре сделало его эфиры «фирменным знаком» арабской службы. Пожилой Макс фон Оппенгейм, которому Бахри представили в Берлине во время войны, позже написал: «Он был полудиким человеком, довольно ярким, с хорошим голосом для радио. Он очень любил окружать себя молодыми немецкими девушками – больше, чем другие арабы в Берлине. Вспыльчивый и буйный, он постоянно измывался над своими коллегами, раздавая им пощечины»⁴⁶⁴.

Хотя Бахри был наиболее известным арабским диктором Radio Berlin, немцы использовали и других ведущих, причем со всех регионов арабского мира. Среди них был религиозный деятель – марокканский богослов, мыслитель панисламистского толка и активист антиколониального движения Такиаддин аль-Хилали (после войны он достиг всемирной славы как переводчик Корана на английский язык)⁴⁶⁵. Аль-Хилали учился у Рашида Риды, а потом переехал на учебу в Германию, где в итоге и перешел работать на Radio Berlin по рекомендации Рихарда Хартмана и других востоковедов. Он тоже вскоре стал одним из самых известных арабских пропагандистов радиоэфира.

Хотя немцы сами определяли содержание программ, дикторы-арабы имели некоторую свободу действий. Вскоре после первых эфиров эксперт МИДа по Ближнему Востоку жаловался, что некоторые ведущие-мусульмане, «прежде всего иракский диктор Юнус Бахри»,

⁴⁶¹ Бофингер, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), б. д. (после 1945 г.), б. м., DRA, A18/1.

⁴⁶² О Юнусе Бахри см.: Lebel, *The Mufti of Jerusalem*, 138, 151–154 and 225. После войны Бахри сбежал в Ливан и опубликовал там мемуары о своем пребывании в Берлине, в пяти томах. Воспоминания содержат многочисленные ошибки и искаженные факты, и читать их следует с большой осторожностью. См.: Юнус Бахри, *Хуна Берлин! Хайя аль-'араб!* («Это Берлин! Да здравствуют арабы!»), 5 т. (Бейрут, б. д.).

⁴⁶³ Досье на Юнуса Бахри, б. д. (июль 1939 г.), отправлено Лэмпсоном (каирское посольство) Галифаксу (МИД), 6 июля 1939 г., Александрия, British National Archives, Kew (NA), FO 395/664.

⁴⁶⁴ Оппенгейм, мемуары («Leben im NS-Staat, 1933–1945»), б. д. (1945/1946), б. м. (Ландсхут), ОА, Nachlass Max von Oppenheim, no. 1/14.

⁴⁶⁵ Об аль-Хилали см.: Muhlis al-Sabti, *Al-salafiyya al-wahhabiyya bi-l-maghrib: Taqi al-Din al-Hilali ra'idan* («Ваххабитский салафизм в Марокко: лидер Такиаддин аль-Хилали») (Касабланка, 1993); и Henri Lauzière, «The Evolution of the Salafiyya in the Twentieth Century through the Life and Thought of Taqi al-Din al-Hilali» (PhD diss., Georgetown University, 2008).

придают программам «личный оттенок», что «не всегда в наших интересах»⁴⁶⁶. Немцы сами предоставляли пропагандистские тексты и тщательно контролировали как переводчиков, так и дикторов, но Бахри нередко удавалось вернуть в сценарии собственные идеи. «Не секрет, что диктор Юнус Бахри регулярно меняет тексты, которые ему дают», – возмущался чиновник. Поскольку эти изменения обычно оказывались незначительными, Алимджан Идрис, проверявший записанные радиопередачи до их выхода в эфир, предпочитал не вмешиваться в процесс. Более того, фаза модуляции – период до начала официальной программы, когда настраивали длину волны, – предоставляла дикторам еще один шанс для самоуправства. Хотя по правилам в то время они должны были отвечать на письма слушателей, Юнус Бахри часто использовал эту паузу для выражения собственного мнения⁴⁶⁷. По мемуарам Бахри может сложиться впечатление, что он почти самолично руководил радиостанцией: он называет себя «ведущим руководителем немецкого иностранного радиовещания» и принижает, например, Идриса, «туркестанского муджтахиды» [богослова], называя его «дежурным переводчиком» своей службы⁴⁶⁸.

Вещание на литературном арабском языке немцы считали особенно важным, так как оно покрывало аудиторию не только на Ближнем Востоке, но и во многих районах Магриба. Сценарии программ предоставляют историку богатый источник информации о содержании нацистской пропаганды, направленной на Северную Африку и Ближний Восток⁴⁶⁹. Поскольку общий обзор программ уже написан, ниже я сосредоточусь на отдельных случаях – чтобы подчеркнуть то значение, которое религиозные лозунги, терминология и риторика имели для этих передач⁴⁷⁰.

Программа цезенского радио на литературном арабском отличалась от вещания других работающих в регионе радиостанций своим резким тоном и сенсационностью. Эфиры всегда начинались с зачитывания стихов Корана (эту идею первоначально выдвинул Алимджан Идрис)⁴⁷¹. Пропагандисты министерства иностранных дел стремились использовать для этого записи Корана из исламских стран, полагая, что они будут более убедительными, нежели сделанные в рейхе. После оккупации Туниса МИД почти сразу же обзавелся записями Корана, подготовленными местными имамами⁴⁷².

Как и в печатной пропаганде, религия использовалась в радиопередачах для того, чтобы изобразить Британскую империю, Соединенные Штаты, большевизм и еврейство врагами ислама. Как представляется, чаще всего повторялись призывы противостоять британскому вла-

⁴⁶⁶ Мильденштейн, отчет, б. д. (1939), б. м. (Берлин), ВАВ, R58/783.

⁴⁶⁷ Ibid.

⁴⁶⁸ Бахри, *Хуна Бирлин!*, т. 2 (*Зу'ама аль-назиййа ка ма 'арафтхум* [«Нацистские лидеры, какими я их знал») (Бейрут, б. д.), 31; об Идрисе: Бахри, *Хуна Бирлин!*, т. 3 (*Хитлер ва'ль-шуййу'иййа* [Гитлер и коммунизм]) (Бейрут, б. д.), 78.

⁴⁶⁹ Тексты радиопередач на арабском, выходивших в эфир с декабря 1940 г. по февраль 1941 г. можно найти в ВАВ, R901/73039. Начиная с 1942 г. американские дипломаты в Каире записывали немецкие пропагандистские передачи на арабском, переводили на английский и отправляли в Вашингтон. Эти тексты можно найти в: USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77 (1942), Box 93 (1943), Box 112 (1944). Несколько сценариев передач 1945 г. хранятся в USNA, RG 208, Entry 373, Box 417. Другие тексты и краткие пересказы программ арабского вещания держав Оси можно найти в: USNA, RG 262, Entry 3, Box 9; USNA, RG 208, Entry 362, Box 133; USNA, RG 208, Entry 373, Box 421; USNA, RG 208, Entry 374, Box 430; and USNA, RG 208, Entry 387, Box 622. Британцы также вели записи текстов этих радиопередач. Они использовались в работе различных лондонских министерств и сейчас хранятся в архивах «BBC» в Рединге. Несколько оригинальных записей пропагандистских радиопередач на арабском пережили войну и сейчас хранятся в DRA.

⁴⁷⁰ Herf, *Nazi Propaganda for the Arab World*, дает хронологический обзор содержания германской радиопропаганды на арабском, с акцентом на антисемитских темах. Vera Henssler, «Für die Propaganda nach dem Orient ist bei weitem die wirksamste Waffe der Rundfunk»: NS-Auslandspropaganda in den Nahen Osten und Nordafrika», *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 59, 11 (2011), 920–937 (эта работа опирается на инструкции немецкого радио). Среди ранних, но важных в контексте этой работы исследований радиопропаганды рейха в Северной Африке и на Ближнем Востоке см.: Ageron, «Contribution à l'étude de la propagande allemande au Maghreb pendant la Deuxième Guerre mondiale», 21–32; и почти идентичная работа: Ageron, «Les populations du Maghreb face à la propagande allemande», 13–39; Baida, «Le Maroc et la propagande du IIIème Reich», 93–95.

⁴⁷¹ Бофингер, отчет («Entstehung und Geschichte der Zone Orient KWS»), DRA, A18/1; и аналогично Швиппс, «Wortschlacht im Äther», 60.

⁴⁷² Рюле – Рану, 13 марта 1943 г., Берлин, РА, R27768; ответ: Ран – Рюле, 4 апреля 1943 г., Тунис, РА, R27766.

дычеству. 29 июля 1942 года, когда танки Роммеля продвигались к Каиру, немецкие радиопередачи наставляли: «Когда британцы упорствуют в своих злых делах и притеснениях, долг мусульман – призывать имя Аллаха, чтобы сражаться с ними»⁴⁷³. Арабская служба Radio Berlin делала все возможное, чтобы ни один мусульманин не забыл об этих «злых делах», постоянно рассказывая, как британцы угнетают правоверных по всему миру. Она оплакивала казнь «мученика» в Палестине – «героя, который своей борьбой за свободу напоминает нам о сподвижниках Пророка»⁴⁷⁴. Радио распространяло истории о якобы происходящих в Индии репрессиях против мусульман и заявляло, что «главные враги ислама – британцы»⁴⁷⁵. Оно рассказывало о подавлении исламских религиозных движений в Египте, утверждая, что англичане «сеют безнравственность» в мусульманских странах и несут ответственность за «преступное притеснение ислама»⁴⁷⁶. Среди наиболее частых тем радиопередач можно также назвать неуважение англичан к мечетям и святым местам. Зимой 1942 года немцы сообщили, что англичане, из-за своего страха перед концентрацией множества мусульман в одном месте, мешали египетским и индийским паломникам совершить хадж⁴⁷⁷.

Цеезен также опровергал обвинения британского радио в том, что немецкие подводные лодки готовы топить корабли с паломниками. По случаю следующего сезона хаджа, в сентябре 1943 года, Великобританию обвинили в том, что она не позволяет палестинским и индийским паломникам покидать свои страны⁴⁷⁸. Месяц спустя Radio Berlin объявляло: «Голлисты, эти шарлатаны, которым англичане дали власть в Сирии, приняли решение запретить паломничество и по суше, и по морю»⁴⁷⁹. Таким образом, слушателям внушалось, что «Свободная Франция» ничем не отличается от британцев в своей «ненависти не только к мусульманам, но и к исламской религии».

Основными выгодоприобретателями от британских (и вообще европейских) атак на ислам, были, по мнению дикторов Цеезена, евреи. Чем ближе войска Роммеля подходили к Каиру, тем более яростной становилась антиеврейская пропаганда. В начале июля 1942 года, когда Роммель пересек египетскую границу, арабский ведущий утверждал, что евреи бегут из страны: «Еще раз благодарим Бога за очищение Египта от этих ядовитых рептилий»⁴⁸⁰. В тот же месяц, когда итальянско-немецкая танковая армия приближалась к центру Египта, Radio Berlin вещало: «Евреи планируют обесчестить ваших женщин, убить ваших детей и уничтожить вас. Согласно мусульманской религии, защита вашей жизни – это долг, который может быть исполнен только путем уничтожения евреев»⁴⁸¹. Ведущий откровенно призывал к наси-

⁴⁷³ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic», 29 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

⁴⁷⁴ Текст радиопередачи «Der Freiheitsheld Jusuf Abu Durra» (немецкий перевод), 8 февраля 1941 г. (отправлен), BAW, R901/73039.

⁴⁷⁵ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Britain and Islam», 6 августа 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

⁴⁷⁶ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Al Azhar University and the Moslem Cause», 3 сентября 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁷⁷ О Египте и Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «The Arab Nation: The Pilgrimage», 4 декабря 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77; по Индии см. также: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Pilgrims», 12 января 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁷⁸ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: British Obstacles for Arab Palestinian Pilgrims», 30 сентября 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁷⁹ По Сирии и Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Athens in Arabic: The Pilgrimage», 12 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93; по Индии см.: текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: India», 12 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93; и текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Athens in Arabic: Indian Pilgrims», 15 августа 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁸⁰ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism», 1 июля 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

⁴⁸¹ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: The London Mosque», 16 июля 1942 г.

лию: «Убивайте евреев, пока они не убили вас». Radio Berlin продолжало транслировать такого рода антисемитские тирады до самого конца вещания в 1945 году. Возможно, самым ярким примером такой риторики стала печально известная речь аль-Хусейни, произнесенная 1 марта 1944 года. Он буквально задыхался от ярости: «Убивайте евреев, где бы вы их ни находили, из любви к Богу, истории и религии»⁴⁸². Важно отметить, что Radio Berlin не только раздувало страхи по поводу еврейской колонизации Палестины, но выходило далеко за пределы этой темы, используя обычные нацистские нарративы, стереотипы и теории заговора на еврейскую тему; в конечном счете радио призывало их уничтожить. Немецкая пропаганда добилась слияния ислама с антиеврейской пропагандой до уровня, ранее неведомого в современном мусульманском мире.

Антиамериканская пропаганда на радио в целом была менее «религиозной». Лишь изредка ведущие ссылались на ислам – как правило, чтобы изобразить американцев отсталыми в моральном и культурном отношении. Арабская служба обвиняла американцев в том, что эти «рабы денежного мешка» эксплуатируют других и чужды морали. Утверждалось, что «усилия американцев разобьются о твердую скалу – скалу ислама»⁴⁸³.

Наконец, арабская служба Цеезена использовала ислам в антисоветской агитации. Накануне битвы при Эль-Аламейне, когда немецкие танки наступали на Северном Кавказе, диктор заявил: «Мы должны бороться с большевизмом, как мы сражались с евреями и империалистами»⁴⁸⁴. После отступления вермахта с Кавказа, несколько месяцев спустя, Берлин рассказывал ужасные истории о преследованиях кавказских мусульман в Советском Союзе: «В святых для мусульман местах, в мечетях и религиозных школах, где имамы выполняли свои обязанности, их вешали или расстреливали на глазах учеников и родственников». Более того, истории о репрессиях Сталина против мусульман и уничтожении ислама в Советском Союзе передавались в эфир каждые несколько недель. В конце 1943 года, предупреждая о советском проникновении в Северную Африку и на Ближний Восток, Radio Berlin уверяло слушателей: Сталин понял, что ислам является «мощной преградой» для его планов, поскольку большевистские и исламские принципы «диаметрально противоположны»⁴⁸⁵. Даже в августе 1944 года ведущие все еще заявляли, что Москва «уничтожает мечети», «сжигает Коран» и «запрещает мусульманам исповедовать свою религию» – «большевизм противоречит исламу»⁴⁸⁶.

Немцев же радиопропаганда описывала – по контрасту – как наиболее надежных защитников мусульманской веры. За «Арабской прокламацией» от 5 декабря 1940 года вскоре последовало более подробное заявление о дружбе Германии с арабским миром и исламом; в нем подчеркивалась традиция немецких научных исследований Корана и исламской истории, а также пиетет Германии перед мусульманами. «Немецкие ученые проявляют особый интерес к фигуре Пророка и его жизни», – похвалялся диктор⁴⁸⁷. В радиопередачах также упоминались принципы, якобы объединяющие ислам и нацизм. 22 мая 1943 года в передаче «Ислам и нацио-

(записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

⁴⁸² Hirszowicz, *The Third Reich and the Arab East*, 311.

⁴⁸³ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: An American Paradise», 4 июня 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁸⁴ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Voice of Free Arabism: Bolshevism and Islam», 7 сентября 1942 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 77.

⁴⁸⁵ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Stalin's Ambitions in the Near East and Arab Countries», 10 декабря 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 112.

⁴⁸⁶ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Talk: Bolshevism and Its Dangers», 22 августа 1944 г. (записан), RG 84, Entry UD2410, Box 112.

⁴⁸⁷ Текст радиопередачи «Zur Regierungserklärung für die Araber» (перевод на немецкий), 12 декабря 1940 г. (отправлен), ВАР, R901/73039. Эта декларация была отправлена всего несколько дней после «Арабской прокламации». Текст радиопередачи «Deutsche Rundfunkklärung vom 5. Dezember 1940», 7 февраля 1942 г., Берлин, РА, R28876 (также в: РА, R261123 и R261179).

нал-социализм» подчеркивался идеал порядка, который якобы присущ как Корану, так и доктрине национал-социализма – наряду с безусловной «любовью к силе»⁴⁸⁸. Все более важную роль играли передачи о жизни мусульман под немецкой оккупацией в разных регионах, в частности на Балканах и на оккупированных восточных территориях.

Использование Германией ислама в радиопропаганде для арабского мира выходило за рамки простого противопоставления друзей и врагов ислама. Radio Berlin также передавало обычные программы на тему религии, так называемые еженедельные беседы о религии (*religiöser Wochentalk*). Политика там обсуждалась только между строк или вообще не затрагивалась. В своей служебной записке Герд Рюле объяснял, что такие передачи в первую очередь направлены на то, чтобы заинтересовать мусульман немецким радио. Впрочем, добавлял он, передачи затрагивали религиозную тематику еще и для того, чтобы подчеркнуть необходимость сопротивления владычеству иностранных держав⁴⁸⁹. «Еженедельные беседы о религии» обычно начинались с призыва к слушателям: «О магометане!» или «О слуги Аллаха!» – эти лозунги повторялись в каждом эфире. Вообще, передачи были призваны давать мусульманам моральные наставления, учить их решать этические вопросы и следовать религиозным ценностям. Они изобиловали ссылками на Коран, жизнь пророка Мухаммада и раннюю исламскую историю и фактически были выстроены в жанре проповеди. Беседы о «благочестии», «правдивости», «правильном обращении со слугами, рабами и животными», «правдивости и силе веры», «паломничестве» наставляли мусульманских слушателей в набожности, призывали вернуться к традициям времен пророка Мухаммада и следовать идее общины правоверных⁴⁹⁰. Многие из этих дикторских текстов предполагали, что мусульмане стали слабыми, потому что отклонились от истинного пути ислама, и только религиозное возрождение помогло бы им снова стать могущественными. Другим повторяющимся мотивом было утверждение о том, что враги ислама сознательно держат мусульман необразованными и суеверными. В передаче «Знания и образование» ведущий сокрушался по поводу того, что многие мусульмане недостаточно знакомы со своей верой, и обличал тех, кто сознательно оставляет их необразованными, чтобы лучше подавлять их и управлять ими⁴⁹¹. Лишь немногие сценарии этих религиозных передач пережили войну и хранятся сегодня в немецких архивах – в США записей почти не велось. Тем не менее официальные лица в Вашингтоне хорошо знали о них. «Как обычно, одна из передач Radio Berlin на арабском прямо-таки сочилась религиозными песнопениями, отрывками из Корана и сладкими, елейными речами», – так весной 1942 года ехидничал в своем отчете⁴⁹² офицер-разведчик из Управления военной информации США⁴⁹³.

⁴⁸⁸ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Islam and National-Socialism», 22 мая 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁴⁸⁹ Рюле, записка («Aufzeichnung betr. die Rundfunkpropaganda in dem arabischen Raum»), 5 мая 1941 г., Берлин, PA, R67482.

⁴⁹⁰ Текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk: Die Frömmigkeit» (перевод на немецкий), 5 декабря 1940 г. (отправлен), BAV, R901/73039; текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk: Die Wahrhaftigkeit» (перевод на немецкий), 26 декабря 1940 г. (отправлен), BAV, R901/73039; текст радиопередачи «Talk: Die gute Behandlung des Dieners, Sklaven und Tieres» (перевод на немецкий), 23 января 1941 г. (отправлен), BAV, R901/73039; текст радиопередачи «Kultureller Talk: Die Wahrhaftigkeit und die Stärke des Glaubens» (перевод на немецкий), 31 декабря 1940 г. (отправлен), BAV, R901/73039; текст радиопередачи «Religiöser Talk: Die Pilgerfahrt» (перевод на немецкий), 2 января 1941 г. (отправлен), BAV, R901/73039; и текст радиопередачи «Religiöser Wochentalk» (перевод на немецкий), 19 декабря 1940 г. (отправлен), BAV, R901/73039.

⁴⁹¹ Текст радиопередачи «Talk: Die Wissenschaft und der Unterricht» (перевод на немецкий), 13 февраля 1941 (отправлен), BAV, R901/73039.

⁴⁹² Управление военной информации, особый ежедневный отчет о пропаганде, 11 марта 1942 г., USNA, RG 208, Entry UD577, Box 4.

⁴⁹³ Управление военной информации – ведомство, создано в 1942 году с целью вести пропаганду военной политики американской администрации как внутри страны, так и за рубежом по каналам прессы, радио, кино и любыми другими средствами. Закрывается в августе 1945 года. – *Прим. пер.*

Наконец, Берлин по максимуму использовал события религиозного календаря. Передачи, транслируемые по случаю мусульманских праздников, сочетали размышления о торжествах с риторикой войны. Уже в январе 1941 года радиожурналисты поздравили верующих с Курбан-байрамом, не забыв поделиться размышлениями об идеале «жертвенности» в борьбе с врагом, воздать уважение «мужественности и героизму», а также силе религии как оружия против неприятеля: «Воистину, Бог с верующими»⁴⁹⁴. На следующий исламский Новый год (он приурочен к датам переселения, или хиджры, пророка Мухаммада из Мекки в Медину), арабская служба Radio Berlin не только передала поздравления, но и выразила надежду на ниспровержение колониальных угнетателей, ссылаясь на восьмую суру Корана: «Победа может быть только от Бога» (8:10). Одна из примечательных в этом контексте программ вышла в эфир в связи с празднованием мавлида (дня рождения пророка Мухаммада) в марте 1944 года. В нее был включен рассказ о берлинской мечети. Американский офицер, занимавшийся мониторингом немецкого радио, описал передачу следующим образом:

Диктор сказал, что празднование в этом году отличается от прошлогоднего – на нем лежит печать горя и скорби, поскольку недавно варварскими налетами союзников была уничтожена мечеть. Союзники мало заботятся о неприкосновенности религиозных памятников – они просто скоты. Мечеть бомбили 13 февраля. Затем диктор анонсировал короткую пьесу, изображающую события того памятного дня. После небольшой паузы мы услышали шейха мечети, зачитывающего аяты Корана низким и спокойным голосом. Фрагменты, которые он читал, представляли собой обращение к Аллаху с просьбой защитить жизнь мусульман и благосостояние ислама. На заднем плане ревели самолеты, время от времени раздавались звуки падающих бомб и взрывов, но на протяжении всего налета шейх продолжал читать Коран тем же спокойным голосом. Затем вновь заговорил диктор, сообщив, что на следующий день после бомбежки шейх мечети стоял на холоде и ветру, однако все равно читал Коран. Снова раздался голос шейха, декламировавшего: «Бог велик, Аллах велик!» и зачитавшего еще несколько аятов спокойным тоном. Затем снова появился диктор и сказал, что голос шейха – это голос истины, рассказывающий исламскому миру о том, что враги ислама не откажутся от своих усилий до тех пор, пока ислам не рухнет. Диктор добавил, что мавлид празднуется на развалинах, но тем не менее мусульмане собрались, чтобы поздравить друг друга, и в эфире были слышны их голоса⁴⁹⁵.

В целом, как и в печатной пропаганде, немецкому радио ислам предоставлял язык, метафоры и призывы, которые использовались пропагандистами в политических интересах. Нацистские агитаторы работали с религиозными понятиями, а также концепциями и ссылками на священные тексты. Антибританская, антибольшевистская и антиеврейская агитация часто сопровождалась цитатами из Корана. Иногда даже нерелигиозные термины трактовались на языке веры: например, понятие «пикирующий бомбардировщик» (*Suka*, сокращенно от *Sturzkampfflugzeug*) было переведено на арабский как «самолет, который, подобно орлу Пророка, слетает с неба и уничтожает врага на земле»⁴⁹⁶. Более того, радиопропаганда на литературном арабском постоянно использовала панисламистские темы – в частности, в рассказах об

⁴⁹⁴ Текст радиопередачи «Talk: Glückwünsche zum Beiram-Fest» (перевод на немецкий), 8 января 1941 г. (отправлен), BAV, R901/73039.

⁴⁹⁵ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников) «Berlin in Arabic: Celebration of This Holy Occasion in the Mosque in Berlin», 7 марта 1944 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 112.

⁴⁹⁶ Швипс, «Wortschlacht im Äther», 59; и аналогично: Boelcke, *Die Macht des Radios*, 405.

исламе в СССР, Индии и Германии. Одновременно радио продвигало идею глобальной войны ислама, которую тот якобы ведет плечом к плечу со странами Оси.

Программы Radio Berlin на магрибском диалекте арабского (дариже) отличались той же религиозно-политической направленностью, хотя и имели североафриканскую региональную специфику. То же самое относится к арабским программам Radio Athens и Radio Paris-Mondial. Так, парижское радио рассказывало о жизни мусульман в оккупированной Франции. Например, в начале 1943 года там вышла документальная передача, подготовленная главным диктором парижской службы вещания на арабском – Мухаммадом Бузидом, марокканцем из Рифа. Передача повествовала о рабочих-мусульманах на атлантическом побережье, восторгающихся Гитлером⁴⁹⁷.

Хотя власти Германии считали, что программы на арабском языке имеют первостепенное значение для Северной Африки и Ближнего Востока, они также увеличили число передач на турецком, персидском и урду. Интересно, однако, что в передачах на турецком исламские сюжеты использовались крайне редко⁴⁹⁸. Когда, в самом начале войны, в Берлине попытались задействовать религиозную тематику в пропагандистских передачах, турецкая пресса мгновенно отреагировала на это хлесткой критикой. Турки подчеркивали, что религия никогда не должна применяться в политической пропаганде, а робкие попытки немцев делать это они высмеивали как признак их нечистоплотности; вспомнили даже о неудачных планах Вильгельма II использовать ислам⁴⁹⁹. Франц фон Папен, посол Германии в Анкаре, предупреждал, что «призыв к религиозным чувствам», если и привлекателен, то лишь для «низших классов»; однако даже низы общества вряд ли воспримут религиозную пропаганду, исходящую из «культурного центра Запада»⁵⁰⁰. Тем не менее через год немецкие официальные лица задумались о создании пиратской радиостанции, которая ругала бы светскость, секуляризм и подавление ислама в Турции⁵⁰¹. Впрочем, Турция, официально светская страна, для немецких экспертов по Востоку оставалась особым случаем – как и в довоенных дискуссиях.

Напротив, персидская служба, укомплектованная такими одиозными пропагандистами, как главный диктор Шах-Бахран Шахрух, оппозиционер Незамеддин Ахави и Давуд Моншизаде (после войны последний создаст в Иране Национал-социалистическую рабочую партию), все больше и больше использовала религиозную риторику. После оккупации Ирана летом 1941 года немецкая пропаганда постоянно обвиняла союзников в осквернении культовых зданий и оскорблении чувств верующих. Среди стандартных пропагандистских лозунгов можно упомянуть обвинение «англо-советских войск» в том, что они «надругались над мечетями в Иране»⁵⁰². Когда летом 1942 года немцы шли по южным районам Советского Союза, прибли-

⁴⁹⁷ Ширмер (МИД) – в парижское посольство, 1 января 1942 г., Берлин, PA, Paris 1116C. Автор донесения сообщает посольству в Париже об этом предложении, поступившем из консульства Германии в Танжере. Шлейер – МИДу, 15 января 1943 г., Париж, PA, Париж 1116C (положительная реакция на это предложение). Вицихл (парижское посольство), записка («Reportage in arabischen Arbeitslagern der Organisation Todt»), 21 января 1943 г., Париж, PA, Париж 1116C (здесь оценивается передача и подтверждается, что она была отправлена 17 января 1943 г.).

⁴⁹⁸ О политике рейха относительно Турции см.: Lothar Kreckler, *Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg* (Frankfurt, 1964); Johannes Glasneck and Inge Kircheisen, *Türkei und Afghanistan: Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Berlin, 1968); более общий очерк: Zehra Önder, *Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg* (Munich, 1977); и Selim Deringil, *Turkish Foreign Policy during the Second World War: An «Active» Neutrality* (Cambridge, 2004); об идеологическом аспекте отношений двух стран см.: Stefan Ihrig, *Atatürk in the Nazi Imagination* (Cambridge, MA, 2014).

⁴⁹⁹ Папен – МИДу, 26 апреля 1940 г., Анкара, PA, R67484; и аналогично: Папен – МИДу, 3 мая 1940 г., Анкара, PA, R67484 (к обоим письмам были приложены обзоры прессы).

⁵⁰⁰ Папен – МИДу, 3 мая 1940 г., Анкара, PA, R67484.

⁵⁰¹ Рюле, записка («Deutsche Sendungen in türkischer Sprache»), 18 апреля 1941 г., Берлин, PA, R67483.

⁵⁰² МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), б. д. (4 января 1942 г.), б. м. (Берлин), PA, R27329; и аналогично: МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), 4 января 1942 г., напечатано в: МИД, инструкции («Zusammenfassung der vom Herrn RAM angeordneten Standardthesen für die deutsche Auslandspropaganda in laufender Nummernfolge»), 1942 г., Берлин, PA, R101400; и аналогично: МИД, инструкции («Standardthesen für die Propaganda nach dem Iran»), 27 марта 1942 г., напечатано в: МИД, инструкции («Zusammenfassung der vom Herrn RAM angeordneten

жаясь к иранской границе, пропагандисты получили новые инструкции. В дополнение к обычным лозунгам они должны были осуждать британскую и советскую «политику угнетения» в «других магометанских странах»⁵⁰³. Radio Berlin обвиняло Вашингтон в организации «миссионерской деятельности» в Иране, Лондон – в том, что он вмешивается не только в «политические», но и в «религиозные» вопросы, а Москву – в общей «враждебности по отношению к религии»⁵⁰⁴.

Особенно популярным источником вдохновения для немецкой пропаганды на фарси выступали мессианские настроения шиитов. Еще в феврале 1941 года Эрвин Эттель, тогда занимавший пост посланника в Тегеране, сделал конкретные предложения в этом отношении. Из иранской столицы он сообщил, что многочисленные шиитские «духовные лица» говорят с народом «о древних пророчествах и снах, толкуя их в том смысле, что двенадцатый имам⁵⁰⁵ был послан в мир Аллахом в облике Адольфа Гитлера»⁵⁰⁶. Эттель предложил поддержать эти тенденции и сделать упор на «борьбу Мухаммада против евреев в прошлом, а фюрера – в наше время. Уравнивание англичан с евреями позволило бы вести среди иранских шиитов чрезвычайно эффективную антианглийскую пропаганду». Эттель предложил использовать знаменитый аят Корана (5:82/85, см. выше) наряду с цитатой из «Майн кампф» («Поэтому сегодня я верю, что действую в соответствии с волей Всемогущего Творца: защищая себя от евреев, я борюсь за дело Господне»), чтобы доказать, что мусульмане и нацисты преследуют «одни и те же цели в борьбе». Ответственный за пропаганду сотрудник посольства Германии в Тегеране собрал материалы по этому вопросу. Немецкие пропагандисты должны были затрагивать мессианские сюжеты в своих радиопередачах, а в случае позитивной реакции развивать их в печатных материалах. Тем не менее Эттель призывал к осторожности, поскольку «грубая пропаганда может оскорбить чувства верующих». Местные каналы казались наиболее подходящими для распространения пропагандистских сообщений. Эттель особенно подчеркивал политическую роль духовенства в Иране, обращая внимание на наличие у него эффективной информационно-пропагандистской сети с центрами в Мешхеде и Куме, которую немецким пропагандистам следовало использовать⁵⁰⁷. Коллеги Эттеля вполне разделяли его взгляды. Оценивая немецкую пропаганду в Иране, Ганс Александр Винклер, работавший атташе по культуре в немецком посольстве в Тегеране до вторжения союзников, в начале 1942 года писал, что наиболее перспективными темами пропаганды в этой стране должны выступать религиозные верования и чаяния персов, в частности ожидавшееся ими возвращение двенадцатого имама⁵⁰⁸. Винклер утверждал, что среди сельского населения и городской интеллигенции приход к власти Адольфа Гитлера нередко связывают с возвращением Махди. Даже само шиитское духовенство, по словам дипломата, культивировало подобные идеи. Учитывая «склонность простого иранца к религиозному фанатизму», Винклер видел в таких убеждениях «мощную силу», которую могла бы использовать немецкая пропаганда – в идеале привязывая сюда и антисеми-

Standardthesen für die deutsche Auslandspropaganda in laufender Nummernfolge»), 1942 г., Берлин, PA, R27330.

⁵⁰³ Эттель, инструкции («Richtlinien für die deutsche Propaganda nach dem Iran»), 24 августа 1942 г., Берлин, PA, R27329 (также в: PA, R27330).

⁵⁰⁴ Эттель, записка («Rundfunkpropaganda nach Iran»), 21 декабря 1942 г., Берлин, PA, R27329. Текстов немецких радиопередач, нацеленных на Иран, сохранилось очень мало, и они не дают составить представление о религиозном измерении германского вещания на Иран. См.: тексты в ВАВ, R901/73039.

⁵⁰⁵ По представлениям шиитов-двунадесятников (основное направление в шиитском исламе), Мухаммед ибн аль-Хасан аль-Махди (869–941), двенадцатый имам (или наследник пророка Мухаммеда в качестве лидера правоверных) не умер, а скрылся от глаз людей. В конце времен имам аль-Махди должен открыться по приказу Аллаха и объявиться в Мекке, где к нему присоединятся его сторонники, а праведники одновременно с этим восстанут из могил. Все они пойдут воевать с Даджалем и установят на земле царство справедливости.– *Прим. пер.*

⁵⁰⁶ Эттель – МИДу, 2 февраля 1941 г., Тегеран, PA, R60690.

⁵⁰⁷ Ibid.

⁵⁰⁸ Винклер, записка («Erfahrungen aus der deutschen Propagandaarbeit in Iran vom November 1939 bis September 1941»), 10 января 1942 г., Берлин, PA, R60690. О Винклере см. главу 5 этой книги.

тизм. Немецкая пропаганда действительно представляла Гитлера как спасителя, посланного Богом⁵⁰⁹. Вскоре даже новый шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви публично выразил обеспокоенность по поводу радиопередач Оси, изображающих немецкого диктатора как религиозную фигуру и защитника ислама⁵¹⁰.

Особой деликатности требовала пропаганда, нацеленная на мусульман Британской Индии – области, также входившей в сферу ответственности «Восточного отдела» радио. Цеезен готовил три ежедневные программы для Индии, в том числе *Azad Muslim* («Свободные мусульмане») на языке урду. Тем не менее в 1943 году немцы вещали на Индию только пятнадцать минут в день. Вместо обращения к отдельным религиозным группам индийская служба обычно обвиняла Англию в разжигании религиозной ненависти⁵¹¹. Поскольку Субхас Чандра Бос, главный индийский союзник Гитлера, официально проводил политику единства между индусами и мусульманами, Radio Berlin не могло проповедовать индийцам джихад. Однако по ходу войны даже в случае Индии немецкая пропаганда все чаще взывала к исламу. Одним из наиболее заметных примеров стало выступление муфтия, переведенное на урду и выданное в эфир в воскресенье, 23 августа 1942 года. Аль-Хусейни обращался к мусульманам, осуждал враждебность Лондона к исламу во всем мире и призывал сопротивляться британскому владычеству⁵¹². Лондон быстро отреагировал на это в своем арабском вещании, заверив слушателей в верности индийских мусульман делу союзников⁵¹³. Спустя месяц индийская служба итальянского радио передала в эфир обращение легендарного вождя пуштунов Мирзы Али-хана (известного как «факир из Ипи»), поднявшего мощное восстание против британцев в Вазиристане в 1936–1939 годах. Мирза Али-хан поддержал выступление аль-Хусейни и объявил, что враги Оси – это враги ислама и Индии⁵¹⁴. Однако на самом деле текст прокламации Мирзы Али-хана был написан не в горах северного Вазиристана, а в кабинетах итальянской пропагандистской службы в Риме⁵¹⁵.

Немцы, впрочем, действительно поддерживали связь с Мирзой Али-ханом и его последователями на Северо-Западной границе, которая с XIX века оставалась для Британской Индии очагом напряженности⁵¹⁶. В 1920–1940-е годы Али-хан стал самым известным руководителем бунтующих племен; как и многие его предшественники, он был не просто политическим лидером, но и религиозным деятелем, призывавшим к джихаду против империалистов. Чтобы умирять повстанцев и предотвращать нападения на свои военные и гражданские объекты, британцы держали в регионе крупный контингент индийской армии. Немцы внимательно изучали ситуацию на северо-западной границе. В докладе на пятьдесят две страницы, написан-

⁵⁰⁹ George Lenczowski, *Russia and the West in Iran 1918–1948: A Study in Big-Power Rivalry* (Ithaca, NY, 1949), 159.

⁵¹⁰ Sulzberger, «Axis Radio blankets Islam», и аналогично: C. L. Sulzberger, *A Long Row of Candles: Memoirs and Diaries, 1934–1954* (London, 1969), 191.

⁵¹¹ О политике Германии в отношении Индии см.: Reimund Schnabel, *Tiger und Schakal: Deutsche Indienpolitik 1941–1943* (Vienna, 1968); Milan Hauner, *India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War* (Stuttgart, 1981); Hans-Bernd Zöllner, «Der Feind meines Feindes ist mein Freund»: *Subhas Chandra Bose und das zeitgenössische Deutschland unter dem Nationalsozialismus 1933–1943* (Hamburg, 2000); и Jan Kuhlmann, *Netaji in Europe* (New Delhi, 2012). Эти работы помогут составить общее представление о роли Индии во Второй мировой войне: Johannes H. Voigt, *India in the Second World War* (New Delhi, 1987); Manzoor Ahmad, *Indian Response to the Second World War: A Political Study* (New Delhi, 1987).

⁵¹² Эту речь организовали вместе немцы и итальянцы во время пребывания муфтия в Риме. О речи и участии Германии в этом действе см.: документы в PA, R27326 и PA, R60675.

⁵¹³ Радиополитический отдел (МИД), текст службы мониторинга, 25 августа 1942 г., Берлин, PA, R60675; и аналогично: Германское агентство новостей (Deutsches Nachrichtenbüro), секретный отчет («DNB-Radioaufnahme»), 25 августа 1942 г., Берлин, PA, R27326.

⁵¹⁴ Макензен (римское посольство) – МИДу, 30 сентября 1942 г., Рим, PA, R27326 (также в: PA, R60675 и в: BA–MA, RH 2/1785); текст речи см. в: «Mirza Ali Khan», речь, 2 октября 1942 г., PA, R27326.

⁵¹⁵ Макензен – МИДу, 30 сентября 1942 г., Рим, PA, R27326 (также в: PA, R60675 и в: BA–MA, RH 2/1785).

⁵¹⁶ Milan Hauner, «One Man against the Empire: The Faqir of Ipi and the British in Central Asia on the Eve of and during the Second World War», *Journal of Contemporary History* 16, 1 (1981), 183–212 (в этой статье хорошо рассказывается о факире из Ипи во время Второй мировой войны и о помощи, которую его люди получали от немцев и итальянцев).

ном в 1941 году, подчеркивалось стратегическое значение не только суннитского большинства, «неистовых врагов англичан», но и их «религиозного фанатизма»⁵¹⁷. Примерно в это же время Берлин совместно с Римом начал оказывать систематическую поддержку Мирзе Али-хану, снабжая его деньгами, оружием и боеприпасами⁵¹⁸. Немецкие документы свидетельствуют, что поставки были организованы с помощью миссии рейха в Кабуле. Руководил ею опытный дипломат Ганс Пильгер, широко привлекавший местных связных. Донесения британской разведки показывают, с каким опасением в Лондоне относились к этим контактам⁵¹⁹. Судя по документам власти Афганистана пытались задерживать немецкие грузы, пересекающие линию Дюранда (границу между Афганистаном и Пакистаном)⁵²⁰. По ходу войны англичане все жестче блокировали поставки, пока в 1942 году их поток вообще не иссяк. Осенью 1942 года Али-хан обратился к аль-Хусейни и аль-Гайлани с письмом, где обещал и дальше бороться с англичанами, несмотря на дефицит оружия и боеприпасов⁵²¹ – письмо передал в Кабул один из его эмиссаров. Для немецкой публики он был «героем-освободителем Вазиристана»⁵²².

За исключением повстанцев с северо-западной границы, большинство мусульманского населения Индии сохраняло спокойствие. Всеиндийская мусульманская лига, которая в годы войны превратилась в самую массовую исламскую организацию, оказалась лояльной Великобритании. Ее руководитель Мухаммед Али Джинна умело пользовался ситуацией, убеждая метрополию согласиться на раздел Индии, но всегда оставался верен британцам⁵²³. В различных индийских провинциях лидеры мусульман призывали к войне против стран Оси⁵²⁴. Впрочем, спектр мнений индийских мусульман не ограничивался Лигой. Некоторые деятели демонстрировали откровенную враждебность к англичанам – как, например, часть членов «Джамийат аль-улама», организации ведущих индийских улемов. Возглавлял ее Кифайатулла Дихлави, неофициальный муфтий Индии, открыто высказывающийся против британского империализма и неоднократно попадавший под арест. Немцы даже подумывали выйти на личный контакт с ним⁵²⁵.

⁵¹⁷ Ленц (МИД), отчет («Die Indische Nord-West-Grenzprovinz»), август 1941 г., Берлин, PA, R27501.

⁵¹⁸ Документы в архивах германского МИДа указывают на постоянные контакты между немцами и Мирзой Али-ханом, а также на выплаты денег последнему начиная с первой половины 1941 г. см.: PA, R27326, R27772, R29534 и индийские папки R60667–77, R67660.

⁵¹⁹ Передача оружия, боеприпасов, денег и сообщений из германского дипломатического представительства в Кабуле зафиксирована в еженедельных отчетах генштаба Индии: General Headquarters India, Report («Weekly Intelligence Summary of the North-West Frontier and Afghanistan of 1941 and 1942»), NA, WO 208/773. «Ежемесячный отчет разведки» из штаб-квартиры британской индийской армии дает схожую картину.

⁵²⁰ General Headquarters India, Report («Weekly Intelligence Summary of the North-West Frontier and Afghanistan»), 15 июля 1941 г., 29 июля 1941 г., 13 февраля 1942 г., 6 марта 1942 г. и 19 июня 1942 г., NA, WO 208/773.

⁵²¹ Пильгер – МИДу, 10 сентября 1942 г., Кабул, PA, R27326; подробнее о содержании см.: Пильгер – МИДу, 28 сентября 1942 г., Кабул, PA, R27326; о реакции немцев см.: документы в PA, R27326.

⁵²² Erhard Tewes, *Der Freiheitsheld von Waziristan: Von England gefürchtet, von Indien geliebt* (Aalen, 1940).

⁵²³ Stanley Wolpert, *Jinnah of Pakistan* (New York, 1984), 171–246.

⁵²⁴ Н. Н. the Nawab of Bhopal, «Islamic Support in the War», *Asiatic Review* 37, 130 (1941), 281–286, где война называется «битвой ислама», представляет собой характерный пример.

⁵²⁵ Пильгер – МИДу, 24 августа 1942 г., Кабул, PA, R27326. Пильгер поднял вопрос об установлении контакта с Кифайатуллой и спрашивал мнение аль-Хусейни по этому вопросу; Эттель – римскому посольству, 1 сентября 1942 г., Берлин, PA, R27326 (Эттель обратился к аль-Хусейни, который тогда находился в Риме); Макензен – МИДу, 9 сентября 1942 г., Рим, PA, R27326 (тут объясняется, что муфтий выразил полное доверие Кифайатулле и описал его как «бескомпромиссно антианглийски настроенного»). Кепплер, записка, 3 сентября 1942 г., Берлин, PA, R27326. Тут высказываются сомнения в целесообразности подобных контактов, однако тот же сотрудник спрашивал о практических шагах (Кепплер – кабульской дипмиссии, 5 сентября 1942 г., Берлин, PA, R67660). Наконец, немцы обнаружили, что Кифайатуллу посадили в тюрьму, и вопрос был закрыт (Пильгер – МИДу, 10 сентября 1942 г., Кабул, PA, R27326).

Реакция мусульман на заигрывания немцев с исламом

Эффективность германской радиопропаганды и уровень ее восприятия населением трудно оценить. В большинстве районов Северной Африки и Ближнего Востока не существовало отлаженных механизмов мониторинга общественного мнения. Отчеты спецслужб тоже не давали четкой картины. Власти стран антигитлеровской коалиции были склонны полагать, что население поддерживает их, а чиновники стран Оси придерживались противоположной точки зрения: и те и другие зависели от информации доверенных лиц, а также от их личной заинтересованности в демонстрации успехов своей пропаганды. Тексты же мусульманских авторов обычно отражали настроения узких сегментов общества.

Разумеется, пропаганда немцев сталкивалась со множеством трудностей. Во-первых, это были проблемы технического характера. Печатной пропаганде мешала неграмотность; однако и прослушивание радиопередач ограничивалось рядом факторов. Лишь немногие в Северной Африке и на Ближнем Востоке владели приемниками. Согласно исследованию, проведенному в 1941 году Управлением военной информации США, наибольшее количество коротковолновых приемников – 55 тысяч – фиксировалось в Египте, в то время как в Саудовской Аравии было зарегистрировано всего 26 штук⁵²⁶. Многие из них, если не большинство, принадлежали европейцам. В Киренаике, одной из важнейших прифронтовых территорий, у мусульманского населения, по данным Нейрата, вообще не было приемников⁵²⁷. Впрочем, радиотрансляции были доступны в общественных местах – в лавках, на площадях и в кофейнях, где собирался народ. Немцы отлично понимали важность репродукторов, расположенных в публичном пространстве: еще во время своего пребывания в Багдаде Фриц Гробба пытался подкупать владельцев кофеен, чтобы те настраивали свои приемники на волну немецкого радио⁵²⁸. Тем не менее радиопропаганда в арабском мире не могла обрести такую же большую аудиторию, как в Европе. Даже те немногие, у кого имелся регулярный доступ к радио, часто сталкивались с технологическими проблемами – прежде всего, с перебоями в энергоснабжении и недостаточно широким диапазоном приема. Кроме того, союзники, управлявшие большей частью региона, ввели строгую цензуру, особенно в общественных местах, и старались глушить немецкие передачи.

В содержательном плане нацистская пропаганда также столкнулась с серьезными затруднениями. Во-первых, агрессивный тон, вульгарный язык и пронизанная насилием тематика программ были рассчитаны главным образом на необразованные слои населения. Воздействие подобных передач на образованные элиты (а именно им принадлежало большинство приемников) и даже на публику в кофейнях, по всей видимости, было куда слабее. Размышляя о «грубом языке немецких программ», Майлс Лэмпсон (позже лорд Киллэрн), посол Великобритании в Египте, отмечал: «Возможно, такой язык и нравится более примитивным слушателям, однако следует надеяться на то, что он не достигает своей цели среди более утонченных жителей Востока, которые весьма ценят приличия»⁵²⁹. Один египетский дипломат рассказывал своему английскому коллеге, что ужасные истории о поведении британских войск в мусуль-

⁵²⁶ Фуллер, меморандум («Memorandum on Radio Reception in the Near East and India»), 18 августа 1941 г., б. м., USNA, RG 208, Entry 373, Box 418.

⁵²⁷ Нейрат – МИДу, 3 апреля 1942 г., б. м., PA, R60747.

⁵²⁸ Ньютон (багдадское посольство) – МИДу, 17 июня 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664. Это сообщение вызвало в британском министерстве иностранных дел дискуссию о том, как кофейни можно подтолкнуть настроиться на волну арабской службы «BBC», см.: МИД, описание дискуссий, 17 June – 12 July 1939, Лондон, NA, FO 395/664. На предмет успешности усилий Гроббы см.: Ньютон – МИДу, 5 июля 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664; и Ньютон – МИДу, 21 июля 1939 г., Багдад, NA, FO 395/664.

⁵²⁹ Лэмпсон – Галифаксу (МИД), 6 июля 1939 г., Александрия, NA, FO 395/664.

манских странах – «рассказы о пьяных оргиях, изнасилованиях, убийствах» – часто звучали настолько вызывающе, что его жена требовала выключить радио, потому что ей становилось дурно⁵³⁰. Берлинский эфир «дает именно то, что нужно экстремистам для обработки фанатиков [среди населения]», но «в умеренных слоях общества его высмеивают», – сообщал британский представитель в Сирии⁵³¹. А его коллега в одной из стран Персидского залива отмечал, что местных мусульман «забавляет способность Юниса Бахри мгновенно взвинчивать себя»⁵³². Во-вторых, немецкая пропаганда, как в печати, так и на радио, избегала щекотливого вопроса независимости от колониального владычества. Уважая имперские интересы Италии, вишистской Франции и франкистской Испании в Северной Африке и на Ближнем Востоке, берлинские власти вынуждены были признать, что эти союзы негативно сказываются на их поддержке в мусульманской среде. В-третьих, откровенная эксплуатация религиозной тематики – суровое благочестие, продвигаемое немецкой пропагандой, – оскорбляло многих верующих⁵³³. В-четвертых, немецкая пропаганда столкнулась с проблемами достоверности и, следовательно, доверия, поскольку даже самые наивные слушатели знали, что она служит определенным политическим интересам. Наконец – и это, возможно, самое главное, – немцы не обладали гегемонией в обработке общественного мнения. Политически преобладая в регионе, союзники организовали широкую кампанию по борьбе с немецкой пропагандой, о чем будет сказано ниже.

В целом немецкой пропаганде не удалось поднять население против союзников в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Более того, солдаты-мусульмане, служившие в войсках антигитлеровской коалиции, дезертировали в очень малых количествах⁵³⁴. Даже те, кто всерьез воспринял призывы Берлина к джихаду, едва ли были готовы поднять бунт или даже провести диверсию без поставок оружия и конкретной помощи от немцев. Исследования на тему восприятия нацизма в разных регионах Северной Африки и Ближнего Востока свидетельствуют о том, что его воздействие не следует переоценивать⁵³⁵. Конечно, в публичной сфере выска-

⁵³⁰ Чарльз (римское посольство) – Кавендишу-Бентинку (МИД), 1 июня 1939 г., Рим, NA, FO 395/664.

⁵³¹ Макерет (дипмиссия в Дамаске) – МИДу, 10 мая 1939 г., Дамаск, NA, FO 395/663.

⁵³² Галлоуэй (британское политическое агентство в Кувейте) – резидентству Персидского залива (Бушир), 23 июня 1939 г., Кувейт, NA, FO 395/664; затем это письмо переслали в министерство по делам Индии и в министерство иностранных дел.

⁵³³ Найт (генеральное консульство в Тунисе) – МИДу, 14 июня 1939 г., Тунис, NA, FO 395/664 (этот документ демонстрирует ярость, вызванную эксплуатацией Корана в целях пропаганды).

⁵³⁴ Gerhard Höpp, «Frontwechsel: Muslimische Deserteure im Ersten und Zweiten Weltkrieg und in der Zwischenkriegszeit», in Höpp and Reinwald (eds.), *Fremdeinsätze*, 129–141.

⁵³⁵ Отношение к нацизму в арабском мире – очень хорошо исследованный сюжет. Эти работы показали, что популярность национал-социализма в 1930–1940-е годы не следует переоценивать. По Ираку см.: Peter Wien, *Iraqi Arab Nationalism: Authoritarian, Totalitarian and Pro-Fascist Inclinations, 1932–1941* (London, 2006). По Палестине см.: Nezam Al-Abbasi, «Die palästinensische Freiheitsbewegung im Spiegel ihrer Presse von 1929 bis 1945» (PhD diss., University of Freiburg, 1981); и René Wildangel, *Zwischen Achse und Mandatsmacht: Palästina und der Nationalsozialismus* (Berlin, 2007). О Ливане и Сирии см.: Götz Nordbruch, *Nazism in Syria and Lebanon: The Ambivalence of the German Option, 1933–1945* (London, 2009). По Египту см.: Edmond Cao-Van-Hoa, «Der Feind meines Feindes...»: *Darstellungen des nationalsozialistischen Deutschland in ägyptischen Schriften* (Frankfurt, 1990); Israel Gershoni and James Jankowski, *Confronting Fascism and Egypt: Dictatorship versus Democracy in the 1930s* (Stanford, CA, 2010); и Israel Gershoni, Götz Nordbruch, *Sympathie und Schrecken: Begegnungen mit Faschismus und Nationalsozialismus in Ägypten, 1922–1937* (Berlin, 2011). По Маррибу см.: Mahfoud Kaddache, «L'opinion politique musulmane en Algérie et l'administration française (1939–1942)», *Revue D'histoire de la Deuxième Guerre mondiale* 29, 114 (1979), 95–115; Jamaâ Baida, «Die Wahrnehmung der Nazi-Periode in Marokko: Indizien für den Einfluß der deutschen Propaganda auf die Geisteshaltung der Marokkaner», in Herbert Popp (ed.), *Die Sicht des Anderen: Das Marokkobildder Deutschen, das Deutschlandbild der Marokkaner* (Passau, 1994), 193–196; Mokhtar El Harras, «Die Printmedien und das Deutschlandbild in der spanischen Protektoratszone von Nordmarokko (1934–1945)», in Popp (ed.), *Die Sicht des Anderen*, 197–207. Более общие работы на тему отношения к германскому нацизму в арабском мире: Fritz Steppart, «Das Jahr 1933 und seine Folgen für die arabischen Länder des Vorderen Orients», in Gerhard Schulz (ed.), *Die große Krise der dreißiger Jahre: Vom Niedergang der Weltwirtschaft zum Zweiten Weltkrieg* (Göttingen, 1985), 261–278; Wild, «National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939»; Gerhard Höpp, «Araber im Zweiten Weltkrieg: Kollaboration oder Patriotismus?», in Wolfgang Schwanitz (ed.), *Jenseits der Legenden: Araber, Juden, Deutsche* (Berlin, 1994), 86–92. Некоторые ученые утверждают, что пропаганда немцев (особенно антиеврейские выпады) имела долгосрочное влияние на Ближнем Востоке. См.: Matthias Küntzel, *Jihad und Judenhass: Über den neuen antijüdischen Krieg* (Freiburg, 2002); David Patterson, *A Genealogy of Evil: Anti-Semitism from Nazism to Islamic Jihad* (New York, 2011); и Barry Rubin and Wolfgang G. Schwanitz, *Nazis, Islamists, and the Making of the Modern Middle East* (New Haven, CT, 2014). Восприятие нацизма в Иране,

зывались самые разные мнения – от восхищения и симпатии к нацизму до озабоченности и презрения; это отражало разнообразие местных сообществ. Однако каких бы взглядов ни придерживались люди, подавляющее большинство никак не реагировало на призывы Берлина к религиозному насилию и бунтам. Удивительным кажется и то, что исламские лозунги немецкой пропаганды не получили большого резонанса даже в религиозных кругах и среди ведущих улемов.

По некоторым данным, среди слушателей Radio Berlin в Иране был молодой мулла Рухолла Мусави, живший в священном для шиитов городе Кум⁵³⁶. Каждый вечер Мусави, у которого был радиоприемник британского производства, принимал у себя дома многочисленных мулл и семинаристов, желавших послушать передачи персидской службы Цеезена. Но сам мулла Мусави, который позже стал известен во всем мире как аятолла Хомейни, кажется, не был поклонником немецких программ. В 1942 году он опубликовал трактат *Кашиф аль-асрап* («Раскрытие тайн») – фактически свой первый политический манифест. Там он не только выступал против антирелигиозных действий шахского государства, призывая устроить власть по принципам ислама, но и яростно обвинял более репрессивные режимы: в частности, Мусави осудил «гитлеровскую идеологию» (*марам-и гитлери*) как «самый ядовитый и отвратительный продукт человеческого разума»⁵³⁷. Правда, другие шиитские богословы, особенно молодые, были настроены более прогермански. Наибольшей известностью среди них пользовался ярый противник западного империализма аятолла Аболь-Касем Кашани, отец которого, аятолла Мостафа Кашани, погиб в бою с британскими войсками на юге Ирака в джихаде времен Первой мировой войны. В 1943 году Кашани-младший был арестован британцами по обвинению в сотрудничестве с нацистами⁵³⁸. Однако в целом консервативно настроенные иранские улемы держались в стороне от политики и не выходили за пределы богословских учебных заведений⁵³⁹. Известные священнослужители, такие как аятолла Сейид Хосейн Боружерди, который вскоре после войны стал единственным *марджа-ат таклидом* – главным духовным авторитетом в шиитском исламе, – проповедовали политический квиетизм⁵⁴⁰. За пределами Ирана шиитские богословы также в основном проявляли осмотрительность. Улемы Наджафа и Кербелы, в отличие от времен Первой мировой войны, не поддержали Германию⁵⁴¹. В начале 1940 года Амин аль-Хусейни, тогда еще находившийся в Багдаде, попытался убедить некоторых шиитских лидеров южного Ирака поддержать его джихад. Он обратился к уважаемым муджтахидам Абдулькариму аль-Джазаيري и Мухаммеду Кашифу аль-Гите, которые сыграли важную роль в иракской политике в межвоенные годы⁵⁴². В то время как аль-Джазаيري встретил палестинского муфтия прохладно, Кашиф аль-Гита воспринял его предложения более позитивно,

Турции, среди мусульман Британской Индии и других стран Азии остается малоизученным сюжетом.

⁵³⁶ Amir Taheri, *The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic Revolution* (London, 1985), 97–100 (тут высказывается эта мысль, однако никаких доказывающих ее фактов не приводится).

⁵³⁷ Рухолла Хомейни, *Кашиф аль-асрап* («Раскрытие тайн») (б. м., б. д. (1399/1979 [1361/1942]), 222; нападки на гитлеровскую Германию можно найти еще на с. 272 и 302. Вагер Моин, *Khomeini: Life of the Ayatollah* (London, 1999), 57–64 (здесь рассказывается о деятельности Хомейни во время Второй мировой войны); Vanessa Martin, *Creating an Islamic State: Khomeini and the Making of a New Iran* (London, 2000), 103–112 (здесь можно найти хороший анализ «Раскрытия тайн»). Стоит заметить, что более поздний трактат Хомейни «Исламское правление» изобилует антисемитскими выпадами, см.: Рухолла Хомейни, *Хокумат-и эсломи* («Исламское правление») (Наджаф, 1391/1971).

⁵³⁸ Yann Richard, «Ayatollah Kashani: Precursor of the Islamic Republic?», in Nikki R. Keddie (ed.), *Religion and Politics in Iran: Shi'ism from Quietism to Revolution* (New Haven, CT, 1983), 101–124, 107–108.

⁵³⁹ Shahrugh Akhavi, *Religion and Politics in Contemporary Iran: Clergy-State Relations in the Pahlavi Period* (Albany, 1980), 60–90; Azar Tabari, «The Role of the Clergy in Modern Iranian Politics», in Keddie (ed.), *Religion and Politics in Iran*, 47–72, 59–64; и Majid Yazdi, «Patterns of Clerical Political Behavior in Postwar Iran, 1941–53», *Middle Eastern Studies* 26, 3 (1990), 281–307, 285–288.

⁵⁴⁰ Али Давани, *Аятолла Боружерди* (Тегеран, 1371/1992).

⁵⁴¹ Yitzhak Nakash, *The Shi'is of Iraq* (Princeton, NJ, 1994), 127 and 133.

⁵⁴² МИД, отчет («Activities of the Mufti»), 18 января 1940 г., Лондон, NA, KV 2/2085.

издав фетву с призывом к священной войне против Британской империи (о чем Юнус Бахри объявил 13 февраля 1940 года на волнах Radio Berlin). Особых последствий, впрочем, это не имело⁵⁴³. За годы войны не разразилось ни одного крупного восстания шиитов. Нацисты могли похвастаться в лучшем случае граффити: в начале 1942 года немецкий дипломат докладывал, что в Бейруте и Дамаске на стенах домов появились лозунги «Гитлер – преемник Али», и сделали их шииты (или, возможно, агенты рейха)⁵⁴⁴.

В Машрике (восток Средиземноморья) немецкая пропаганда вызывала смешанные чувства. На окраинах арабского мира, в районе Персидского залива, Мухаммед аль-Касими, будущий эмир Шарджи (ОАЭ), так вспоминал пропагандистскую войну в своих мемуарах: «Новости немецкого радио, которые зачитывал острый на язык иракский диктор Юнус Бахри, приводили в ярость сторонников союзников, а новости ближневосточной службы ВВС, озвученные сирийским диктором Муниром Шаммой, выводили из себя сторонников держав Оси. Из окон, выходящих на площадь перед фортом, мы, дети, наблюдали за драками между двумя лагерями»⁵⁴⁵. По словам аль-Касими, пропаганда военного времени разделила радиослушателей: «Половина поддерживала союзников, а другая половина – державы Оси». Такое разнообразие мнений наблюдалось во многих местах. Однако выдающиеся улемы и религиозные авторитеты в большинстве случаев хранили молчание – за несколькими примечательными исключениями. Например, после вторжения союзников в вишистский Левант в 1941 году влиятельный муфтий Ливана Шейх Мухаммед Тауфик Халид открыто встал на сторону союзников⁵⁴⁶.

В Египте, ближе к североафриканскому фронту, отношение населения к нацистской пропаганде также было неоднозначным. Анвар Садат, в то время молодой офицер, позже рассказывал о прогерманских симпатиях жителей военного Каира. «Египтяне в целом были настроены против британцев и, естественно, симпатизировали их врагам <...> Они устраивали демонстрации на улицах, скандируя лозунги вроде „Роммель, вперед!“, так как в поражении британцев они видели единственный способ выгнать англичан из страны»⁵⁴⁷. Садат входил в состав подпольной революционной группы молодых офицеров, которая готовила вооруженное восстание во время войны и даже сотрудничала с немецкими агентами. Из-за этих контактов в 1942 году Сада-та арестовали. Однако британские отчеты дают более нюансированную оценку настроений населения, указывая на то, что политические взгляды людей не были статичными, но постоянно менялись в течение военных лет. Первое наступление Роммеля в Киренаике весной 1941 года «основательно напугало египетскую общественность», телеграфировал из Каира Майлс Лэмпсон⁵⁴⁸. Даже немецкие пропагандисты знали об отсутствии в то время прогерманских чувств в стране⁵⁴⁹. Однако во время второго наступления Роммеля, совпавшего с англо-египетским правительственным кризисом 4 февраля 1942 года и мощными антибританскими студенческими протестами, ситуация стала иной. Демонстрации на улицах Каира часто сопро-

⁵⁴³ МИД, отчет («The Mufti's Activities»), 21 февраля 1940 г., Лондон, NA, KV 2/2085.

⁵⁴⁴ Швендеман (парижское посольство)– МИДу, 27 апреля 1942 г., Париж, PA, R29533.

⁵⁴⁵ Sultan bin Muhammad al-Qasimi, *My Early Life* (London, 2011), 10–11.

⁵⁴⁶ Nordbruch, *Nazism in Syria and Lebanon*, 120–122. Такие популярные реформаторские движения, как «Братья-мусульмане» в Сирии, не принимали колониального господства Франции ни от вишистского режима, ни от «Свободной Франции». См.: Johannes Reissner, *Ideologie und Politik der Muslimbrüder Syriens* (Freiburg, 1980).

⁵⁴⁷ Anwar El Sadat, *Unterwegs zur Gerechtigkeit: Die Geschichte meines Lebens* (Graz, 1979), 43, эти фрагменты были также перепечатаны в: Anwar el-Sadat, «Rommel at El-Alamain: An Egyptian View (1942)», in Bernard Lewis (ed.), *A Middle East Mosaic: Fragments of Life, Letters and History* (New York, 2000), 314–316, 314, 315.

⁵⁴⁸ Лэмпсон – МИДу, 7 апреля 1941 г., Каир, NA, FO 371/27429; Лэмпсон – МИДу, 12 апреля 1941 г., Каир, NA, FO 371/27429; спустя несколько месяцев: Лэмпсон – МИДу, 7 июля 1941 г., Каир, NA, FO 371/27431.

⁵⁴⁹ Рюле, записка («Aufzeichnung betr. die Rundfunkpropaganda in dem arabischen Raum»), 5 мая 1941 г., Берлин, PA, R67482.

вождались скандированием прогерманских лозунгов⁵⁵⁰. По словам Лэмпсона, египтяне в те дни кричали «Да здравствует Роммель», а сами немцы с радостью сообщали из Каира, что слышали крики «Хайль Роммель!»⁵⁵¹. Однако, когда Роммель летом 1942 года, развив успешное наступление, фактически пересек египетскую границу и реально угрожал захватом страны, настроения людей опять изменились. Лэмпсон теперь фиксировал «отсутствие враждебности [к британцам] среди египетского населения»⁵⁵². «Некоторые элементы, которые из ненависти к Британии восторгались немцами на расстоянии, теперь, похоже, серьезно встревожены приближением немецкой угрозы», – телеграфировал он в Уайт-холл⁵⁵³. Когда наступление Роммеля было остановлено, он повторно подчеркнул: «Стремительное продвижение войск Оси на восток <...> основательно напугало Египет», хотя «настроение египтян, особенно мусульман» все же оставалось «на редкость спокойным»⁵⁵⁴. В разгар битвы при Эль-Аламейне он резюмировал: «Появление врага у ворот Египта вызвало общее осознание того, какой неприятной будет оккупация странами Оси – это поняли даже элементы, до сих пор скандально известные своими антибританскими настроениями. В результате маятник общественных симпатий качнулся в нашу сторону»⁵⁵⁵. Наступление, последовавшее сразу за победой Монтгомери также, по словам Лэмпсона, приветствовалось большинством египтян: «Наша оккупация Триполи вызвала всеобщее восхищение – Египет теперь был избавлен от угрозы вторжения», – телеграфировал посол в начале 1943 года⁵⁵⁶.

Призыв Германии к джихаду почти не нашел отклика среди религиозных групп и организаций Египта. Исламский истеблишмент воздерживался от политических заявлений. Шейх Абдулмаджид Салим, влиятельный муфтий Египта в годы войны, был одним из главных сторонников политического нейтралитета страны⁵⁵⁷. Его еще более влиятельный соперник Мухаммед Мустафа аль-Мараги, реформистски настроенный ректор аль-Азхара (цитадели традиционалистских улемов), следовал аналогичной политической линии. Аль-Мараги учился у Мухаммеда Абдо, затем стал главным кадием (судьей) Судана и председателем Верховного шариатского суда в Каире, и мог похвастаться тесными связями с королевским двором⁵⁵⁸. В британском докладе 1941 года его называли «выдающейся фигурой среди египетских священнослужителей»⁵⁵⁹. Хотя аль-Мараги настойчиво выступал за нейтралитет исламского мира в войне, это не мешало ему быть верным партнером Британской империи. Газета «Дейли телеграф» даже называла его одним из самых доверенных союзников короны: «Было бы неверным, как могут предположить неосведомленные в этом вопросе люди, считать, что антибританские настроения процветают больше всего в консервативных исламских кругах», – объясняла газета, называя аль-Мараги «одной из самых ясных голов и сильных характеров в Египте, остающихся

⁵⁵⁰ Charles D. Smith, «4 February 1942: Its Causes and Its Influence on Egyptian Politics and on the Future of Anglo-Egyptian Relations, 1937–45», *International Journal of Middle East Studies* 10, 4 (1979), 453–479, 468 (о прогерманских демонстрациях).

⁵⁵¹ *The Killearn Diaries 1934–1946*, ed. Trefor E. Evans (London, 1972), 197–201 (1 февраля 1942 г.), 206–217 (4 февраля 1942 г.), 209 (о лозунге «Хайль Роммель!»). Спустя несколько месяцев Лэмпсон написал об этих лозунгах в своем отчете, см.: Лэмпсон – МИДУ, 28 июня 1942 г., Каир, NA, FO 371/31573. Швендеман – МИДУ, 27 апреля 1942 г., Париж, PA, R29533 (рассказ немца о криках «Хайль Роммель»).

⁵⁵² Лэмпсон – МИДУ, 28 июня 1942 г., Каир, NA, FO 371/31573.

⁵⁵³ Лэмпсон – МИДУ, 29 июня 1942 г., Каир, NA, FO 371/31573.

⁵⁵⁴ Лэмпсон – МИДУ, 4 июля 1942 г., Каир, NA, FO 371/31573.

⁵⁵⁵ Лэмпсон – МИДУ, 11 июля 1942 г., Каир, NA, FO 371/31573.

⁵⁵⁶ Лэмпсон – МИДУ, 1 февраля 1943 г., Каир, NA, FO 371/35528.

⁵⁵⁷ Jakob Skovgaard-Petersen, *Defining Islam for the Egyptian State: Muftis and Fatwas of the Dār Al-Iftā* (Leiden, 1997), 159–170.

⁵⁵⁸ Francine Costet-Tardieu, *Un réformiste à l'Université al-Azhar: Œuvre et pensée de Mustafâ al-Marâghi (1881–1945)* (Paris, 2005), 169–175.

⁵⁵⁹ Список влиятельных лиц Египта (1941), переданный Лэмпсоном Идену (в МИД), 22 июля 1941 г., Каир, NA, FO 371/27431. Обновленный список 1943 г. см. в: Лэмпсон – Идену, 5 января 1943 г., Каир, NA, FO 371/35528.

заодно с Британской империей по большинству вопросов»⁵⁶⁰. Что же касается политической деятельности студентов аль-Азхара – многие из них были более радикальными и прогерманскими в своих взглядах, чем их ректор, – то она находилась под пристальным надзором властей.

Тем не менее, хотя традиционные улемы сохраняли спокойствие, популярные движения исламского возрождения, например «Братья-мусульмане» с их пылкой ненавистью к британскому империализму, оказались более восприимчивыми к предложениям врагов их врага⁵⁶¹. В 1930-х годах немецкая дипмиссия в Каире даже оказывала им финансовую помощь⁵⁶². Во время войны некоторые фракции «Братьев-мусульман», ставших крупнейшей исламской организацией Египта, выражали определенную симпатию нацистам. По данным египетской полиции, некоторые «братья» раздавали подрывные листовки, когда войска Роммеля прорывались к Каиру⁵⁶³. «Ихваны, конечно, были полны энтузиазма по поводу продвижения врага к Эль-Аламейну, звучали прогерманские речи», – сообщалось в отчете британской разведки⁵⁶⁴. Власти встревожились, взяв организацию под жесткий контроль. Ее газеты были временно запрещены, ряд филиалов закрыт, собрания проходили под надзором, а несколько ведущих «братьев» в провинциях подверглись аресту. Дом Хасана аль-Банна обыскала служба безопасности, интересовавшаяся революционными брошюрами, а сам учитель и его правая рука Ахмад ас-Суккари были ненадолго взяты под стражу. В конце концов аль-Банна открыто заявил о своей верности властям⁵⁶⁵. Однако британцы всё равно опасались исламских беспорядков и сохраняли бдительность. Даже в 1944 году, после окончательного разгрома немцев в Северной Африке, в докладе разведки «Братья-мусульмане» характеризовались как «потенциальная опасность, которую нельзя сбрасывать со счетов»⁵⁶⁶.

В Магрибе призывы немцев поднимать восстания под знаменем веры также воспринимались неоднозначно. На главном фронте кампании, в пустынях Киренаики, Константин фон Нейрат наблюдал среди мусульман самое разнообразное отношение к нацистам, от дружелюбия до откровенной враждебности⁵⁶⁷. Но, натерпевшись от жестокого ига итальянцев, большинство мусульман в этом регионе все-таки было настроено против Муссолини и его немецких союзников⁵⁶⁸. Религиозные движения часто шли в авангарде антиколониальной борьбы – первым из них был орден сенуситов, самая мощная религиозная и политическая сила в регионе. Во время Первой мировой войны сенуситы сражались на стороне немцев, но теперь перешли на

⁵⁶⁰ Richard Capell, «Egypt Has Her Ambitions in the Post-War World», *Daily Telegraph* (3 February 1944).

⁵⁶¹ Деятельность «Братьев-мусульман» во время Второй мировой войны обсуждается в: Mitchell, *The Society of the Muslim Brothers*, 19–34; Lia, *The Society of the Muslim Brothers in Egypt*, 256–269; конкретно об аль-Банне см.: Krämer, *Hasan al-Banna*, 61–65.

⁵⁶² О финансовой помощи, которую Германия оказывала «Братьям-мусульманам» до войны см.: записки британской военной разведки, записка («Note on Wilhelm Stellbogen»), 23 октября 1939 г., б. м., NA, WO 208/502; записка («Correspondence and Notes of Mr. Wilhelm Stellbogen»), б. д. (1939), б. м., NA, WO 208/502; записка («Found among Stellbogen's Papers»), б. д. (1939), б. м., NA, WO 208/502; а также отчет генштаба Средневосточного командования («The Ikhwan al Muslimin Reconsidered»), 10 декабря 1942 г., Каир, NA, FO 141/838.

⁵⁶³ Нэлдретт-Джейс (городская полиция Александрии), записка («Pro-Axis Propaganda»), 31 октября 1942 г., Alexandria, NA, FO 141/838.

⁵⁶⁴ Генштаб Средневосточного командования, отчет («The Ikhwan al Muslimin Reconsidered»), 10 декабря 1942 г., Каир, NA, FO 141/838.

⁵⁶⁵ Ibid.

⁵⁶⁶ Центр политической разведки по Ближнему Востоку (PICME), отчет («The Ikhwan El Muslimeen»), 25 февраля 1944 г., Каир, NA, WO 201/2647 (также в: NA, FO 371/41329).

⁵⁶⁷ Нейрат – МИДу, 1 июня 1941 г., б. м., PA, R60747; о наступлении в 1942 г. см.: Нейрат – МИДу, 3 апреля 1942 г., б. м., PA, R60747; Нейрат – МИДу, 14 октября 1941 г., б. м., PA, R60747; Херман, отчет («Reiseeindruecke in Libyen Oktober 1941»), 14 октября 1941 г., б. м., PA, R60747; по наступлению в 1942 г.: Нейрат – МИДу, 21 марта 1942 г., б. м., PA, R60747 (о неоднозначной реакции и враждебности).

⁵⁶⁸ Claudio G. Segre, *Fourth Shore: The Italian Colonization of Libya* (Chicago, 1974); о зверствах итальянцев в Ливии военного времени: Patrick Bernhard, «Behind the Battle Lines: Italian Atrocities and the Persecution of Arabs, Berbers, and Jews in North Africa during World War II», *Holocaust and Genocide Studies* 26, 3 (2012), 425–446.

другую сторону. Лидер ордена, Мухаммед Идрис ас-Сенуси, сменивший своего старшего родственника Ахмада аш-Шарифа ас-Сенуси после поражения в Первой мировой войне, теперь из египетского изгнания призывал своих последователей с оружием в руках помогать союзникам⁵⁶⁹. Сенуситы даже сражались вместе с британской армией против войск Оси, чтобы гарантировать себе создание сенуситского эмирата после завершения войны. Как только союзники изгнали солдат Роммеля и свергли итальянскую администрацию, во многих районах Киренаики возродилась сеть сенуситских завий (суфийских обителей), на основе которых образовались новые религиозные и административные центры. В освобожденной Триполитании религиозные авторитеты также быстро встали на сторону союзников. В начале 1943 года муфтий Триполи выступил с публичным заявлением, восхвалявшим Черчилля и Великобританию⁵⁷⁰. В североафриканской фронтовой зоне мало кто воспринял немцев в роли освободителей ислама.

Призывы Берлина к религиозному насилию в отношении евреев также вызвали неоднозначную реакцию среди мусульман Северной Африки и Ближнего Востока. Безусловно, в годы войны антисюионистские и даже антиеврейские сантименты были на подъеме, а немецкая пропаганда всячески их раздувала. Однако на местном уровне отношения между еврейскими и мусульманскими общинами оставались в зависимости от конкретных социальных и политических условий достаточно сложными и не поддавались однозначным обобщениям. Так или иначе, во время войны не произошло почти никаких крупных антиеврейских бунтов. Самым значительным можно назвать погром в Ираке, так называемый *фархуд*, когда после неудачного прогерманского переворота аль-Гайлани в 1941 году толпа мусульман обрушила свой гнев на еврейские дома и магазины, убив 179 человек⁵⁷¹.

У немецких войск в прифронтовых районах Северной Африки не было времени для систематического истребления еврейского населения. Однако власти Италии и вишистской Франции принимали разного рода меры, направленные против евреев⁵⁷². Реакция мусульманского населения на эти акции была разнообразной: от сотрудничества и стремления извлечь выгоду до безразличия или иногда даже сочувствия. Были и случаи солидарности мусульман со своими соседями-евреями. Озабоченный антисемитскими законами правительства Виши султан Марокко Мухаммед V открыто помогал своим еврейским подданным⁵⁷³. Он также отказался считать перешедших в ислам евреев (хотя таких было немного) евреями, отрицая расовое (нерелигиозное) определение еврейскости. В Алжире часть исламской элиты также открыто выразила солидарность с еврейским населением⁵⁷⁴. Известный богослов шейх Тайиб аль-Укби даже выпустил ряд документов, запрещающих нападать на евреев. Тунисские беи тоже проявили определенную солидарность со своим еврейским меньшинством⁵⁷⁵. В Ливии мусульмане не нападали на своих соседей-евреев во время войны⁵⁷⁶. В Египте мусульманское население

⁵⁶⁹ Об отношениях британцев с сенуситами см.: Saul Kelly, *War and Politics in the Desert: Britain and Libya during the Second World War* (London, 2010).

⁵⁷⁰ Текст радиопередачи (служба мониторинга союзников), «Voice of Free Arabism: The Mufti of Tripoli», 14 февраля 1943 г. (записан), USNA, RG 84, Entry UD2410, Box 93.

⁵⁷¹ Hayyim J. Cohen, «The Anti-Jewish Farhūd in Baghdad, 1941», *Middle Eastern Studies* 3, 1 (1996), 2–17.

⁵⁷² Michel Abitbol, *The Jews of North Africa during the Second World War* (Detroit, 1989); Michael M. Laskier, *North African Jewry in the Twentieth Century: The Jews of Morocco, Tunisia and Algeria* (New York, 1994), 55–83; Satloff, *Among the Righteous* (эти работы рассказывают о судьбе евреев Северной Африки во время Второй мировой войны). В этой книге говорится о планах немцев убить евреев Северной Африки и Ближнего Востока: Klaus-Michael Mallmann and Martin Cüppers, *Halbmond und Hakenkreuz. Das «Dritte Reich», die Araber und Palästina* (Darmstadt, 2006).

⁵⁷³ Robert Assaraf, *Mohammed V et les Juifs du Maroc à l'époque de Vichy* (Paris, 1997).

⁵⁷⁴ Yves C. Aouate, «Les Algériens musulmans et les mesures antijuives du gouvernement de Vichy (1940–1942)», *Pardès* 16 (1992), 189–202, особенно 195–198; более общий обзор темы: Henri Msellati, *Le Juifs d'Algérie sous le régime de Vichy* (Paris, 1999).

⁵⁷⁵ Jacques Sabille, *Les Juifs de Tunisie sous Vichy et l'occupation* (Paris, 1954); и Claude Nataf, «Les Juifs de Tunisie face à Vichy et aux persécutions allemandes», *Pardès* 16 (1992), 203–231.

⁵⁷⁶ Renzo de Felice, *Jews in an Arab Land: Libya, 1835–1970* (Austin, TX, 1985), 168–184; and Rachel Simon, «It Could Have

также воздерживалось от участия в каких-либо крупных актах насилия до 1945 года, несмотря на то что в годы войны усилилась антисюнистская агитация, нередко полная откровенной антисемитской риторики⁵⁷⁷.

В целом сложно сделать окончательные выводы о результативности немецкой религиозной пропаганды в регионе. Но приведенные здесь факты указывают на то, что она оказалась намного менее успешной, чем надеялись в Берлине. Будущим исследователям предстоит найти остальные кусочки этой мозаики, внимательно рассматривая ситуацию на местах.

Следует также отметить, что мусульмане Северной Африки, Ближнего Востока и других исламских регионов массово сражались в армиях союзников. Многие тысячи мусульман воевали под командованием британцев⁵⁷⁸ – более того, они составляли самую большую религиозную группу британской индийской армии, которая выросла до более чем 2 миллионов человек и стала самой массовой добровольческой армией Второй мировой войны. По всему исламскому миру мусульмане служили империи. В Палестине около 9000 мусульман были набраны в подразделения британской армии – с помощью главного соперника аль-Хусейни Фахри аль-Нашашиби. Мусульмане также верно служили британским командирам в легендарном Арабском легионе Трансиордании, который использовали в разных частях Ближнего Востока. В Северной Африке из ливийских сенуситов сформировали Сенуситские арабские вооруженные силы (позже они стали называться Ливийские арабские вооруженные силы). В то же время тысячи мусульман сражались в рядах Свободных французских сил. Только во французской Северной Африке не менее 233 000 человек пошли добровольцами на борьбу с нацистской Германией – 134 000 алжирцев, 73 000 марокканцев и 26 000 тунисцев. В итоге они приняли участие в освобождении Европы от нацизма⁵⁷⁹.

Happened There: The Jews of Libya during the Second World War», *African Journal* 16 (1994), 391–422; и, с акцентом на бунты 1945 года: Harvey E. Goldberg, *Jewish Life in Muslim Libya: Rivals and Relatives* (Chicago, 1990), 97–122.

⁵⁷⁷ См.: Gudrun Krämer, *Minderheit, Millet, Nation? Die Juden in Ägypten, 1914–1952* (Wiesbaden 1982).

⁵⁷⁸ О мусульманах в британской армии времен Второй мировой войны нет подробных работ. Об Индийской армии см.: Philip Mason, *A Matter of Honour: An Account of the Indian Army: Its Officers and Men* (London, 1974), 471–527; и тексты в сборнике: Alan Jeffreys and Patrick Rose (eds.), *The Indian Army, 1939–47: Experience and Development* (Farnham, VT, 2012). По Арабскому легиону см.: Godfrey Lias, *Glubb's Legion* (London, 1956).

⁵⁷⁹ История солдат-мусульман во французской армии во Второй мировой войне хорошо исследована. См.: Reham, «Les Musulmans dans l'armée française», 748–753, особенно о Свободных французских силах: 750–751; об алжирских солдатах: Belkacem Reham, *Les Musulmans algériens dans l'armée française (1919–1945)* (Paris, 1996), 175–274, особенно о Свободных французских силах: 229–274; о марокканских солдатах: Moshe Gershovich, «Scherifentern und Hakenkreuz: Marokkanische Soldaten im Zweiten Weltkrieg», in Höpp, Wien, and Wildangel (eds.), *Blind für die Geschichte*, 335–364.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.